
Аксель Панцер
ИВАН.
БРЕМЯ ЦАРСТВА
Том III
Книга вторая
Собирая державу
Части первая и вторая
ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

Аксель Панцер

Иван. Бремя царства. Том 3. Книга 2. Части 1,2. Собирая державу

«Автор»
2026

Панцер А.

Иван. Бремя царства. Том 3. Книга 2. Части 1,2. Собирая державу / А. Панцер — «Автор», 2026

Москва ещё хранит следы страшного пожара. Юный царь Иван пытается восстановить не только город, но и доверие к престолу. Власть приходится утверждать ежедневно — в судах, походах, спорах с боярами и решениях, от которых зависят чужие жизни.Впереди — два тяжёлых похода на Казань, новый Судебник, создание стрелецкого войска, земельные преобразования и церковный собор. Иван ищет опору среди преданных людей, учится слышать возражения и всё чаще понимает: справедливый указ ещё не означает справедливого исхода. За реформами — судьбы служилых, ремесленников и крестьян, чьим трудом держится держава.Рядом с царём — Анастасия, его любовь и самый близкий собеседник. Но семейное счастье омрачает потеря, перед которой бессильна любая власть. Сумеет ли Иван соединить твёрдость государя с человечностью — и какой ценой даётся становление сильной страны? Исторический роман о времени, когда создавался новый порядок, а вместе с ним менялся сам царь.

© Панцер А., 2026
© Автор, 2026

Аксель Панцер
Иван. Бремя царства. Том 3. Книга 2. Части 1,2. Собирая державу

Аксель Панцер
ИВАН. БРЕМЯ ЦАРСТВА
Книга вторая. «Собирая державу»

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. «ЛЮБОВЬ И ПЕПЕЛ»
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. «ГОСУДАРЕВО ДЕЛО»
Главы 1–19 • 1547–1551 годы

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая. «Любовь и пепел»
1. Дворы без крыш 1
2. Чужая беда 34
3. Братнина свадьба 79
4. Лёд на Волге 119
5. Голос из Благовещенского собора 162
6. Свои люди 200
7. Дорога из Стародуба 243
8. Право возражать 286
9. Перед большим советом 324

Часть вторая. «Государево дело»
10. Собор примирения 361
11. Чей суд? 395
12. Дочь государя 437
13. Земля за службу 483
14. Второй поход 525
15. Книга закона 574
16. Люди с пищалями 612
17. Тысяча имён 655
18. Церковные земли 699
19. Сто глав 735

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. «ЛЮБОВЬ И ПЕПЕЛ»

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ДВОРЫ БЕЗ КРЫШ

Москва. Август — сентябрь 1547 года.

Первый настоящий дождь прошёл над Москвой в начале августа. Он начался ночью, сначала негромко застучав по уцелевшим кровлям, затем усилился и к рассвету превратил обгоревшие улицы в месиво из золы, глины и размокших щепок. Там, где прежде стояли деревянные дома, вода собиралась в глубоких ямах. Из печных труб, оставшихся посреди пустых дворов, струились грязные потёки. Обугленные брёвна потемнели, а запах пожарища, несколько ослабевший за последние недели, снова сделался тяжёлым и едким.

Город просыпался рано. Слышались удары топоров, скрип тележных колёс, крики возчиков, приглушённая ругань людей, вытаскивавших застрявшую в грязи лошадь. На одном

дворе уже поднимали новую стену. На соседнем ещё разбирали остатки старой. Возле разрушенной церкви двое работников устанавливали деревянные подпорки, опасаясь, что повреждённая кладка рухнет от сырости.

Москва восстанавливалась не по единому замыслу. Каждый начинал с того, что мог сделать собственными силами. У кого сохранилось серебро, нанимал плотников и покупал лес. Кто лишился всего, собирал уцелевшие доски, просил помощи у родственников, разбирал брошенные постройки. Некоторые семьи жили под навесами, другие теснились у знакомых. На окраинах появлялись временные избы, сложенные из разнородного дерева, иногда настолько непрочные, что сильный ветер заставлял хозяев выходить наружу и придерживать кровлю длинными жердями.

Фома стоял посреди бывшей кузницы и рассматривал две новые стойки. Их поставили накануне. Одну Никита выправил сам, над другой они работали вдвоём, хотя мастер ещё плохо владел повреждённой рукой. Теперь Фоме казалось, что правая стойка слегка наклонилась.

— Подойди, — сказал он.

Никита, возившийся возле деревянного ящика с инструментами, выпрямился.

— Что?

— Глянь отсюда.

Подмастерье встал рядом. Некоторое время оба разглядывали сооружение.

— Стоит ровно.

— С твоего места, может, и ровно.

— Я её по отвесу ставил.

— А отвес проверял?

Никита усмехнулся.

— Проверял, мастер.

Фома приблизился к стойке, приложил ладонь к сырому дереву, попробовал раскачать. Оно не поддалось. Старый кузнец нахмурился, но спорить не стал. После пожара ему приходилось всё чаще полагаться на молодого помощника. Раньше Никита подавал инструменты, держал заготовки, работал молотом, когда мастер указывал. Теперь нередко сам решал, как следует выполнить работу.

Фому это одновременно радовало и раздражало.

— Поперечину сегодня поднимем, — сказал он. — Только сперва лес привезти надобно.

— Обещали к полудню.

— Обещали они ещё неделю назад.

Никита подошёл к воротам. Улица за ними изменилась до неузнаваемости. Прежние тесные проходы расширились: исчезли заборы, пристройки, навесы. Но свободнее от этого не стало. Повсюду лежали груды дерева, кирпича и глины. Телеги с трудом разъезжались между ямами и временными складами.

Напротив мастерской стояла женщина с двумя детьми. Старший мальчик держал в руках медный котелок, младшая девочка прижимала к груди узел с одеждой. Женщину звали Марфой. Её муж Егор несколько лет работал плотником, иногда помогал Фоме устанавливать тяжёлые ворота и железные крепления. Во время июньского пожара он погиб, когда пытался вывести из горевшего дома старую мать. Старуху соседи успели вытащить, а Егор остался под обрушившейся кровлей.

Марфа после его смерти жила у сестры. Теперь она приходила на прежний двор почти ежедневно, надеясь поставить хотя бы небольшую избу до холодов. Никита заметил, что женщина стоит перед чужими людьми. Двое работников натягивали верёвку между деревянными колышками. Третий, в добротном кафтане, показывал им, куда следует перенести край будущей постройки.

— Здесь всегда проход был, — говорила Марфа.

Человек в кафтане не повышал голоса.

— Проход и останется. Только не там, где ты показываешь.

— Здесь наша стена стояла.

— Стена сгорела.

— А земля не сгорела.

Работник с верёвкой обернулся, но вмешиваться не стал. Никита вышел на улицу.

— Что случилось?

Марфа узнала его.

— Сосед новый двор ставить хочет. А мне места не оставляет.

Человек в кафтане повернулся.

— Не новый. Свой. Я его за свои деньги восстанавливаю.

Это был Прохор Кочетов, торговый человек, владевший несколькими лавками и большим двором неподалёку. В пожаре он потерял значительную часть товаров, но сумел сохранить деньги и часть складских помещений. Теперь нанял работников, чтобы поставить новые хозяйственные строения. Никита знал его по прежним заказам.

— Прохор Савельевич, тут ведь Егорова стена была.

— А ты мерил?

— Видел.

— Видеть можно по-разному. Мне место старый хозяин ещё при Василии Ивановиче показывал. Там огородная ограда проходила, а Егор свою постройку выдвинул.

— Егор двадцать лет здесь жил.

— И что с того?

Кочетов говорил без явного раздражения. У него тоже имелись причины торопиться. Часть товара лежала у знакомых, которым надоело предоставлять помещение бесплатно. Рабочих он нанял до осенних торгов. Каждый день задержки стоил денег.

— Разберёмся, — сказал Никита.

— Кто разберётся?

— Люди, кому положено.

Кочетов коротко рассмеялся.

— Вот и пусть разбираются. А мне работать надобно.

Марфа шагнула к колышку, обозначавшему новую границу.

— Здесь печь наша стояла.

— Печь дальше.

— Её после пожара разобрали.

— Значит, не покажешь.

Никита почувствовал, как поднимается злость. Он помнил прежний двор. Не слишком хорошо, чтобы уверенно назвать каждую сажень, но достаточно, чтобы знать: деревянная пристройка Егора стояла ближе к улице, чем показывал Кочетов.

— Не трогай пока землю, — сказал он.

Торговец повернулся к нему всем телом.

— Ты у меня хозяин?

— Нет.

— Вот и ступай к своему горну. А коли хочешь свидетельствовать, иди к государевым людям. Я и сам разбору не боюсь.

Он велел рабочим продолжать. Марфа попыталась удержать одного из них за рукав. Мужчина высвободился и неловко отступил. Дети прижались к матери. Из ворот вышел Фома.

— Что здесь за шум?

Никита объяснил. Кузнец выслушал, подошёл к колышкам, затем медленно прошёл вдоль бывшей границы.

— Егорова клеть здесь стояла, — произнёс он.

Кочетов развёл руками.

— И ты туда же.

— Я ему скобы на дверь ковал. Сам ставил.

— Скобы ставил, а землю не мерил.

Фома остановился. Возразить было нечего. Он действительно занимался железом, а не межеванием. Торговец воспользовался его молчанием.

— У меня купчая была.

— Где же она? — спросила Марфа.

— Сгорела вместе с домом.

— И у меня сгорела.

Несколько человек, собравшихся возле спорного места, заговорили одновременно. Каждый вспоминал что-нибудь своё. Один утверждал, что проход был шире. Другой уверял, будто Кочетов ещё до пожара жаловался на Егора. Третий признавался, что давно перестал различать, где кончается один двор и начинается другой. Фома слушал недолго.

— Пока не разобрали, колышки оставьте, — сказал он.

— А кто мне убыток возместит? — спросил торговец.

— Того не знаю.

— Вот и я не знаю.

Кочетов велел работникам сложить инструменты. Затем повернулся к Марфе.

Кочетов на мгновение отвёл взгляд к своей телеге, но не велел трогаться. На другом конце улицы его приказчик уже третий день складывал под открытым небом товар, который негде было хранить. Если не поставить склад до холодов, торговец потеряет остаток денег, спасённых от пожара. Он оглянулся на Марфу. За её спиной стояли дети, а за детьми — обугленная печь. Ему было неловко от того, что он заговорил с вдовой об убытках, как с равным торговым противником. И всё же уступить несколько саженей без разбора означало отказаться от земли, за которую он сам некогда заплатил. Кочетов хотел, чтобы его сочли правым; ещё сильнее он хотел поскорее начать стройку. Эти желания не совпадали.

— Только имей в виду: коли неправда твоя выйдет, за задержку спросить могу.

Женщина ничего не ответила. Когда торговец ушёл, Фома посмотрел на Никиту.

— Вези железо к соседу. Обещал к утру.

— А здесь?

— Здесь подождёт.

— Марфе куда идти?

Кузнец потёр повреждённую руку.

— К людям государевым.

— Она уже ходила.

— Тогда ещё раз.

Никита не двинулся. Фома понял, что подмастерье собирается спорить, и добавил:

— Я тебе иного не скажу. У меня свой двор без крыши. Коли всякую чужую беду станем разбирать, к зиме и горна не поставим.

Он отвернулся и пошёл в мастерскую. Никита остался возле Марфы. Девочка уже устала стоять и присела на перевёрнутое ведро. Старший мальчик разглядывал натянутую между кольями верёвку. Ему было лет десять. Он ещё не вполне понимал, почему взрослые не способны решить, где стоял дом, который он помнил с младенчества.

— Я покажу, — неожиданно сказал мальчик.

Никита обернулся.

— Что?

— Где стена была.

— Как?

Мальчик поставил котелок на землю и подошёл к куче обломков.

— У нас здесь лестница лежала. Под ней камень был. Батюшка его не убирал, говорил, тяжёлый. А возле стены корыто стояло.

Он принялся разгребать мокрую золу. Марфа хотела остановить сына, но Никита присел рядом. Под несколькими досками обнаружился большой плоский камень. Его поверхность почернела от огня. Мальчик обрадовался.

— Вот он!

Фома услышал голоса и снова появился в воротах.

— Чего нашли?

Никита показал камень. Старый кузнец узнал его. Несколько лет назад они с Егором пытались сдвинуть эту тяжёлую плиту, когда устраивали под навесом новую скамью. Камень оказался настолько неудобным, что его оставили на прежнем месте. Теперь он лежал значительно дальше от границы, которую показывал Кочетов. Это ещё не решало земельного спора, но впервые у Марфы появилось нечто большее, чем воспоминания.

Фома постоял, разглядывая находку.

— Никита, — сказал он наконец, — после обеда сходишь к Матвею Лазареву.

— А лес?

— Лес привезут — приму.

— А если не привезут?

— Тогда сам пойду ругаться.

Никита улыбнулся. Фома уже повернулся к воротам, но задержался.

— Только Марфе скажи, чтобы камень никто не трогал.

В тот же день Матвей Лазарев разбирал дело о строительном лесе. После пожара древесина стала одним из самых необходимых товаров в Москве. Её везли из окрестных селений и дальних лесных мест, сплавляли по рекам, доставляли на возах. Часть предназначалась для восстановления государевых построек и церквей, часть приобретали за собственные средства богатые горожане. Людям, потерявшим дома, обещали помощь, однако между обещанием и получением дерева часто проходили недели.

Матвей знал это не по жалобам. Почти каждое утро ему приносили новые сведения о задержанных поставках, неверных записях и спорах между подрядчиками. Некоторые жалобы оказывались справедливыми, другие основывались на недоразумениях, третьи составляли люди, надеявшиеся получить из казны больше положенного. В этот день дьяк обнаружил, что лес, предназначенный для нескольких пострадавших улиц, уже записан как выданный.

— Кому? — спросил он Луку.

Подьячий назвал имена. Матвей развернул другую запись.

— А здесь?

— Те же.

— Почему дважды?

Лука придвинул лист ближе к свету.

— В первой книге выдача, во второй перевозка.

— Тогда где отметка, что дерево принято?

— Нет её.

— Значит, не знаем, куда оно делось.

— Возчики утверждают, что доставили.

— А принимал кто?

— Человек городового распорядителя. Его нынче не застал.

Матвей провёл пальцем по строкам. Сгоревшие государственные записи восстанавливали с большим трудом. Теперь приходилось различать ошибки, возникшие из-за уничтоженных документов, и попытки воспользоваться этим обстоятельством.

— Ты сам лес видел?

Лука покачал головой.

— Только запись.

— Вот и сходи посмотри.

Подьячий помрачнел. С утра он уже дважды ходил по городу. Сапоги промокли, край кафтана был забрызган грязью. Кроме того, предстояло закончить переписку нескольких грамот.

— Сейчас?

— Сейчас. К вечеру люди опять разойдутся.

— А жалобы?

— Я разберу.

Лука начал собирать бумаги, но у двери появился служитель и доложил, что пришёл молодой кузнец с женщиной, желающей заявить о спорном дворе. Матвей тяжело вздохнул.

— Пусть войдут.

Никита узнал дьяка сразу. Он видел его не раз, когда Фома добивался расчёта за прежние государевы заказы. Теперь Матвей выглядел старше, чем весной. На правой руке ещё оставались следы ожогов. Дьяк держал её осторожно, особенно когда приходилось передвигать тяжёлые книги. Марфа поклонилась и остановилась возле двери.

— Говори, — разрешил Матвей.

Женщина начала объяснять, но быстро сбилась. Ей хотелось рассказать всё сразу: о погибшем муже, сгоревших грамотах, двух детях, споре с соседом и зиме, которая приближалась. Матвей несколько раз попросил её говорить по порядку. Никита помог. Рассказал о колышках, о старой границе, о найденном камне.

— А кто ещё подтвердить может? — спросил дьяк.

— Фома-кузнец.

— Он старое место помнит?

— Помнит.

— Другие?

Марфа назвала двоих соседей. Матвей повернулся к Луке.

— Запиши.

Подьячий взял чистый лист.

— И сходи туда, — добавил дьяк. — Всё равно по лесу идёшь.

Лука невольно усмехнулся.

— Мне теперь по всей Москве ходить?

— Не по всей. Где дело неясное.

— Так ведь вся Москва теперь неясная.

Матвей не рассердился. Ему и самому нередко приходила в голову эта мысль. Он спросил Марфу, где она живёт.

— У сестры. Только тесно там. У них своих четверо.

— А на двор строиться чем собираешься?

— Лес обещали.

— Когда?

— Ещё в июле.

— Получила?

— Нет.

Матвей нашёл среди бумаг нужную улицу. Против нескольких дворов действительно значилась выдача древесины.

— Здесь написано, что получено.

Марфа побледнела.

— Не получала я.

— Кто вместо тебя расписался?

— Не знаю.

Дьяк положил лист перед Лукой.

— Вот и ещё одно дело.

Женщина подошла ближе.

— Матвей Иванович, мне не до тяжбы. Коли бы жив был Егор, он бы сам разобрался. А теперь мне хотя бы угол поставить, чтобы дети под дождём не ночевали.

Матвей знал, что ответить ей по существующему порядку. Следовало проверить свидетельства, разыскать прежних хозяев земли, выяснить обстоятельства покупки или владения, затем определить границы. Но женщина говорила не о судебном решении. Ей требовалась крыша.

— Разберём, — произнёс он.

Марфа услышала это слово и поняла, что ничего другого сегодня не получит.

В начале сентября Иван Васильевич снова приехал в Москву разбирать городские дела. Дорога к Кремлю проходила между дворами, где уже поднимались новые стены, и огромными пустыми пространствами, на которых почти не осталось следов прежней застройки. Царь сидел верхом и внимательно рассматривал город. Сопровождавшие старались не задерживаться возле больших скоплений людей. После июньских событий служители особенно настороженно относились к толпам.

Иван замечал их тревогу. Иногда его это раздражало. Он хотел видеть Москву своими глазами, а не только слушать рассказы о ней, однако всякое движение теперь сопровождалось предупреждениями о возможной опасности. Возле одного перекрёстка стояла группа людей. Они окружили телегу со строительным лесом. Возчик пытался объяснить, что деревья предназначены для другого места, но его не слушали.

— Остановись, — велел Иван.

Сопровождавший боярин приблизился.

— Государь, там людской спор.

— Вижу.

— Лучше людей послать.

Иван посмотрел на него.

— А я разве не человек?

Боярин смутился. Царь направил коня ближе. Заметив всадников, спорившие расступились. Некоторые сразу поклонились, другие продолжали стоять с непокрытыми головами, не сразу понимая, кто перед ними. Возчик опустился на колени.

— Государь, я лес везу по записи.

Иван велел ему подняться.

— Куда?

Человек назвал место.

— А они почему не пускают?

Из толпы выступил седой мужчина.

— Нам лес велели выдать, государь. Третий раз ждём. А всё мимо везут.

— Кто велел?

— Государевы люди.

— По чьему приказу?

Мужчина растерялся.

— По твоему, государь.

Иван повернулся к сопровождавшим.

— Узнать, кому лес назначен.

Один из служителей принялся расспрашивать возчика. Тот достал из-за пазухи свёрнутый лист, на котором значилось распоряжение о доставке древесины для восстановления хозяйственного строения. Запись была составлена правильно. Лес принадлежал другому получателю. Иван велел пропустить телегу. Люди нехотя отступили. Однако седой мужчина остался на месте.

— А нам когда?

Вопрос прозвучал достаточно громко, чтобы его услышали все. Иван почувствовал раздражение.

— Я велел выдавать.

— Так не выдают.

Молодой царь хотел потребовать имя виновного служителя, но остановился. В памяти всплыло июльское разбирательство о хлебе, который задержали вовсе не из-за злого умысла.

— Кто у вас старший по этому делу?

Мужчина назвал имя. Иван распорядился привести его вместе с записями. Затем повернул коня. Пока свита двигалась дальше, несколько москвичей продолжали смотреть ему вслед. В их лицах не было той враждебности, которую Иван видел во время июньского восстания. Но не было и праздничного восторга, привычного во время торжественных выездов.

У ворот толпились погорельцы. Никто не выкрикнул царю упрёка; люди лишь отступили, оставив перед ним узкий проход. Иван придержал коня и встретил взгляд женщины, державшей ребёнка под мокрой холстиной. Спросить, когда у неё будет крыша, он не решился.

Матвей ожидал его в помещении, временно приспособленном для государевых дел. Несколько стен здесь пострадали от огня, но кровлю уже восстановили. Возле окон стояли сундуки с книгами и грамотами. Часть документов хранилась в узлах, потому что для них ещё не изготовили новых шкафов. Иван вошёл быстро. Он уже успел выслушать доклад о состоянии некоторых кремлёвских построек и был недоволен тем, как медленно шла работа.

— Лес по Москве возят, а люди говорят, что ничего не получают, — произнёс он, едва усевшись.

Матвей поклонился.

— Такое бывает, государь.

— Отчего?

— Разные выдачи. Одни по прежним договорам, другие по государевой помощи. И частный лес есть. Не всякий воз принадлежит казне.

— Я о государевом спрашиваю.

Дьяк разложил перед ним несколько листов.

— По государевому тоже задержки. Часть привезена, часть ещё в дороге. Есть и спорные записи.

Иван принялся читать. В некоторых местах сведения были неполными. Отдельные имена повторялись. Против иных дворов значились отметки о выдаче, тогда как жалобы свидетельствовали об обратном.

— Почему выдано, если не получили?

Матвей объяснил, что иногда запись составляли после отправки леса, прежде чем тот доходил до получателя. Бывали случаи, когда возчик возвращался из-за размытой дороги или повреждения телеги, но отметку о выдаче не исправляли.

— Так исправляйте.

— Исправляем. Только не всегда можно узнать, куда дерево доставили.

Иван отодвинул лист.

— Значит, кто-то ворует.

— Возможно.

— Тогда сыскать.

— Сыскиваем.

Молодой царь резко поднялся.

— Ты мне третий раз одно говоришь!

Матвей придержал пальцем край ведомости. В нескольких графах по-прежнему не хватало имён и отметок о выдаче; поспешная подпись не заполнила бы их.

— Государь, — произнёс он наконец, — если велишь наказать всех, кто записывал выдачи, мы и тех накажем, кто лес честно возил.

Иван повернулся.

— Я разве велел всех?

— Нет. Только виновного сперва установить надобно.

Царь подошёл к окну. Во дворе рабочие переносили доски. Один из них поскользнулся, выронил тяжёлую ношу и едва не придавил товарищу ногу. Поднялся шум, но вскоре оба снова принялись за работу.

— Сколько ещё проверять станете? — спросил Иван.

Матвей назвал предполагаемый срок.

— А до тех пор люди ждать будут?

— Кому можно без спора помочь, тем выдаём.

— А кому нельзя?

Дьяк не ответил сразу.

— Там труднее.

Он достал другое дело и рассказал о вдове плотника Егора, о споре с торговцем Кочетовым и о древесине, будто бы выданной женщине, хотя она утверждала, что ничего не получила. Иван вернулся к столу.

— А зачем ей судиться о земле? Пускай строится на своём месте.

— Сосед говорит, что место его.

— Пусть докажет.

— У него грамота сгорела. У вдовы тоже.

— Так у неё дом стоял.

— Стоял. Только неведомо, по какой границе.

Иван снова сел.

— Кто видел?

— Соседи. Да кузнец, который там работу делал.

— Проверили?

— Луку послал.

— Когда вернётся?

— Сегодня должен.

Царь посмотрел на разложенные бумаги. Ещё недавно ему казалось, что достаточно велеть записать погорельцев, назначить выдачу хлеба и леса, после чего восстановление города пойдёт своим чередом. Теперь выяснялось, что сгоревший дом мог оставить после себя такую тяжбу, которую не удавалось разрешить даже при наличии свидетелей.

— Приведи мне завтра тех, кто этим ведает, — сказал он.

Матвей поклонился.

— И вдову?

Иван немного подумал.

— Нет. Сперва сам узнай, что там. А мне доложи не только про землю. Узнай, где она с детьми ночует.

Матвей посмотрел на него внимательнее.

— Исполню, государь.

К вечеру дождь прекратился. Лука пришёл к Фоминой кузнице, когда Никита растапливал маленький временный горн. Под навесом пахло древесным углём и горячим железом. На низкой подставке лежали скобы, приготовленные для соседского строительства. Фома сидел неподалёку и перебирал инструменты.

— Матвей Иванович прислал, — сказал Лука.

Кузнец поднялся.

— По какому делу?

— По Марфину.

Никита отложил мехи.

— Пойдём, покажу.

Лука осмотрел спорный участок. Кочетова там не было. Его работники уже убрали инструменты, но колышки оставались на месте. Марфа привела двоих соседей, согласившихся свидетельствовать. Первый оказался стариком, жившим через дорогу. Он уверенно указал прежнюю границу. Второй, торговец мелким товаром, помнил иначе. По его словам, изгородь много раз переставляли, особенно после того, как Егор пристроил к дому деревянную клеть.

— А разрешение у него было? — спросил Лука.

— У кого?

— У Егора.

Торговец пожал плечами.

— Не ведаю.

Старик рассердился.

— Как не ведаешь? Ты сам тогда здесь стоял!

— Стоял. Только кто кому разрешал, не слышал.

Лука присел возле найденного камня. Тот находился действительно далеко от новых колышков. Но сам по себе не доказывал, где проходила граница: камень могли использовать для любой хозяйственной надобности.

— Где печь была? — спросил подьячий.

Марфа показала.

— А колодец?

— Общий, за двором.

— Кто его копал?

— Ещё при отце Егора.

Лука попросил показать колодец. Выяснилось, что к нему вёл проход, которым пользовались несколько соседних семей. Если поставить новую ограду по колышкам Кочетова, к воде станет трудно подойти с тележкой, а Марфина будущая изба окажется почти вплотную к соседнему хозяйственному строению.

— Это уже не одна их тяжба, — заметил Никита.

Лука кивнул. Он обошёл участок ещё раз, измерил расстояния шагами и велел одному из сопровождавших отметить положение колодца, камня и сохранившегося фундамента. Потом потребовал привести Кочетова на следующий день. Марфа следила за работой с нарастающей тревогой.

— А мне что теперь?

— Пока ничего не трогай.

— Так я и не трогаю.

— И сосед пускай не строит.

Женщина закрыла лицо ладонью. Никита хотел что-то сказать, но Фома остановил его.

— Подожди.

Когда Лука закончил записи, кузнец пригласил его под навес.

— У меня тоже лес задержали, — сказал он.

— По какому заказу?

Фома объяснил. Лука вспомнил, что видел фамилию кузнеца в списках поставок. Действительно, несколько брёвен значились отправленными.

— Значит, привезут.

— Когда?

— Срока не скажу.

— Так у меня люди без дела стоят.

Лука посмотрел на разложенные скобы.

— Вижу, что не совсем без дела.

Фома сердито усмехнулся.

— К соседу в кузницу хожу, чтобы железо греть. За уголь ему плачу. За горн плачу. Здесь только доканчиваю. Разве это работа?

Он показал обожжённую руку.

— Я и сам уже не прежний. Пока выздоровею, Никита один всё тянет.

Подьячий осмотрел мастерскую. Ему вспомнились другие дворы, где люди также пытались возобновить ремесло.

— В твоём деле разберусь, — обещал он.

— Не обещай, коли не можешь.

— Я и говорю: разберусь. Не говорю, что лес завтра привезут.

Фома изучал его лицо. Затем кивнул. Когда Лука собрался уходить, Никита догнал его у ворот.

— А Марфе?

— Что Марфе?

— Она опять ждать станет?

— Пока дело не решено, ждать придётся.

— А если дожди начнутся?

Подьячий оглянулся на временную избушку, где женщина собиралась устроиться с детьми. Постройка действительно выглядела ненадёжной.

— У неё сестра есть.

— Есть. Только у той своих четверо.

Лука не ответил. Вечером, составляя доклад Матвею, он оставил под сведениями о границе ещё несколько строк: где ночуют дети и сколько времени вдова живёт без собственной крыши.

Анастасия узнала о Марфе не от Ивана. За несколько дней до этого к женщинам царского двора привели нескольких погорелиц. Они просили полотна, одежду и небольшую помощь для детей. Одни лишились имущества, другие потеряли родственников. Царица распорядилась выдать часть необходимых вещей из своих запасов и велела узнать, кому требуется срочная помощь. Среди пришедших оказалась Марфина сестра.

Она не сразу осмелилась рассказать о родственнице. Царские служительницы уже записали её просьбу, и женщина опасалась показаться слишком настойчивой. Но Анастасия заметила, что та несколько раз собирается заговорить, затем замолкает.

— Что ещё у тебя? — спросила она.

Женщина рассказала о сестре и двух детях, которых приходилось кормить вместе со своими четырьмя. Анастасия выслушала.

— Муж её погиб?

— В пожаре, государыня.

— А сама где теперь?

— У меня. Только тесно.

— Детей сколько лет?

Женщина назвала возраст. Анастасия распорядилась подготовить полотно и немного тёплой одежды. Потом попросила узнать, можно ли временно разместить Марфу с детьми в одном из помещений, принадлежавших знакомому монастырскому хозяйству. Служительница поклонилась.

— Государыня, надобно сперва согласовать.

— С кем?

— С людьми, которые ведают помещениями.

— Так согласуйте.

— А если откажут?

Анастасия посмотрела на неё.

— Тогда узнайте, где есть место.

Служительница ушла. Царица осталась с принесёнными записями. Она быстро обнаружила, что почти каждая просьба содержала обстоятельства, которых не предусматривал обычный порядок выдачи помощи. Одной женщине требовалась одежда, другой — мука, третьей негде было оставить больного ребёнка. Кто-то мог работать, но не имел инструментов. Кто-то имел имущество, но не мог самостоятельно им воспользоваться.

Анастасия привыкла к хозяйственным заботам ещё в родительском доме. После смерти отца её мать часто объясняла дочерям, сколько средств можно потратить, а что необходимо отложить. Теперь распоряжаться приходилось значительно большим хозяйством, но сама задача не сделалась проще. Она велела составить отдельный перечень женщин, которым требовалась помощь до наступления холодов. Не общий список всех погорелиц, а именно тех, кто не мог самостоятельно восстановить жилище. На следующий день Иван узнал о распоряжениях жены.

Он пришёл к ней после долгого совещания и обнаружил, что в соседнем помещении женщины разбирают большие свёртки с полотном.

— Что у тебя происходит? — спросил он.

Анастасия поднялась ему навстречу.

— Для погорельцев готовим.

— Опять?

— Не все ведь получили.

Он оглядел ткани.

— Это из твоей казны?

— Часть моя, часть из прежних запасов. Что можно было, велела выдать.

Иван нахмурился.

— А мне почему не сказала?

Анастасия удивилась.

— О чём?

— О выдачах.

— Ты ведь сам велел помогать.

— Я велел по спискам.

— Они и записывают.

— Кто проверяет?

Она указала на старшую служительницу.

— Люди, которым поручено.

Иван подошёл к столу. На нём лежала запись с именами женщин и перечнем необходимых вещей. Он прочитал несколько строк.

— Здесь одной дважды полотно назначено.

Анастасия приблизилась.

— У неё две семьи вместе живут. Своих трое детей и сестрины.

— А это почему без мужа?

— Муж погиб.

— Проверили?

— Узнали у соседей.

Иван положил запись.

— Так ведь каждый может сказать, что у него кто-нибудь погиб.

Служительницы замерли. Анастасия почувствовала, как неприятно прозвучали слова мужа в присутствии женщин, только что рассказывавших о своих бедствиях. Она попросила всех выйти. Когда дверь закрылась, повернулась к Ивану.

— Ты считаешь, я раздаю вещи первому встречному?

— Я этого не говорил.

— Почти сказал.

Он раздражённо отодвинул стул.

— Ты не знаешь, сколько теперь обмана. Одни и те же люди по нескольку раз приходят. Чужое имущество своим называют. Лес берут, потом продают.

— Знаю, что обманывают.

— Тогда зачем без проверки?

— Я проверяю, как умею.

Иван хотел возразить, но она продолжила:

— Ты можешь приказать своим людям искать старые записи. А у меня женщины стоят перед дверью с детьми. Что я должна делать, пока твои люди разбираются?

Он молчал.

— Хотя бы не выдавать казённого без счёта.

Анастасия показала на лежащие документы.

— Счёт здесь.

Иван снова взглянул на записи. Они были составлены аккуратно. Против каждого имени значилось, что выдано, кому поручено и какие сведения удалось проверить. Он почувствовал, что рассердился напрасно, но признать это сразу было трудно.

— Матвея попрошу посмотреть, — сказал он.

Анастасия не возражала.

— Пусть посмотрит.

Затем добавила:

— Только скажи ему, чтобы не отбирали назад то, что уже детям отдали.

Иван поднял голову.

— Почему ты думаешь, что отберут?

— Потому что твои люди прежде всего боятся ошибиться.

Он хотел ответить резко, но увидел, что жена не собирается спорить о его власти. Она беспокоилась о вполне определённых людях, которым уже выдали помощь.

— Не отберут без причины, — сказал Иван.

Анастасия кивнула. Разговор на этом закончился, но лёгкого примирения не произошло. Молодые супруги ещё не привыкли к тому, что оба могут иметь собственное представление об одном и том же деле. За ужином Анастасия рассказывала о матери и братьях. Иван слушал, отвечал, иногда улыбался. Но мысль о дневном разговоре возвращалась к нему. Он поймал

себя на том, что недоволен не самими выдачами, а тем, что жена начала распоряжаться без предварительного согласования с ним.

Причину этого недовольства он не сумел бы объяснить даже себе.

На следующее утро Матвей представил царю результаты первых проверок. С лесом обнаружилась путаница. Часть древесины действительно была доставлена, но не тем людям, которым предназначалась. Несколько брёвен оказались в распоряжении подрядчика, строившего хозяйственные помещения для состоятельного торговца. Подрядчик уверял, что взял их временно, рассчитывая позднее заменить равным количеством дерева из собственной поставки.

— Кто ему позволил? — спросил Иван.

— Говорит, устно договорился с городовым служителем.

— А тот?

— Отрицает.

— Значит, один лжёт.

Матвей осторожно согласился.

— Только ещё установить надо, кто именно.

Иван велел отстранить ответственного от дальнейших выдач до окончания проверки. Затем распорядился возвратить неправомерно использованный лес либо заменить его за счёт виновных, когда обстоятельства будут выяснены. После этого Матвей перешёл к спору Марфы и Кочетова. Он представил записи Луки, показания соседей и сведения о старой дворовой границе.

— Значит, правда вдовья? — спросил Иван.

— Не всё ясно. Камень нашли, соседи место помнят. Но и Кочетов говорит, что Егор прежде занимал часть его земли.

— А кто прав?

— Судить надо.

Иван откинулся на спинку стула.

— Так вы всё судить собираетесь. А ей строиться когда?

Матвей ответил, что без окончательного решения можно определить временное место для небольшой избы, не затрагивая спорную часть участка. Однако для этого требовалось согласие тех, кто ведал распределением строительных материалов, и необходимо было обеспечить проход к общему колодцу.

— Разве нельзя сразу так сделать?

— Можно, государь. Только если потом решат иначе, постройку придётся переносить.

Иван задумался. Ему хотелось простого решения. Он мог объявить землю Марфиной, запретить Кочетову вмешиваться и потребовать немедленно доставить лес. Но тогда оставалась возможность, что торговец действительно лишится законной собственности. Можно было и наоборот — позволить Кочетову строить, ожидая окончательного разбора жалобы вдовы. Тогда женщина, вероятно, потеряла бы возможность восстановить жилище до зимы.

— Где дети её живут? — спросил Иван.

Матвей рассказал.

— А лес, что ей назначили?

— Ещё не нашли. По записи выдан, по свидетельствам нет.

— Выдать другой.

— Из какого запаса?

Этот вопрос снова заставил царя остановиться. Матвей объяснил, что запасов, свободных от уже принятых обязательств, немного. Лес нужен для восстановления городских укреплений, государевых построек, церковных зданий, мостов и жилья. Некоторые партии уже распределены, но ещё не доставлены.

— Если каждому спорному двору велеть новую выдачу, — сказал дьяк, — в другом месте без леса останутся.

Иван посмотрел на карту городских улиц, которую принесли для разбирательства.

— Тогда сначала тем, у кого крыши нет вовсе.

— Таких много.

— Сколько?

Матвей назвал предварительное число, предупредив, что оно ещё не окончательное. Иван долго рассматривал лист.

— Сделайте отдельно список тех, кто совсем без жилища. И где дети малые. И где больные.

Матвей поклонился.

— Но не по одним словам, — добавил царь. — Пусть люди посмотрят.

Он вернулся к Марфиному делу.

— До решения о земле пусть временную избу поставит там, где никому проход не загородит. А Кочетову скажите, чтобы работники к спорной стороне не подходили.

— Он будет жаловаться.

— Пусть жалуется.

— Имеет право.

Иван поднял голову.

— Я у него права не отнимаю. Только и вдову под дождём держать не стану.

Матвей сделал помету.

— Исполним.

Царь уже хотел перейти к следующему вопросу, но задержал его.

— А тех, кто лес присвоил, доведи до конца. Не хочу, чтобы через месяц опять то же дело слушать.

Дьяк согласился. Когда он вышел, Иван ещё некоторое время просматривал записи. Впереди лежали десятки других дел. Нельзя было даже сказать, какие из них окажутся проще, а какие труднее. Он велел позвать во двор человека, отвечавшего за очередную поставку леса. Работа продолжалась.

В середине сентября Марфа начала ставить небольшую избу. Место определили после нового осмотра двора. Кочетов присутствовал при разбирательстве и возражал против некоторых предложений, но в конце концов согласился не занимать спорную землю до окончательного решения. Ему разрешили продолжить строительство на бесспорной части участка.

Он остался недоволен. Марфа тоже не считала себя победительницей. Прежний дом мужа стоял значительно удобнее, а новая постройка получалась тесной. Но у неё появилась возможность отделиться от сестры и устроить собственное хозяйство. Несколько брёвен удалось получить после исправления ошибочной записи. Другие помогли приобрести соседи. Фома дал железные скобы, а Никита взялся помогать с кровлей.

Работали с утра. Погода держалась сырая, земля плохо просыхала, поэтому приходилось особенно тщательно укреплять нижние венцы. Плотник, нанятый на несколько дней, руководил работой. Никита подавал дерево, устанавливал крепления, поднимался на стены. Фома приходил после обеда. Долго работать тяжёлым молотом ему ещё было трудно, но он умел сразу замечать неверно подогнанные соединения.

— Здесь щель останется, — сказал он однажды.

Плотник посмотрел.

— Мхом забьём.

— Мох вывалится.

— Не вывалится.

Фома взял тесло и показал, как следует поправить край бревна. Плотник сперва хотел возразить. Но, увидев результат, молча переделал соединение. Никита рассмеялся.

— Ты всё равно без работы не можешь.

— А ты не смейся. Кровлю поскорее кончайте.

Марфа носила воду, готовила пищу, собирала стружку. Дети тоже старались помогать. Старший подавал мелкие инструменты. Девочка складывала щепки в корзину и сердито требовала, чтобы никто не наступал на её работу. К концу недели стены поднялись настолько, что можно было начинать устройство крыши. Однажды после полудня пришёл Кочетов.

Он долго стоял у новой избы, рассматривая постройку. Марфа заметила его и вышла навстречу.

— Что тебе?

— Смотреть пришёл.

— На что?

— Не залезли ли на моё.

Никита спустился с крыши.

— По мерке ставим.

— Вижу.

Кочетов подошёл к общей дорожке, ведущей к колодцу. Осмотрел её, затем поднял голову.

— Только здесь зимой саням не пройти будет.

Никита хотел возразить, но торговец продолжил:

— Когда снег навалит, дорога станет узкая. Вы бы угол кровли дальше не выпускали.

Плотник посмотрел на выступающие концы стропил.

— Можно укоротить.

— Вот и хорошо.

Кочетов уже собирался уходить, когда Марфа неожиданно спросила:

— А ты чего злой на меня?

Торговец остановился.

— Я не злой.

— Будто я тебе что отняла.

Он помолчал.

— Я тоже погорел, Марфа.

— Знаю.

— Только мне никто лес даром не выдаёт. Я за свой плачу. За рабочих плачу. За задержку плачу.

— У меня Егор погиб.

— Я ведь его не убивал.

Марфа отвернулась. Никита подошёл было к ней, но Фома знаком остановил подмастерье. Старый кузнец видел, что разговор дошёл до той черты, за которой люди перестают слышать друг друга. Кочетов поправил пояс.

— Коли бы вы раньше ко мне пришли, может, и договорились бы. А теперь государевых людей привели, будто я чужое отнимаю.

— Так ты же колышки поставил, — сказал Никита.

— Поставил. Где своё считал.

— И она своё считала.

Торговец посмотрел на него с неожиданным интересом.

— Вот и вышло, что оба считали.

Он ушёл, не простившись. Фома проводил его взглядом.

— Концы кровли поправь, — сказал он плотнику.

Работа возобновилась. Но Никита ещё долго думал о том, что услышал. Ему не хотелось признавать Кочетова правым. И всё же торговец потерял имущество, нанял людей, вложил деньги и опасался, что новое разбирательство принесёт дополнительные убытки. Получалось, что одного виновного, которого можно было бы наказать и тем самым закончить спор, здесь не находилось.

Тем временем митрополит Макарий медленно оправлялся после страшных июньских событий. Повреждённые глаза всё ещё причиняли боль. Ему было трудно долго читать, и некоторые книги теперь приходилось слушать. Близкие служители берегли его от излишних хлопот, но митрополит продолжал заниматься церковными делами и принимать людей. Иван приехал к нему в один из сентябрьских дней. Макарий встретил царя сидя. Подниматься ему ещё было нелегко. Иван поцеловал его руку, сел рядом и некоторое время расспрашивал о здоровье.

Митрополит отвечал спокойно. Он не любил говорить о собственных страданиях и вскоре перевёл разговор на город.

— Москва строится? — спросил он.

— Строится.

— Много ещё без крова?

— Много.

Иван рассказал о задержках строительного леса, о спорах между погорельцами, о трудностях восстановления сгоревших записей. Макарий слушал. Иногда просил повторить имя или обстоятельство, если не расслышал.

— Государь, — сказал он после рассказа о вдове плотника, — я прикажу нашим людям посмотреть, где можно ещё помочь нуждающимся.

— Уже помогают.

— Помогают. Только не всех знают.

Иван согласился. Говорили о восстановлении храмов. Затем митрополит спросил, как идут дела у царя с боярами. Вопрос прозвучал обыкновенно. Однако Иван сразу понял, что Макария интересует не только порядок совещаний.

— Слушают, — ответил он.

— А ты их?

Иван усмехнулся.

— И я слушаю.

Макарий не стал продолжать расспросы. Он знал молодого царя достаточно давно, чтобы различать в его голосе раздражение, усталость и искреннее желание разобраться.

— После пожара всякий о своём горе прежде говорит, — произнёс он. — И боярин, и торговый человек, и последний бедняк.

— Только у одного целый двор остался, а другой с детьми у родни живёт.

— Так бывает.

— А судить приходится одинаково.

Митрополит немного подумал.

— Судить надобно по правде. А помогать можно и прежде суда, коли человек нуждается.

Иван вспомнил разговор с Матвеем.

— Так мы и сделали.

Макарий кивнул. В соседнем помещении кто-то передвигал тяжёлый сундук. Раздался скрип дерева, потом негромкая брань. Митрополит на мгновение повернул голову к двери. Иван увидел, что старец устал.

— Я пойду, владыка.

— Ступай, государь.

Царь поднялся, поклонился и направился к выходу. Возле двери Макарий остановил его.

— Как Анастасия?

— Здорова.

— Помогает тебе?

Иван вспомнил их недавний спор.

— Помогает, — ответил он после короткой заминки.

Митрополит улыбнулся.

— Береги её.

Иван не стал возражать. Простился и вышел. Во дворе его ожидали лошади. Молодой царь поднялся в седло и велел ехать к месту, где собирались новые сведения о восстановлении города. Он чувствовал усталость после нескольких часов разбирательств, но возвращаться без дела не хотел.

К концу сентября мастерская Фомы получила настоящую крышу. Лес всё-таки привезли. Задержка объяснилась частью неверной записью, частью неисправностью повозки, которая должна была доставить последние тяжёлые брёвна. Фома выслушал объяснения возчика, не удержался от нескольких сердитых слов, но спорить дальше не стал. Теперь нужно было работать.

Никита собрал новый горн. Для него использовали часть старого каменного основания, кирпич из разрушенной печи и уцелевшие железные крепления. Мехи пришлось делать заново. Фома долго проверял их действие, несколько раз требовал изменить крепление, пока воздух не стал поступать ровно. В первый день они решили изготовить небольшую партию гвоздей и скоб. Никита разложил уголь, поднёс огонь, начал раздувать жар. Сначала горн дымил. Затем пламя окрепло, и в глубине углей появились яркие белёсые просветы.

Фома стоял рядом, держа заготовку.

— Давай.

Никита принял железо. Он давно умел работать у горна, но теперь впервые чувствовал, что от его рук зависит почти весь ход дела. Мастер ещё не восстановил прежней силы. Тяжёлый молот приходилось брать самому. Железо постепенно раскалилось. Никита вытащил прут, положил на наковальню и начал ковать. Удары звучали сначала неровно, затем один за другим сложились в привычный рабочий ритм.

Фома следил за формой изделия.

— Не торопись. Конец тоньше веди.

Никита поправил заготовку и продолжил. Через некоторое время первый гвоздь был готов. Мастер взял его, осмотрел, покрутил между пальцами.

— Головка широкая.

— Держать лучше будет.

— Смотря что держать.

Никита рассмеялся.

— Так перекую.

— Не надо. Для тяжёлой доски сойдёт.

Фома положил гвоздь к остальным заготовкам. В открытых воротах появилась Марфа. Она принесла небольшой узел с хлебом и овощами.

— За помощь, — сказала она.

Фома нахмурился.

— Мы тебе не за хлеб работали.

— Знаю.

— Так зачем?

— А мне самой хочется.

Кузнец хотел отказаться, но Никита уже принял узел.

— Спасибо, Марфа.

Она улыбнулась.

— Крыша теперь не течёт. Ночью дождь был, а мы сухие спали.

Фома посмотрел на неё.

— Хорошо.

— Только печь ещё поправить надо.

— Поправите.

Марфа кивнула. Она собиралась рассказать что-то ещё, но услышала, как дети зовут её с улицы, и поспешила к воротам. Никита проводил её взглядом.

— Справится теперь.

Фома не ответил сразу.

— Работы у неё много.

— У всех много.

Кузнец вернулся к горну.

— Вот и принимайся.

Они работали до вечера. За воротами проходили люди, грохотали телеги, звенели топоры. В нескольких соседних домах уже появились новые окна. На улице пахло свежей древесиной, мокрой землёй и дымом из недавно сложенных печей. Ближе к закату Никита вышел за водой. У общего колодца стояли дети Марфы. Старший мальчик пытался поднять тяжёлое ведро, младшая держала верёвку обеими руками, мешая ему больше, чем помогая.

Никита подошёл, поднял ведро и поставил на землю.

— Где матушка?

— В доме, — ответил мальчик. — Печь топить собирается.

— Так помоги ей.

— Сейчас.

Девочка показала на кузницу.

— У вас опять огонь?

— Опять.

— А дом не сгорит?

Никита посмотрел на новую кровлю, на крепко поставленные стойки, на кирпичный горн, устроенный под навесом с большим расстоянием до деревянных частей.

— Мы теперь за этим следим, — сказал он.

Мальчик взял ведро за дужку. Сестра ухватилась за другой край, и они вместе понесли воду домой. Никита наполнил своё ведро и вернулся к мастеру. Фома сидел у наковальни. Перед ним лежали готовые скобы. Он пересчитывал изделия, откладывая в сторону те, которые требовали исправления.

— Сколько вышло? — спросил Никита.

— Для первого дня довольно.

— Завтра больше сделаем.

— Завтра лес ещё привезут. Для дворовых ворот железо понадобилось.

Никита поставил воду возле горна.

— Значит, работать будем.

Фома поднялся. Он хотел взять тяжёлый молот, но повреждённая рука отозвалась болью. Мастер поморщился и передал инструмент подмастерью.

— Держи. Сегодня ты докончишь.

Никита принял молот. На соседнем дворе Марфа закрывала ставни новой избы. Через улицу Кочетовские работники укладывали последние брёвна хозяйственной постройки. Между двумя дворами оставили проход к колодцу. Земельный спор ещё не был окончательно решён, но люди уже могли пользоваться водой, возить дрова и продолжать строительство. Снова раздались удары железа.

Фома подошёл к воротам, осмотрел крышу, проверил, не оставили ли под навесом лишних досок. Потом вернулся к горну и велел Никите прибавить воздуха. Железо раскалилось до нужного цвета. Молодой мастер положил заготовку на наковальню и ударил. На этот раз Фома не поправлял его руку. Он стоял рядом и следил за работой, ожидая, когда можно будет принять готовое изделие.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ЧУЖАЯ БЕДА

Москва. Сентябрь — октябрь 1547 года.

К началу октября в Москве снова стало слышно, как работают кузнецы. Прежде удары молотов сливались с шумом торга, скрипом телег и криками разносчиков. Теперь каждый действующий горн привлекал внимание. Людям требовалось железо. Без него нельзя было навесить ворота, укрепить двери, собрать телегу, починить колодезный ворот или поставить надёжные запоры на новые амбары. Даже самые простые гвозди стали расходиться быстрее, чем мастера успевали их изготовлять.

В кузнице Фомы работа начиналась ещё до рассвета. Никита раздувал горн, пока мастер готовил железные полосы и осматривал вчерашние изделия. Несколько заказов удалось выполнить за последние недели, однако денег по-прежнему не хватало. Требовалось расплатиться за уголь, купить новое железо, вернуть соседям занятый инструмент и закончить восстановление мастерской. Крыша теперь защищала от дождя, но одна стена оставалась временной. Когда поднимался ветер, в щели затягивало холодный воздух, а дым не всегда уходил туда, куда следовало.

Фома переносил неудобства терпеливо. Гораздо сильнее его тревожила рука. Ожоги давно зажили, но при тяжёлой работе пальцы иногда сводило, а ладонь теряла прежнюю силу. Особенно трудно было удерживать раскалённую заготовку клещами. Мастер старался не обнаруживать слабости перед Никитой, хотя тот прекрасно видел происходящее. В тот день кузнец с утра занимался дверными петлями. Они предназначались для новой избы на соседней улице. Никита подготовил заготовки, а Фома проверял отверстия под крепления.

— Здесь сверло повело, — заметил мастер.

Никита взял изделие и осмотрел.

— Поправлю.

— Не спеши. Железо хорошее, второй раз портить жалко.

Молодой человек положил петлю на верстак. В воротах появилась телега, запряжённая гнедой лошадью. Возчик остановился, оглядел мастерскую и спросил, здесь ли работает кузнец Фома. Из повозки сошёл невысокий мужчина в тёмном кафтане. На поясе у него висел небольшой кожаный кошель, в руке он держал свёрнутый лист. В отличие от обычных заказчиков человек не стал рассматривать выставленные у стены изделия. Сразу попросил позвать хозяина.

Фома вытер руки ветошью.

— Я хозяин.

— От государева двора прислан.

Кузнец выпрямился. Посланный назвался Никоном. Он ведал частью хозяйственных закупок и сейчас разыскивал мастеров, способных изготовить железные изделия для восстановления повреждённых государевых построек. Фома пригласил его под навес. Никон развернул лист. В нём перечислялись большие дверные петли, полосовое железо для укрепления ворот, скобы, крепления для оконных ставен и другие изделия. Количество было значительным. Для выполнения такого заказа потребовалось бы несколько недель напряжённой работы.

— Железо чьё? — спросил Фома.

— Часть дадут со склада. Остальное твоё.

— А уголь?

— Твой.

— Плата когда?

Никон назвал условия. Часть денег предполагалось выдать после принятия первых изделий, окончательный расчёт — по завершении всего заказа. Фома долго изучал перечень. Читать он умел, хотя мелкие записи давались ему с трудом. Никита подошёл ближе. Мастер передал ему лист, и тот начал разбирать отдельные строки.

— Работы много, — сказал молодой кузнец.

— Много, — согласился Фома.

Никон оглядел мастерскую.

— Справитесь?

— Смотря к какому сроку.

Посланный назвал день. Фома нахмурился.

— Вдвоём не успеем.

— Наймёшь людей.

— Людей наймёшь, а где второй горн взять?

— У соседей.

Фома посмотрел на Никиту. Тот сразу понял, о чём подумал мастер. На соседней улице работал кузнец Савва Еремеевич. Его мастерская уцелела во время большого пожара. Именно к Савве Фома ходил нагревать железо, пока собственного горна не было. Савва позволял пользоваться инструментами, иногда давал уголь в долг, а однажды даже прислал своего старшего подмастерья помочь с тяжёлыми заготовками.

Теперь у него самого было мало работы. Несколько постоянных заказчиков погибли, другие лишились денег, третьи ещё не начали восстанавливать хозяйства. Савва держал двух работников и взрослого сына Захара, которому предстояло наследовать мастерскую. Фома сложил лист.

— Я подумаю.

Никон удивился.

— О чём думать? Заказ хороший.

— Хороший. Только исполнить его надобно.

— Завтра ответ дашь?

— Дам.

Посланный согласился. Перед уходом он осмотрел готовые петли, похвалил качество железа и напомнил, что государевым людям нужны надёжные мастера. Когда телега скрылась за поворотом, Никита вернулся к горну.

— Савву позовём?

Фома некоторое время не отвечал.

— Поглядим.

— Он ведь нам помогал.

— Помогал.

— У него горн большой. И люди есть.

— Знаю, какой у него горн.

Никита понял, что мастер не хочет продолжать разговор. Он занялся работой, но мысль о заказе не оставляла его. Вечером Фома пересчитал имевшееся железо, оценил количество угля и прикинул, сколько работников потребуется нанять. Он долго сидел возле верстака, передвигая с места на место небольшие железные обрезки, которыми привык обозначать расходы и будущие изделия. Когда Никита собрался домой, мастер неожиданно сказал:

— Утром пойду к Никону. Соглашусь.

— А Савве когда скажем?

Фома поднял голову.

— Зачем ему говорить?

— Чтобы вместе делать.

— Я заказ возьму, а с Саввой после договоримся.

— Так лучше прежде.

Мастер нахмурился.

— Никита, не учи меня торговаться. Сначала дело получи, потом людей к нему приставляй.

Никита промолчал. Он сам видел, как Фома после пожара раскладывал на столе вещи, с которыми ещё можно было расстаться: сперва лишние инструменты, затем домашнюю утварь. Даже старую кобылу собирались отдать, но покупатель предложил слишком мало. Теперь государев заказ представлялся возможностью расплатиться с долгами и вернуть мастерской прежнее положение. Никита не хотел отнимать у него эту надежду.

На следующее утро Фома принял заказ.

Савва Еремеевич узнал об этом через три дня. Известие принёс собственный подмастерье. Он видел, как к Фоминой кузнице доставили железо, а затем слышал разговор возчиков о большой работе для государева двора. Савва сначала не поверил. Ему самому обещали часть таких заказов. Ещё в конце лета приходил человек из дворцового хозяйства, осматривал мастерскую, расспрашивал о количестве работников и записывал, сколько изделий можно изготовить за неделю.

После этого Савва начал готовиться. Купил уголь, взял в долг железные полосы, отложил несколько мелких заказов. Он рассчитывал, что государева работа позволит содержать мастерскую до зимы. Теперь выходило, что заказ достался другому. Савва отправился к Фоме после полудня. В кузнице было жарко. Никита работал у горна, а двое нанятых работников выправляли железные полосы. Фома стоял возле верстака, осматривая готовые скобы.

Увидев гостя, он обрадовался.

— Савва! Проходи.

Тот не ответил на приветствие.

— Государев заказ взял?

Фома сразу понял, зачем пришёл сосед.

— Взял.

— Весь?

— Какой дали.

Савва оглядел железо.

— Мне обещали работу.

— Я тебе не обещал.

— Не ты. Государевы люди.

— С них и спрашивай.

Савва медленно снял шапку. Лицо его покраснело.

— Я к тебе не затем пришёл, чтобы ругаться. Ты ведь знаешь, как у меня дела.

— Знаю.

— И знаешь, что железо я купил.

— Знаю.

— Так чего же молчал?

Фома положил скобу на стол.

— Заказ мне предложили. Я взял. Тебе бы предложили — ты бы взял.

— Я бы сперва с тобой поговорил.

— Может, и поговорил бы.

Савва хотел возразить, но вместо этого повернулся к Никите.

— А ты что скажешь?

Молодой кузнец почувствовал себя неловко. Оба мастера были ему знакомы. У одного он служил много лет, другой помогал им после пожара. Выбирать между ними Никита не хотел.

— Работы много, Савва Еремеевич, — ответил он. — Мы всё сами не сделаем.

— Так вы уже людей наняли.

— На часть работы.

Фома вмешался:

— Савва, коль хочешь, я тебе часть железа отдам. Сделаешь петли или скобы, рассчитаемся.

— По какой цене?

Кузнец назвал сумму. Савва горько усмехнулся.

— Значит, ты у государя возьмёшь полную плату, а я за половину работать стану?

— У меня расходы. Я за весь заказ отвечаю.

— А я не отвечаю?

Фома раздражённо взял со стола железную заготовку.

— Я тебе работу предлагаю. Не хочешь — не бери.

Савва посмотрел на него с таким выражением, что Никите стало стыдно за обоих.

— Помнишь, как ты у меня горн занимал?

— Помню.

— Уголь брал?

— Верну.

— Я не про уголь.

Савва надел шапку.

— Работай, Фома. Хороший заказ получил.

Он повернулся и вышел. Кузнец несколько мгновений стоял возле верстака. Затем сердито бросил заготовку на стол.

— Чего он хотел? Чтобы я ему всё отдал?

Никита промолчал.

— Ты тоже считаешь, что я неправ?

— Я считаю, что Савва нам помогал.

— Я ему заплачу.

— Он не денег тогда просил.

Фома резко повернулся к подмастерью, но тот уже взял клещи и направился к горну. Работа продолжилась, однако прежней лёгкости не было. Мастер несколько раз требовал переделать вполне годные изделия, придирался к креплениям, сердился из-за угля. Никита старался не отвечать. К вечеру выяснилось, что одна партия железа недостаточно хороша для тяжёлых воротных петель. Его пришлось отложить. Нанятый работник предложил пустить металл на мелкие скобы, но Фома отказался: такие изделия уже были приготовлены в нужном количестве.

Первые трудности большого заказа возникли гораздо раньше, чем он ожидал.

В доме Анастасии тем временем готовили зимнюю одежду. Осень наступала быстро. Днём ещё случалось тепло, но по утрам над Москвой лежали холодные туманы. Вечерами в царских покоях начали топить печи. Служительницы доставали из сундуков тёплые ткани, проверяли меховые опушки и перебирали одежду, которую следовало починить.

Анастасия сидела возле окна. Перед ней лежал кусок тёмного сукна. Она собиралась приготовить небольшой кафтан для одного из младших дворцовых служителей, но работа продвигалась медленно. Уже дважды её отвлекали хозяйственными вопросами. В дверь вошла старшая служительница Дарья.

— Государыня, женщины пришли.

— Те, которых вчера велела позвать?

— Они.

Анастасия отложила шитьё. После первых выдач помощи выяснилось, что некоторым погорелицам недостаточно получить одежду и немного хлеба. Одни лишились прежнего заработка, другие не имели возможности вернуться в свои хозяйства. Были женщины, прежде стиравшие бельё для богатых домов, помогавшие на торговых дворах, занимавшиеся шитьём или приготовлением пищи. После пожара их наниматели погибли, уехали либо сами остались без средств. Анастасия решила узнать, нельзя ли предоставить хотя бы некоторым из них работу.

Пришедших было пятеро. Одна оказалась немолодой женщиной, долго служившей при купеческом доме. Другая прежде занималась шитьём. Третья умела стирать тонкое полотно и выводить с него пятна. Четвёртая держала небольшую торговлю вместе с мужем, погибшим в пожаре. Пятая, совсем молодая, пришла с девочкой лет семи.

Анастасия сразу заметила ребёнка. Девочка держалась возле матери, внимательно рассматривая украшенные резьбой двери. На голове у неё был простой платок, из-под которого выбивались светлые волосы. Женщину звали Пелагеей. Именно её дочь Никита вывел из огня во время апрельского пожара. Тогда мать удалось разыскать, хотя она получила ожоги. Позднее обе пережили июньское бедствие, но лишились жилища и большей части имущества. Муж Пелагеи, работавший возле торговых рядов, погиб, когда помогал выносить товары.

Теперь женщина жила у дальней родственницы. Анастасия посадила пришедших и велела принести воды. Сначала расспросила каждую о прежней работе. Женщины отвечали неуверенно. Одни опасались назвать свои умения слишком высоко, другие старались убедить царицу, что могут выполнять любую работу. Пожилая служанка рассказала, как много лет вела хозяйство у торгового человека. Но теперь его дом стоял разрушенным, а наследники разъехались. Женщина не знала, где искать новое место.

— А ты? — спросила Анастасия у Пелагеи.

— Я бельё стирала, государыня. И шить умею.

— Для кого работала?

Пелагея назвала несколько дворов. Почти все они пострадали от пожара.

— Теперь где работаешь?

— Где позовут. Только редко зовут.

— Почему?

Женщина поправила платок дочери.

— У людей своих забот полно. Кто сам стирает, кто старое носит. А кто и вовсе без дома.

Анастасия посмотрела на её руки. Кожа на одной ладони была стянута старым ожогом. Пальцы сгибались не вполне свободно.

— Можешь шить такой рукой?

— Могу. Только долго трудно.

— А стирать?

— Стирать легче.

Царица повернулась к старшей служительнице.

— Сколько у нас белья ждёт починки?

Дарья ответила, что после пожара часть вещей приходится заменять, а некоторые надо переделать для новых нужд.

— Возьми их на пробу, — сказала Анастасия, указав на двух женщин. — Посмотри, кто что умеет.

Пелагея подняла голову.

— А меня?

Анастасия задумалась.

— Тебе тоже найдём дело. Только прежде руку покажи.

Женщина протянула ладонь. Ожог зажил неровно. При тяжёлой работе кожа могла снова повреждаться.

— Я не боюсь работы, государыня, — поспешила сказать Пелагея.

— Вижу.

— Не думай, что милости одной прошу.

Анастасия встретила её взгляд.

— А чего хочешь?

— Заработка. Чтобы дочь кормить и у родни не сидеть.

Слова прозвучали просто, без попытки разжалобить. Царица предложила ей временную работу при стирке дворцового белья, но Пелагея попросила разрешения брать часть работы домой.

— У меня девочка. Одну оставлять не с кем.

Анастасия не сразу ответила. Она знала, что выдача царского имущества за пределы дворца потребует ответственности. Полотно, одежда, нити и даже старая ткань находились на счёте.

— А если бельё пропадёт? — спросила Дарья.

Пелагея побледнела.

— Не пропадёт.

— Я не тебя обвиняю. Порядок такой.

Женщина опустила руки на колени. Анастасия заметила, как девочка прижалась к матери. Ребёнок ничего не говорил, но внимательно следил за разговором.

— Для начала дадим работу здесь, — решила царица. — А с девочкой разберёмся.

— Куда же мне её девать?

— Пусть приходит с тобой, пока не устроимся иначе.

Дарья хотела возразить, однако Анастасия остановила её.

— Не в рабочие палаты. Приготовь место рядом, где женщины отдыхают.

Пелагея поклонилась. После ухода посетительниц старшая служительница ещё долго разбирала последствия распоряжения. В царском доме существовал определённый порядок. Не всякому человеку дозволялось находиться во внутренних помещениях, даже если он пришёл по доброму делу. Требовалось определить, кто отвечает за работниц, где они будут находиться, каким образом получать плату и кто станет проверять выполненную работу. Анастасия слушала эти объяснения без раздражения. Она понимала, что Дарья говорит о настоящих затруднениях.

— Начнём с малого, — сказала она. — Двух женщин оставим здесь. Другим дадим работу по мере надобности. А Пелагею попробуем определить к стирке.

— Государыня, у неё ведь рука больная.

— Потому и не станем давать ей тяжёлую работу.

Дарья поклонилась, но на лице её оставалось сомнение.

— А если другие придут?

Анастасия снова взяла отложенное шитьё.

— Тогда и других выслушаем. Только обещать больше, чем можем исполнить, не следует.

Когда служительница вышла, царица ещё некоторое время сидела возле окна. Во дворе женщины переносили корзины с бельём. В одной из них лежали вышитые полотенца, приготовленные задолго до пожара. Другую наполняли простые рубахи и постельное полотно. Анастасия вспомнила Пелагею. У той не осталось ни собственного дома, ни надёжного заработка, ни мужа. И всё же женщина не просила, чтобы её содержали. Она хотела работать, сохранить привычный уклад жизни и не зависеть от милости родственников.

Царица посмотрела на начатый кафтан. Работа, которую она собиралась закончить собственными руками, могла быть поручена женщине, нуждавшейся в заработке. Анастасия осторожно сложила сукно и отложила его к вещам, приготовленным для новых мастериц.

Через несколько дней Никита снова встретил Пелагею. Он пришёл к знакомому торговому человеку за углём и увидел женщину возле двора, где прежде находились склады. Она стояла у ворот с небольшой корзиной, а дочь сидела неподалёку на сложенных досках.

— Пелагея! — окликнул он.

Женщина обернулась.

— Никита?

Он подошёл.

— Что здесь делаешь?

— Бельё забираю. Работу дали.

Никита заметил, что женщина выглядит лучше, чем после пожара. Лицо уже не было таким исхудавшим, одежда оставалась простой, но чистой.

— Где работаешь?

— Для царского двора кое-что стираю. И ещё у знакомых беру.

— Хорошо платят?

Пелагея немного улыбнулась.

— Пока платят.

Никита присел возле девочки.

— Узнаёшь меня?

Та рассматривала его лицо. Затем кивнула.

— Ты меня из огня вывел.

— Было дело.

— А теперь у вас опять кузница?

— Опять.

Девочка заинтересовалась.

— Большая?

— Не очень.

— А огонь большой?

— Как раз такой, чтобы железо греть.

Пелагея позвала дочь. Ей надо было идти, пока не стемнело. Никита предложил помочь с корзиной. Женщина сначала отказалась, но затем согласилась. По дороге они прошли мимо нескольких недавно построенных домов. На одном дворе плотники ещё поднимали стены. Возле другого старик укладывал дрова под навес, а двое мальчишек таскали воду.

— Ты где живёшь теперь? — спросил Никита.

Пелагея назвала место. Он знал эту улицу. Там тоже многие дворы выгорели.

— Дом поставили?

— Не наш. У родственницы живём.

— Тесно?

— Тесно. Только она нас не гонит.

Женщина помолчала.

— Я бы и сама ушла, коли бы было куда.

Никита предложил помочь подыскать временное помещение. Он помнил, что возле их кузницы оставалась небольшая пустая постройка. Прежде там жил работник одного из соседних мастеров. После пожара стены уцелели, но крыша требовала ремонта. Пелагея насторожилась.

— А хозяин кто?

— Савва-кузнец.

Никита произнёс имя и сразу вспомнил недавнюю ссору между мастерами.

— Я с ним поговорю.

— Только не обещай раньше времени.

— Не обещаю.

У ворот женщина забрала корзину, поблагодарила и пошла дальше. Девочка обернулась и помахала Никите рукой. Молодой кузнец стоял на улице. Затем направился к Савве. Он застал его возле горна. Мастер работал один. Захар занимался подготовкой угля, второго подмастерья Никита не увидел.

— Доброго здоровья, Савва Еремеевич.

— И тебе.

Савва не перестал работать. Никита рассказал о Пелагее и девочке. Объяснил, что ищет для них временное помещение. Кузнец выслушал.

— У меня клеть пустая есть, — сказал он. — Только крыша плохая.

— Поправить можно.

— Можно. А кто поправит?

— Я помогу.

Савва положил железо на наковальню.

— У тебя, слышно, работы теперь много.

Никита понял намёк.

— Много.

— Так когда же будешь чужие крыши чинить?

— В свободный день.

Савва коротко усмехнулся.

— Свободный день у кузнеца осенью дорого стоит.

Он вернулся к работе. Никита не уходил.

— Там женщина с девочкой.

— Я слышал.

— Муж погиб.

— Тоже слышал.

Мастер несколько раз ударил по железу. Затем отложил молот.

— Пускай посмотрят. Коли жить смогут, договоримся.

Никита поблагодарил.

— Только прежде крышу осмотри, — добавил Савва. — Не хочу, чтобы на ребёнка что-нибудь обвалилось.

Молодой кузнец обещал. Выходя со двора, он услышал, как Захар спросил отца, зачем тот согласился пустить посторонних людей в пустую клеть. Савва ответил не сразу.

— Пустая она всё равно стоит. А за домом кто-нибудь приглядит.

Никита улыбнулся. Ему хотелось верить, что именно так всё и обстоит.

Государев заказ между тем начал приносить Фоме больше хлопот, чем заработка. Требовалось изготовить множество креплений одинаковой формы и размера. Прежде мастер выполнял подобные работы небольшими партиями. Теперь изделия должны были подходить к заранее приготовленным деревянным частям. Если одна петля выходила шире другой, воротная створка не могла лечь на место. Если скоба оказывалась слишком тонкой, она не выдерживала нагрузки.

Первые изделия приняли без замечаний. Но затем обнаружилось, что часть железа, доставленного со склада, слишком мягка для тяжёлых креплений. Фома потребовал заменить материал. Посланный от государева хозяйства велел использовать то, что имеется, либо приобрести железо самостоятельно. Кузнец рассердился.

— Они мне плохое железо дают, а потом с меня же за работу спросят!

Никита молча перебирал заготовки.

— Что делать станем? — спросил он.

— Искать хорошее.

— Где?

— У торговцев.

— На какие деньги?

Фома ударил ладонью по верстаку.

— На те, которых нет!

Несколько дней мастер пытался исправить положение. Одни изделия удавалось изготовить из уцелевших запасов. Другие приходилось переделывать. Нанятые работники требовали платы. Уголь расходовался быстрее расчёта. К тому же заболел один из помощников. Он несколько дней лежал с жаром, и его работу пришлось распределить между остальными.

Никита всё чаще оставался у горна до позднего вечера. Он видел, что Фома устал. У мастера болела рука, но тот продолжал работать, опасаясь потерять заказ. Однажды после полудня приехал Никон. Он осмотрел готовые изделия, пересчитал партии и сообщил, что срок остаётся прежним.

— Не успеем, — сказал Фома.

— Ты обещал.

— Обещал. Только железо ваше негодное.

— Часть заменили.

— Мало заменили.

Никон поднял одну из петель.

— Это хорошая работа.

— Хорошая, потому что из моего железа.

Посланный положил изделие обратно.

— Мне велено принять готовое. Остальное к сроку представить.

Фома попытался объяснить обстоятельства, но Никон не мог самостоятельно менять условия. Он отвечал перед вышестоящими дворцовыми людьми и опасался, что вся задержка будет записана на него.

— Не сделаешь, другого мастера найдут, — предупредил он.

Фома помрачнел. Когда посланный уехал, кузнец стоял посреди мастерской. Затем снял фартук, сложил его и сел на скамью. Никита впервые за много лет увидел мастера настолько утомлённым.

— Савву позовём, — сказал он.

Фома покачал головой.

— Не придёт.

— Ты ему сам сходи.

— После нашего разговора?

— Другого выхода нет.

Мастер долго сидел неподвижно. Потом поднялся.

— Завтра.

Однако на следующий день Савва пришёл сам. Он узнал, что Фомина мастерская не справляется с заказом. Кроме того, к нему обратился один из работников, которому задержали плату. Савва не стал вспоминать прежнюю ссору.

— Сколько петель осталось?

Фома назвал число.

— Скоб?

Мастер ответил. Савва подумал.

— Половину креплений могу сделать.

Фома поднял голову.

— Почём?

Савва назвал цену. Она оказалась выше той, которую Фома предлагал прежде.

— Дорого, — заметил он.

— Мне своих работников кормить надобно.

— А мне?

— Тебе тоже.

Несколько мгновений оба молчали. Затем Савва добавил:

— Я железо своё дам. Уголь свой. И за негодные изделия отвечу сам. Только рассчитаешься, как примут.

Фома прикинул, сколько железа и угля уйдёт Савве. Без соседской мастерской заказ не исполнить, а при названной цене ему самому почти ничего не останется.

— Ты мне ничего не оставишь, — сказал он.

— Я у тебя ничего не отнимаю. Твой горн будет работать.

— За весь заказ с меня спросят.

— Тогда скажи государевым людям, чтобы и меня в запись внесли.

Фома поднял глаза. Это предложение казалось разумным, но означало, что часть полученного заказа будет официально передана другому мастеру.

— Они не согласятся.

— Попробуй.

Никита наблюдал за разговором из глубины мастерской. Никита уже шагнул к столу, но Фома остановил его коротким движением. Слова застряли у ученика в горле; старшие мастера глядели друг на друга через приготовленный железный образец. Фома наконец поднялся.

— Пойдём к Никону вместе.

Савва кивнул. На следующий день оба мастера отправились к государевым людям.

Иван Васильевич узнал об их споре случайно. В то утро ему представили сведения о восстановлении нескольких хозяйственных построек. Среди прочего говорили о задержке железных изделий. Один из дворцовых распорядителей объяснил, что мастер, принявший большой заказ, не успевает выполнить работу и теперь просит передать часть другому кузнецу.

— Почему не успевает? — спросил царь.

— Говорит, железо плохое.

— А прежде не видел?

— Видел не всё. Часть позже привезли.

— Так зачем подряд взял?

Распорядитель не знал, что ответить. Иван велел привести мастеров. Фома и Савва явились после полудня. Они оба были в чистых кафтанах, но руки выдавали ремесло: на пальцах оставались тёмные следы, ногти были коротко обрезаны, кожа покрыта старыми ожогами. Иван узнал Фому.

— Ты ведь на Китай-городе прежде работал?

Кузнец поклонился.

— Работал, государь.

— И после пожара у тебя кузница сгорела?

— Сгорела.

— А теперь новый горн?

— Новый.

Иван обратился к Савве.

— А ты кто?

Мастер назвался. Царь велел объяснить обстоятельства дела. Сначала говорил Фома. Он рассказал о большом заказе, повреждённой руке, нехватке железа, затянувшихся поставках.

Затем Савва объяснил, что готов взять часть работы на себя, но просит самостоятельного расчёта за изготовленные изделия. Распорядитель возразил:

— Государь, договор с одним Фомой составлен. С него и спрос должен быть.

Иван повернулся к кузнецу.

— Так ты обязался всё сделать?

— Обязался.

— А теперь другого просишь?

— Не прошу избавить от дела. Прошу помочь исполнить.

Царь рассматривал его.

— И без Саввы не успеешь?

Фома не стал хитрить.

— Не успею.

Иван раздражённо откинулся на спинку стула. Ему уже приходилось слышать подобные объяснения. Люди брали работу, обещали исполнить, затем ссылались на трудности и просили новых условий.

— Так нельзя, — произнёс он. — Сегодня один возьмёт подряд, завтра другой, а послезавтра никто отвечать не станет.

Фома побледнел. Савва неожиданно выступил вперёд.

— Государь, дозволь слово.

Иван кивнул.

— Фома мастер хороший. Я его давно знаю. Он бы сделал, коли бы железо всё доброе привезли. Только нынче кузниц мало, работы много. Один горн всего не вытянет.

— А тебе что до него?

Савва помедлил.

— Он у меня после пожара работал. Пока своей кузницы не поднял.

Иван посмотрел на Фому.

— Так вы вместе прежде работали?

— Приходилось.

— Отчего теперь не вместе?

Оба кузнеца замолчали. Распорядитель попытался объяснить, что государев заказ был выдан одному мастеру, но Иван остановил его.

— Я не про запись спрашиваю.

Савва наконец ответил:

— Не сошлись в цене.

Царь посмотрел сначала на одного, затем на другого.

— Значит, у каждого свой расчёт.

— Так, государь, — признал Фома.

Иван уже собирался оборвать спор, приняв его за обычную распрю мастеров. Но когда выяснилось, сколько железа недоставало и кто должен был его поставить, он попросил повторить условия заказа.

Фома действительно имел право рассчитывать на заработок. Савва действительно понёс расходы, готовясь к работе, которую ему обещали. Дворцовые служители стремились заключить договор с одним исполнителем, чтобы было проще проверять и принимать изделия. В результате один мастер получил слишком много обязательств, другой остался без заказов, а необходимые государеву двору крепления изготовлялись медленнее, чем могли бы. Иван велел принести договор и перечень изделий. Распорядитель развернул запись.

Царь начал читать. Он несколько раз останавливался, уточнял количество готовых изделий и оставшихся заготовок. Затем спросил, можно ли принять часть работы отдельно.

— Можно, государь, — ответил распорядитель. — Только новую запись составить придётся.

— Так составьте.

Он повернулся к мастерам.

— Кто что сделает?

Фома и Савва начали объяснять. Один мог быстрее изготовлять большие петли, другой располагал лучшим горном для полосового железа. Некоторые изделия требовали совместной подгонки. Разговор занял больше времени, чем ожидал царь. В конце концов Иван распорядился разделить оставшуюся работу на две части. За каждую отвечал свой мастер. Готовые изделия должны были принимать по мере изготовления, а оплату производить в соответствии с принятым количеством и качеством.

Однако сроков царь полностью не отменил.

— Что возможно, исполните прежде холодов, — сказал он. — А негодное железо велю заменить после проверки.

Кузнецы поклонились. Когда они вышли, Иван смотрел на лежавшие перед ним бумаги.

— Почему сразу двоим не дали? — спросил он распорядителя.

Тот объяснил, что одному исполнителю удобнее предъявлять требования. Не приходится сверять множество отдельных записей, распределять материалы и разбирать взаимные претензии.

— А теперь придётся, — заметил Иван.

— Придётся, государь.

— Вот и думайте прежде, кому сколько работы поручать.

Распорядитель поклонился. Иван перешёл к следующему делу. Он уже не вспоминал двух кузнецов. Но для Фомы и Саввы решение изменило многое.

После выхода из дворца мастера некоторое время шли рядом. Фома молчал. Он был рад, что государев заказ не отняли, но одновременно чувствовал досаду. Пришлось признать перед царём, что один не способен исполнить принятые обязательства. Савва тоже не торжествовал. Ему досталась работа, но впереди оставались расходы, новые сроки и необходимость вновь договариваться с дворцовыми людьми.

Возле одного из переходов Фома остановился.

— Савва.

Тот обернулся.

— Что?

— За горн тогда не расплатился до конца.

Савва нахмурился.

— Какой горн?

— Когда после пожара у тебя железо грел.

— Помню.

— За уголь ещё должен.

Савва отмахнулся.

— После рассчитаешься.

— Рассчитаюсь.

Они пошли дальше. На улице было холодно. Возле ворот стояли возчики с телегами. Один из них ругался из-за потерянной подковы. Другой пытался укрыть товар от начинавшегося дождя. Фома вдруг остановился ещё раз.

— Ты на меня крепко рассердился?

Савва посмотрел на него.

— А ты бы не рассердился?

— Рассержусь.

— Вот и я рассердился.

Фома кивнул. Они больше не возвращались к прежнему разговору. Возле развилки Савва направился к своей мастерской, Фома — к своей. К вечеру оба горна работали.

Савва Еремеевич впервые пожалел о пустой клети, которую отдал Пелагее, когда увидел счёт за доски. Захар положил его перед отцом возле горна: на починку ворот опять не хватало денег. В холодной клети тем временем кашляла маленькая Ксения. После вечерней работы Пелагея попыталась переставить тяжёлый сундук ближе к печи; женщина не удержала угол, и дерево ударило ей по ноге. Савва услышал шум, вышел во двор и увидел, как она стоит, прижав дочь к себе, а сундук лежит поперёк прохода.

— Ты зачем одна поднимаешь? — спросил он.

— Не хотела ваших людей от работы отнимать.

Савва позвал Захара. Тот вошёл, поднял сундук вместе с отцом и обнаружил, что у печи отходит каменная плитка. Её требовалось укрепить прежде, чем снова топить. Захар сердито напомнил о воротах и железе, которое уже неделю ждёт оплаты. Савва не стал отговариваться добротой. Велел сыну записать стоимость починки к собственным расходам кузницы: клети без исправной печи он всё равно не смог бы сдать никому. Потом сам принёс Пелагее горячую воду. Он по-прежнему считал каждый грош, но перестал притворяться, что чужая беда ничего ему не стоит.

Однако не всякая чужая беда могла быть разрешена государевым распоряжением. Пелагея прожила в Саввиной клети всего четыре дня. Помещение оказалось теплее, чем она ожидала. Никита вместе с Захаром поправил крышу, укрепил дверь и сделал небольшую полку для посуды. Ксения была счастлива, что теперь у них появилась собственная комната. Девочка раскладывала на полке немногочисленные вещи, несколько раз переставляла деревянную ложку и глиняную чашку, словно от этого жилище становилось просторнее.

Пелагея принесла соломенную постель, старое покрывало и небольшую иконку. Она собиралась жить здесь хотя бы до весны. Но уже на второй день выяснилось, что клеть плохо удерживает тепло. В ней не было исправной печи. Прежний жилец пользовался соседней избой, принадлежавшей хозяину. Теперь там жили Савва с семьёй, и отдельного места для Пелагеи не находилось.

Женщина пыталась устроить маленький очаг возле стены, но Никита, увидев это, немедленно велел убрать угли. Слишком много домов погибло от огня, чтобы снова рисковать из-за поспешной попытки согреться. Он осмотрел помещение. Поставить печь можно было, но для этого требовались кирпич, глина, печник и время.

— До холодов успеем, — сказал Никита.

Пелагея посмотрела на него.

— А кто платить станет?

— Я помогу.

— Ты мне уже помог.

— Так ещё помогу.

Она покачала головой.

— Нельзя всё на чужом держать.

Никита хотел возразить, но женщина продолжила:

— Ты работаешь у мастера. У тебя своё хозяйство будет. Я не хочу, чтобы из-за нас ты себе ничего не оставлял.

Молодой кузнец почувствовал неловкость. Он действительно ещё не имел собственного дома. Жил возле мастерской, часть заработка отдавал Фоме, другую откладывал. После пожара накопления почти исчезли.

— Я не всё отдаю, — сказал он.

Пелагея улыбнулась.

— Вижу, что не всё.

Но на следующий день она решила вернуться к родственнице. Ксения расплакалась. Ей понравилось жить отдельно. Здесь можно было раскладывать вещи как угодно, не опасаясь помешать другим детям. Девочка не понимала, почему мать снова собирает узлы. Пелагея терпеливо объясняла, что зимой будет холодно.

— А мы дверь закроем, — предложила Ксения.

— Дверь не согреет.

— А Никита печку сделает.

Женщина не ответила. Вечером, когда Никита пришёл узнать, как они устроились, Пелагея уже сложила большую часть вещей. Он рассердился.

— Почему уходишь?

— Холодно здесь будет.

— Я печь обещал.

— Обещал. Только у тебя своей работы полно.

— Так я и сделаю.

— Никита, мне не хочется жить от одного обещания до другого. Сегодня ты поможешь, завтра Савва, послезавтра ещё кто-нибудь. А потом что?

Молодой кузнец не нашёлся с ответом. Пелагея подошла к двери. В открытом проёме виднелся двор, где Захар складывал уголь под навесом.

— Я работу получила, — продолжила она. — Если всё пойдёт хорошо, весной смогу сама помещение нанять. Может, и этот угол возьму. Только тогда уже своими деньгами расплачусь.

Никита хотел объяснить, что не всякая помощь требует немедленной платы. Но увидел, с каким трудом женщина произносит эти слова. Он помог ей донести вещи обратно. По дороге Ксения несколько раз оглядывалась на оставленную клеть. Девочка не плакала, но шла медленно, крепко держась за материнскую руку. Возле дома родственницы Пелагея поблагодарила Никиту.

— Не сердись.

— Не сержусь.

— Я ведь не от тебя ушла.

Он кивнул. Когда женщина скрылась за дверью, Никита стоял на улице. Ему было досадно. Он искренне хотел помочь и почти поверил, что сумел устроить чужую жизнь. Теперь оказалось, что человек может отказаться даже от полезной помощи, если не хочет постоянно зависеть от её подателя. Вернувшись в кузницу, Никита принялся за работу. Фома заметил его настроение, но не стал расспрашивать. Только вечером, когда они убирали инструменты, спросил:

— Пелагея у Саввы осталась?

— Нет. Вернулась к родне.

— Почему?

Никита рассказал. Мастер выслушал.

— Правильно сделала.

Молодой кузнец удивился.

— Почему?

— Потому что печи там нет.

— Я бы поставил.

— Поставил бы. А кирпич где возьмёшь?

Никита промолчал. Фома продолжил:

— Ты сперва свою работу устрой. Потом чужую берись делать.

— Так если никто чужую делать не станет, как же люди выберутся?

Кузнец не ответил сразу. Он перевернул готовую петлю, проверил отверстия и положил изделие к остальным.

— Кто сможет, тот поможет, — сказал он наконец. — Только помогать надо тем, что у тебя есть.

Никита хотел продолжить разговор, но мастер уже погасил часть углей. Наутро их ожидала новая партия железа.

В октябре Анастасия получила известие, что Пелагея не справляется с назначенной работой. Старшая служительница Дарья пришла с несколькими полотнами, на которых остались пятна. Женщина объяснила, что Пелагея старается, но повреждённая рука не позволяет ей долго стирать тяжёлое бельё. Из-за боли она не может как следует выкручивать ткань, а иногда роняет её на землю.

— Я предупреждала, государыня, — сказала Дарья.

Анастасия осмотрела полотно. Пятна действительно остались. Кроме того, край одного куска оказался повреждён.

— Она сама стирала?

— С другой женщиной. Только та свою часть сделала.

— Сколько дней работала?

Дарья назвала срок. Анастасия велела пригласить Пелагею. Женщина пришла испуганной. Она уже знала, что работу проверяют, и ожидала отказа. Царица показала испорченное полотно.

— Это твоё?

Пелагея кивнула.

— Моё, государыня.

— Что случилось?

— Рука подвела.

— Почему не сказала?

Женщина сжала пальцы.

— Боялась, что прогонят.

Анастасия положила полотно на стол.

— Тяжёлую стирку тебе делать нельзя.

Пелагея побледнела.

— Я другую работу могу.

— Какую?

— Шить. Только медленно. И прясть умею. И полотно разбирать.

Царица вспомнила, что при дворцовом хозяйстве постоянно требовалось сортировать ткани, разбирать старое бельё, готовить нити и исправлять небольшие повреждения одежды. Такая работа не всегда приносила хороший заработок, но была легче тяжёлой стирки. Она велела привести старшую мастерицу, занимавшуюся шитьём. Женщина осмотрела руки Пелагеи, попросила её вдеть нить в иглу и сделать несколько стежков на куске простого полотна. Первые стежки получились неровными. Затем Пелагея приспособилась и начала работать увереннее.

Мастерица покачала головой.

— Для тонкого шитья рука плоха. А простое бельё чинить сможет.

Анастасия согласилась. Пелагее назначили другую работу. Когда женщина ушла, Дарья заметила:

— Государыня, не каждую же так переводить станем. Коли у всякой работа не получится, куда людей девать?

Анастасия не ответила сразу. Она понимала, что вопрос справедлив. В царском хозяйстве нельзя было бесконечно увеличивать число служителей, руководствуясь только сочувствием.

Каждому полагалось содержание, каждому находили дело, за каждым следовало присматривать.

— Не каждую, — сказала она. — Только эту мы сами на неподходящую работу поставили.

Дарья кивнула. Царица продолжила разбирать оставшиеся полотна. После нескольких недель помощи погорельцам она начала лучше понимать разницу между милостыней и хозяйственным устройством. Одно дело — дать человеку хлеб на несколько дней. Другое — найти возможность, чтобы он мог кормиться собственным трудом.

Но даже второе не всегда оказывалось простым. У каждого были свои способности, болезни, обязательства и привычки. Среди женщин встречались умелые работницы, которым требовалось лишь новое место. Были и такие, кого тяжёлые обстоятельства лишили прежней силы. Наконец, некоторые не желали поступать в зависимость от большого хозяйства, предпочитая случайный заработок и возможность самостоятельно распоряжаться временем. Анастасия старалась не решать за них больше необходимого.

Не все её распоряжения исполнялись быстро. Несколько женщин ушли, не дождавшись обещанной работы. Одна вернулась к родственникам в другой город. Другая нанялась в богатый дом, где ей предложили постоянное содержание. Третья отказалась от дворцовой службы, потому что не хотела расставаться с детьми. Царица огорчалась, но постепенно перестала воспринимать каждый отказ как личную неудачу.

Люди имели собственные представления о том, как им жить.

Однажды вечером Иван пришёл к жене раньше обычного. День оказался тяжёлым. С утра разбирали дела о восстановлении государевых построек, затем обсуждали денежные расходы и военные сообщения с южных рубежей. В последние недели царь всё чаще задерживался на совещаниях. Ему хотелось самому знать подробности, которые прежде целиком оставались в распоряжении бояр и дьяков. Анастасия сидела возле окна и разбирала нити.

Увидев мужа, она отложила работу.

— Ты рано.

— Не так уж рано.

За окном уже темнело. Иван сел рядом. Говорили о придворных делах. Затем царица рассказала о женщинах, которым удалось найти работу. Она упомянула Пелагею, объяснила, почему пришлось изменить её обязанности. Иван слушал с интересом.

— И сколько теперь у тебя новых работниц?

Анастасия назвала число. Он удивился.

— Столько?

— Не все постоянно служат. Некоторые берут отдельную работу.

— А кто платит?

— Из назначенных средств. Часть из моего хозяйства.

Иван задумался.

— Мне говорили, что ты людей без разбора принимаешь.

Анастасия подняла голову.

— Кто говорил?

— Неважно.

— Для меня важно.

Он назвал одного из дворцовых служителей. Царица нахмурилась. Человек этот уже несколько раз возражал против её распоряжений и требовал дополнительных согласований.

— Он ведь сам ничего не предложил, — сказала она.

— Его дело — за хозяйством смотреть.

— А моё?

Иван не сразу понял вопрос.

— Что твоё?

— Я здесь хозяйка или только при тебе живу?

Молодой царь почувствовал раздражение.

— Зачем ты так говоришь?

— Потому что каждый раз, когда я велю что-нибудь сделать, находятся люди, которые спрашивают, дозволил ли ты.

— Так порядок есть.

— Я не против порядка.

— Тогда чего хочешь?

Анастасия поднялась. Она не любила спорить сидя, когда муж начинал говорить громче. Ей казалось, что так она невольно оказывается в положении человека, которому выговаривают. Она подошла к столу и взяла несколько записей.

— Вот женщины. Вот работа, которую они сделали. Вот сколько им заплатили. Всё проверено. Никого без дела не содержат.

Иван принял листы. Записи оказались подробными. Анастасия действительно не раздавала деньги без счёта. Она распоряжалась хозяйством так, как научилась в родительском доме, только в гораздо большем масштабе.

— Кто тебе помогает? — спросил он.

— Дарья. И другие женщины.

— Справляются?

— Справляются.

Иван вернул записи.

— Тогда пусть продолжают.

Анастасия не обрадовалась. Он заметил это.

— Что ещё?

— Ты сейчас разрешил мне делать то, что я уже делала.

Она подошла к сундуку и достала ещё одну запись, которую не показала с первого раза. Там стояли имена женщин, отказавшихся от предложенной работы. Одна не могла оставлять больную мать, другую не устраивала плата; третья предпочла чужой двор, хотя Анастасия старалась удержать её. Царица не зачеркнула ни одного имени и не велела записывать отказавшихся неблагодарными. Иван пробежал глазами строки и отложил лист. Ему было досадно, что он пришёл к жене с чужой жалобой, даже не спросив, как она сама устроила дело. Но попросить прощения за поспешность при дворцовом служителе он бы, пожалуй, не сумел. Теперь служителя здесь не было, а слова всё равно давались трудно.

Иван удивился.

— А что плохого?

— Ничего. Только я не спрашивала разрешения каждый раз, когда брала иглу.

Он невольно улыбнулся.

— Игла не государева казна.

— И я не всякую иглу беру из твоей казны.

Молодой царь рассмеялся, но Анастасия оставалась серьёзной. Она подошла ближе.

— Иван, я не хочу спорить с тобой из-за каждого куска полотна. Если велишь, буду спрашивать. Только тогда пусть все женщины ходят к тебе, когда им понадобится новая рубаха или тёплое платье.

Он представил подобную картину и снова улыбнулся.

— Не дойдут.

— Вот именно.

Однако за шуткой оставался настоящий вопрос. Ивану не нравилось, когда важные решения принимали без его ведома. С детства он видел, как бояре распоряжались именем государя, иногда даже не считая нужным сообщить ему о сделанном. Теперь он стремился сам опреде-

лять, кто и чем управляет. Но перед ним стояла жена, а не придворный распорядитель. Анастасия не требовала власти над государственными делами. Она хотела самостоятельно заниматься собственным хозяйством и помогать тем, кому считала необходимым.

Иван это понимал. Однако привыкнуть к подобной самостоятельности оказалось труднее, чем он ожидал.

— Ладно, — сказал он наконец. — Делай, как считаешь нужным. Только если большая выдача потребуется, скажи.

Анастасия кивнула.

— Скажу.

Они вернулись к обычному разговору. Царица рассказала о письме матери. Иван сообщил, что на следующий день ему предстоит принимать нескольких служилых людей. Позднее принесли ужин. За столом Анастасия заметила, что муж устал. Он ел медленно, почти не притрагивался к некоторым блюдам. Несколько раз прислушивался к шагам в соседнем помещении, будто ожидал нового доклада.

— Завтра снова весь день дела? — спросила она.

— Почти.

— А когда отдыхать станешь?

Иван пожал плечами.

— Когда закончим.

— Что?

Он не сразу ответил. В Москве ещё продолжали восстанавливать разрушенные здания. На границах требовалось держать войска. Приходили послы, поступали жалобы, возникали споры о назначениях и денежных расходах. Одно дело сменяло другое.

— Не знаю, — признался он.

Анастасия придвинула к нему блюдо с тёплым хлебом.

— Тогда хотя бы поешь как следует.

Иван взял кусок. Разговор больше не возвращался к дворцовым работницам.

В конце октября Фома и Савва закончили основную часть государева заказа. Железные изделия принимали несколько дней. Часть потребовала исправлений. Несколько петель оказались слишком тяжёлыми, другие пришлось подгонять уже на месте, когда выяснилось, что деревянные створки изготовлены с небольшими отклонениями от первоначальных размеров. За работу заплатили не сразу. Государевы служители проверяли записи, пересчитывали изделия, сверяли количество выданного железа с готовыми вещами.

Фома сердился, но на этот раз не спорил слишком громко. Он уже убедился, что большая работа неизбежно требует большого числа проверок. Савва тоже ожидал расчёта. У него появились новые расходы, но теперь хотя бы было ясно, за что именно ему должны платить. Однажды вечером оба мастера сидели у Фоминого горна. Никита закончил работу и собирал инструменты. Захар, пришедший с отцом, помогал складывать готовые крепления.

— Хороший заказ вышел, — заметил Савва.

Фома усмехнулся.

— Хороший, коли деньги дадут.

— Дадут.

— Ты откуда знаешь?

— Потому что я сам ходить стану.

Фома рассмеялся. Ссора между ними постепенно утратила прежнюю остроту. Они по-прежнему могли спорить из-за цены железа, качества угля или оплаты работников. Но теперь хотя бы перестали избегать друг друга. Никита наблюдал за ними с удовлетворением.

— А вы ведь могли с самого начала вместе работать, — заметил он.

Фома посмотрел на молодого кузнеца.

— Могли.

— И без царя обойтись.

— Могли.

Савва покачал головой.

— Только тогда ни один уступать не хотел.

Фома не стал возражать. На улице уже темнело. Из соседних домов доносился запах приготовленной пищи. В нескольких окнах горел свет. Где-то за углом женщины разговаривали возле колодца, а мальчишки спорили из-за деревянной игрушки. Никита вынес во двор корзину с угольной золой.

Отсюда была видна небольшая клеть Саввы, в которой несколько дней жила Пелагея. Теперь помещение снова пустовало. Крыша оставалась исправленной, но печи так и не появилось. Молодой кузнец некоторое время смотрел на неё. Затем вернулся в мастерскую. Фома уже собирался закрывать ворота. Он велел подмастерью проверить, не осталось ли в горне слишком сильного жара, и убрать железо под навес.

Никита исполнил распоряжение. Прежде чем уйти, он спросил:

— Мастер, а если я весной свою работу отдельно заведу?

Фома повернулся. Вопрос прозвучал неожиданно.

— Какую работу?

— Небольшую. Замки, петли, мелкое железо. Может, потом и горн поставлю.

Кузнец долго рассматривал молодого человека. Он помнил Никиту мальчишкой, впервые пришедшим в мастерскую. Тогда тот едва мог удержать тяжёлый молот. Теперь работал уверенно, умел выбирать металл и нередко замечал недостатки изделия раньше самого мастера.

— С чего вдруг надумал? — спросил Фома.

— Давно думаю.

— А денег сколько накопил?

Никита назвал сумму. Фома усмехнулся.

— Мало.

— Знаю.

— И железо потребуется, и уголь, и место.

— Знаю.

Мастер подошёл к верстаку.

— Тогда копи. А пока у меня работай. Весной посмотрим.

Никита кивнул. Это не было разрешением и не было отказом. Фома ещё не решил, как относится к желанию ученика стать самостоятельным мастером. Но впервые они заговорили об этом всерьёз. Когда Никита ушёл, кузнец задержался возле наковальни. На ней лежал тяжёлый молот, которым он пользовался много лет. Теперь всё чаще его брал Никита.

Фома поднял инструмент, взвесил в руке и осторожно положил обратно. Ему не хотелось терять хорошего работника. Но он понимал, что удерживать молодого человека вечно нельзя. На следующий день мастер намеревался предложить Никите более высокую плату. Не из милости, а потому что тот уже заслуживал её.

В царском доме конец октября прошёл в обычных хозяйственных хлопотах. Анастасия получила новые сведения о женщинах, которым удалось найти работу. Некоторые продолжали служить при дворе, другие устроились в частных домах. Пелагея теперь занималась починкой белья и постепенно приспосабливалась работать повреждённой рукой. Плата оставалась небольшой, но женщина смогла отложить первые деньги.

Ксения иногда приходила вместе с матерью. Ей отвели место возле старшей служительницы, где девочка могла сидеть с небольшим шитьём или помогать разбирать нити. Анастасия несколько раз видела ребёнка и однажды подарила ей простую деревянную коробочку для иголок. Пелагея смутилась.

— Государыня, зачем такую хорошую вещь?

— Чтобы не теряла иглы.

Женщина поклонилась. Царица попросила показать работу. Пелагея принесла аккуратно починенную рубаху. Швы были не слишком ровными, но крепкими. Анастасия осталась довольна.

— Продолжай.

Женщина поблагодарила и вышла. Через несколько дней Пелагея получила известие, что родственница собирается переехать к мужниным братьям в другой конец Москвы. Вместе с ней предстояло ехать и Пелагее с дочерью. Новое жильё находилось значительно дальше от мест, где женщина получала работу. Она пришла к старшей служительнице с просьбой выдавать часть шитья на дом. Дарья сначала отказала, сославшись на прежний порядок. Затем вспомнила распоряжение царицы и велела подождать.

Анастасия выслушала просьбу. Теперь Пелагея уже доказала, что способна выполнять порученную работу и возвращать выданное имущество. Поэтому царица разрешила ей брать небольшие партии простого белья для починки, при условии что каждая вещь будет записана и проверена при возвращении. Пелагея поклонилась.

— Спасибо, государыня.

Анастасия кивнула. После ухода женщины Дарья заметила:

— Теперь она, пожалуй, и вовсе у нас редко появляться станет.

— Зато работать сможет.

— Только далеко ей ходить.

— Будет приносить разом.

Служительница согласилась. Анастасия вернулась к своим занятиям. Она не знала, сумеет ли Пелагея когда-нибудь восстановить прежнюю жизнь. Возможно, та снова выйдет замуж, заведёт хозяйство или найдёт постоянную службу. Возможно, ещё долго будет жить у родственников и зарабатывать понемногу. Но теперь женщина имела хотя бы небольшой собственный доход и могла самостоятельно решать часть своих дел.

Царица не стала записывать это в число особых заслуг. В большом хозяйстве постоянно возникали подобные вопросы, и не каждый требовал торжественного распоряжения.

В один из последних октябрьских дней Иван велел представить ему сведения о выполненных работах в Москве. Докладывал дворцовый распорядитель. Среди прочих дел он упомянул изготовление железных креплений для нескольких государевых построек.

— Работу закончили? — спросил царь.

— Почти всю, государь.

— Кто делал?

Распорядитель назвал Фому и Савву. Иван вспомнил двух кузнецов, приходивших к нему с просьбой изменить условия заказа.

— Вместе справились?

— Справились. Только распорядков больше стало. Две записи вести пришлось.

— А прежде одна была?

— Одна.

Царь немного подумал.

— Зато работа сделана.

Распорядитель согласился. Затем сообщил, что некоторые мастера жалуются на порядок выдачи подрядов. Одни считают, что государевы люди предпочитают знакомых исполнителей, другие недовольны ценами, третьи просят заранее сообщать о предстоящих работах, чтобы можно было подготовить материалы. Иван нахмурился.

— Так каждому угодить невозможно.

— Невозможно, государь.

— Пусть предлагают, кто что сделать может. А выбирать надобно по делу, не по знакомству.

Распорядитель поклонился. Иван перешёл к следующим вопросам. Вскоре разговор коснулся возвращения жителей на погоревшие дворы. Выяснилось, что часть людей недовольна распределением помощи. Некоторые утверждали, будто богатым хозяевам легче получить лес и рабочие руки, тогда как бедным приходится ждать. Молодой царь снова почувствовал раздражение.

Он уже неоднократно велел помогать прежде всего тем, кто лишился жилья. Почему же люди продолжали жаловаться?

— Разве не было приказа? — спросил он.

— Был, государь.

— Почему не исполняют?

Распорядитель объяснил, что одни получатели имели собственные средства и могли быстрее организовать доставку материалов. Другие ждали, пока найдутся возчики, плотники и свободный лес. Иногда богатый человек просто покупал необходимое, не обращаясь за помощью. Со стороны же казалось, будто ему выдали всё из государевых запасов.

— А бывает и иначе? — спросил Иван.

Распорядитель помедлил.

— Бывает.

— Что бывает?

— У кого знакомые среди служителей, тот скорее узнаёт, куда обратиться.

Царь помрачнел. Он хорошо помнил подобные порядки ещё по временам своего детства. Тогда люди, имевшие доступ к влиятельным боярам, добивались желаемого быстрее других. Теперь Иван стремился изменить положение, но прежние привычки сохранялись.

— Узнай, кто этим пользуется, — приказал он.

— Исполню.

— И не надо каждому давать сверх положенного только потому, что у него родня при дворе.

Распорядитель снова поклонился. После его ухода Иван сидел над записями. Затем велел позвать Матвея Лазарева. Дьяк явился ближе к вечеру. Царь рассказал о жалобах.

— Государь, — ответил Матвей, — помощь распределяют разные люди. Одни по государевым распоряжениям, другие по городским делам. Кто своим серебром строится, тому и вправду легче.

— Значит, бедным труднее.

— Труднее.

— А ведь помощь для них прежде всего назначали.

— Назначали.

Иван поднялся.

— Так что же выходит?

Матвей не сразу ответил.

— Выходит, государь, что тем, у кого своё есть, проще и чужую помощь получить. А кто совсем разорён, тому даже за своей выдачей приехать бывает не на чем.

Молодой царь прошёл вдоль стола. За окном уже темнело. В Кремле зажигали светильники, служители спешили закончить дневную работу.

— Надобно иначе устроить, — сказал Иван.

Матвей согласился, но попросил не отменять уже действующих распоряжений, пока не будет понятно, как их заменить. Иначе возникнут новые задержки. Они обсудили несколько возможных мер. Решили, что сведения о наиболее нуждающихся следует собирать не только по поступившим жалобам, но и через людей, осматривающих погоревшие улицы. Там, где можно

доставлять помощь сразу нескольким дворам, не требуя от каждого отдельной поездки, следовало так и поступать. Иван велел подготовить соответствующие распоряжения.

Разговор затянулся до позднего вечера. Когда Матвей ушёл, царь почувствовал сильную усталость. Он не стал больше читать бумаги и направился к жене.

Анастасия сидела возле небольшого стола. Перед ней лежала вышитая ткань, над которой она работала уже несколько дней. Рисунок постепенно складывался из тонких цветных нитей. В центре находилось изображение цветущей ветви, по краям тянулся простой растительный узор. Иван вошёл без обычного сопровождения.

— Ещё работаешь?

— Немного осталось.

Он сел рядом и стал смотреть, как она проводит иглу через ткань.

— Ты сама всё это делаешь?

— Не всё. Только рисунок начала сама.

— Красиво.

Анастасия улыбнулась.

— Матушка сказала бы, что здесь неровно.

— Где?

Она показала место, где несколько стежков отклонялись от общего узора. Иван приглядел.

— Не вижу.

— Потому что не умеешь.

Он рассмеялся. Анастасия отложила работу.

— Устал?

— Есть немного.

Она велела принести воды и лёгкую пищу. Пока служительница ходила, Иван рассказал о дневных разбирательствах. Упомянул кузнецов, государевы заказы, жалобы на распределение помощи. Он говорил уже без прежнего раздражения, иногда сам замечая, насколько нелепыми казались некоторые обстоятельства. Анастасия слушала.

— Помнишь, я тебе рассказывала о Пелагее? — спросила она.

— О той, у которой рука обожжена?

— О ней.

Царица объяснила, что женщине удалось найти подходящую работу, хотя первоначальное распоряжение пришлось изменить.

— И теперь она довольна?

— Работает. Наверное, довольна.

Иван задумался.

— Странное дело. Одним работу даёшь, а они сердятся. Другим не даёшь — тоже сердятся.

Анастасия улыбнулась.

— Не все сердятся.

— А некоторые?

— Некоторые хотят сами выбирать.

Он посмотрел на неё.

— Ты опять о своём?

— И о своём тоже.

Иван усмехнулся. Разговор не превратился в новый спор. Молодые супруги уже лучше понимали, где заканчивается простое несогласие и начинается действительное столкновение интересов. Анастасия рассказала, что Пелагея отказалась жить в предложенной ей клети. Иван удивился.

— Ей ведь помогали.

— Помогали.

— Почему ушла?

— Не хотела постоянно зависеть от чужих людей. Да и холодно там было.

Царь размышлял.

— Кузнец, наверное, обиделся.

— Сначала обиделся.

— А потом?

— Помог ей вещи перенести.

Иван улыбнулся. Служительница принесла еду. Анастасия придвинула блюдо к мужу. За окнами поднялся ветер. В переходе кто-то закрыл тяжёлую дверь. Из соседних покоев донёсся негромкий голос Юрия Васильевича, затем шаги сопровождавшего его Семёна.

Иван прислушался.

— Юра ещё не спит?

— Нет. Сегодня долго с деревянной работой возился. Семён говорит, новую крепость собирает.

— Надо будет завтра посмотреть.

Анастасия кивнула. Они ещё некоторое время разговаривали о брате, о его занятиях и о том, как он переносит перемены после пожара. Юрий по-прежнему тяжело привыкал к новым помещениям и незнакомым людям. Зато там, где ему позволяли заниматься привычными вещами, чувствовал себя увереннее. Позднее Анастасия вернулась к шитью. Иван сидел рядом, наблюдая за движением её рук. На столе лежали несколько готовых нитей, небольшие ножницы, игольница. Он взял один из кусочков ткани, провёл пальцами по вышивке и положил обратно.

— Ты не всё мне рассказываешь, — произнёс он неожиданно.

Анастасия подняла голову.

— О чём?

— О своих делах.

— А надо всё?

Вопрос был задан без вызова. Она действительно хотела понять, чего муж ожидает. Иван задумался.

— Не знаю.

Анастасия продолжила работу.

— Ты ведь мне тоже не каждое государево дело рассказываешь.

— Там другое.

— Знаю.

Он посмотрел на неё.

— И всё же?

— Коли что важное случится, скажу.

Иван принял ответ. Вскоре он поднялся, пожелал жене спокойной ночи и вышел. Анастасия осталась за столом. Она ещё некоторое время вышивала, затем убрала ткань в приготовленный ларец. На следующий день ей предстояло принять женщин, желавших поступить на работу при царском хозяйстве, проверить новые выдачи белья и узнать, как устроилась Пелагея после переезда. Царица не считала эти занятия продолжением государственных дел мужа. Она просто занималась тем, за что сама отвечала.

В начале ноября на московских улицах появился первый тонкий лёд. По утрам замерзали лужи, оставшиеся после осенних дождей. Плотники торопились закончить крыши, возчики старались доставить последние грузы до сильных холодов. Из новых печей поднимался дым, иногда густой и едкий: сырые дрова горели плохо. На тех дворах, где не успели поставить

жильё, люди продолжали тесниться у родственников или устраивались в временных помещениях. Работы у кузнецов не убавилось.

Фома и Савва получили окончательный расчёт по государеву заказу. После уплаты долгов денег осталось меньше, чем оба ожидали. Но мастерские удалось сохранить, работникам заплатили, а на зиму появились новые заказы. Никита всё чаще выполнял работу самостоятельно. Однажды Савва попросил его помочь с большим замком для хозяйственного двора. Фома отпустил подмастерья на день, предварительно договорившись, что часть платы получит мастерская, а часть — сам Никита.

Молодой кузнец обрадовался. Это был первый заказ, за который ему предстояло отвечать почти целиком. Вечером он возвращался через улицу, где жила Марфа. Новая изба стояла прочно. Из трубы поднимался дым. Возле двери сохли небольшие дрова, а под навесом лежали приготовленные на зиму доски.

Марфа вышла во двор с ведром.

— Никита!

Он остановился.

— Как живёте?

— Живём. Дети здоровы. Печь поправили.

— А с Кочетовым?

Женщина махнула рукой.

— Всё ещё судимся. Только теперь хоть не мешаем друг другу.

Она показала на соседний двор. Прохор Кочетов строил новые хозяйственные помещения. Его работники уже закончили большую часть стен и теперь закрывали кровлю. Между двумя дворами оставался проход к колодцу.

— Он вчера нам досок дал, — неожиданно сказала Марфа.

Никита удивился.

— Кочетов?

— Он.

— Зачем?

— У нас на навесе не хватало. Сказал, потом рассчитаемся.

— Рассчитаетесь?

— Рассчитаемся. Не даром же дал.

Она улыбнулась. Никита посмотрел на соседний двор. Прохор стоял возле телеги и разговаривал с возчиком. Увидев молодого кузнеца, кивнул ему, затем вернулся к своему делу. Никита не стал подходить. Он попрощался с Марфой и продолжил путь.

Возле кузницы уже горел свет. Фома сидел у верстака, рассматривая новый заказ. Мастер поднял голову, когда подмастерье вошёл.

— Закончил?

— Закончил.

— Приняли?

— Приняли.

— Деньги дали?

Никита показал небольшую сумму. Фома пересчитал.

— Хорошо.

Он отделил положенную часть и вернул остальное.

— Твоё.

Никита принял деньги. Мастер смотрел на него, затем достал из ящика старые клещи. Они были ещё крепкими, хотя рукояти потемнели от многолетней работы.

— Возьми.

Молодой кузнец удивился.

— Зачем?

— Свои будут.

— Так ведь они твои.

— Теперь твои.

Никита взял инструмент. Он помнил эти клещи с первых лет ученичества. Фома редко позволял пользоваться ими другим работникам, потому что они удобно держали тонкие заготовки и не раз спасали его от ожогов.

— Спасибо, мастер.

Фома отмахнулся.

— Только не вздумай завтра же отдельную кузницу ставить. Мне ещё работать с кем-то надо.

Никита рассмеялся.

— До весны подожду.

Мастер кивнул. За воротами проходили последние возы. В соседних домах зажигали огни. Москва постепенно готовилась к зиме. Никита положил новые клещи рядом со своим молотом и принялся убирать инструменты. Фома проверил горн, закрыл заслонку, осмотрел замки на воротах. Затем взял приготовленный список завтрашних работ.

На первом месте значились петли для небольшой избы, на втором — железо для торговой лавки. Третий заказ поступил от человека, который после пожара лишился прежнего дома и теперь строил новый на окраине. Мастер провёл пальцем по строкам и позвал Никиту.

— Начнём с этого. Человеку к холодам дверь поставить надо.

Молодой кузнец подошёл.

— Железо есть?

— Есть.

Они вместе осмотрели заготовки, выбрали подходящую полосу и отложили её отдельно. Утром можно было приниматься за работу.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

БРАТНИНА СВАДЬБА

Москва. Сентябрь — ноябрь 1547 года.

Восемнадцатого сентября Юрий Васильевич принёс брату деревянный дом. Не игрушечную крепость с башнями и воротами, какие он прежде любил собирать из небольших брусков, а обыкновенное жилище с четырьмя стенами, двускатной кровлей и двумя окнами. Деревянные части были тщательно подогнаны одна к другой. На одном скате лежала маленькая дощечка, изображавшая дымовую трубу. Крышу можно было снять и увидеть внутреннее устройство: две комнаты, узкий переход между ними и небольшую скамью возле стены.

Иван сидел за столом, разбирая государственные дела. Утро выдалось беспокойным. Сначала пришлось выслушать жалобу на задержку строительного леса, потом приехал гонец с южных рубежей, а вслед за ним явились бояре, желавшие обсудить предстоящие назначения. Молодой царь уже несколько раз откладывал завтрак и теперь собирался хотя бы закончить чтение последней грамоты. Юрий вошёл в сопровождении Семёна.

Брат редко появлялся во время государственных занятий без предварительного предупреждения. Обычно он приходил вечером, когда Иван мог уделить ему время. Теперь же Семён выглядел несколько смущённым, а сам Юрий держал деревянное сооружение обеими руками и явно не собирался уходить.

— Что у тебя? — спросил Иван.

Младший брат не расслышал слов. Он приблизился, поставил дом на свободный край стола и осторожно снял крышу. Иван отложил грамоту.

— Сам сделал?

Юрий кивнул. Затем достал из-за пазухи две маленькие деревянные фигурки. Одну поставил возле скамьи, другую — в соседней комнате. Переставил их несколько раз, показывая, как они могут переходить из помещения в помещение. Потом поднял голову и произнёс с усилием короткое слово. Иван не разобрал.

— Что он говорит? — спросил царь у Семёна.

Тот приблизился.

— Государь, он со вчерашнего дня об этом толкует. Я сперва не понял, а сегодня, кажется, разобрал.

— Так говори.

Семён помедлил.

— Жениться хочет.

Иван посмотрел на брата. Юрий внимательно следил за его лицом. Увидев, что Иван услышал объяснение, снова показал на фигурки. Теперь он поставил их рядом, накрыл дом крышей и приложил ладони одну к другой. Царь неожиданно улыбнулся.

— Жениться?

Юрий уловил знакомое слово и энергично кивнул. Иван откинулся на спинку кресла. Брату ещё не исполнилось пятнадцати лет. Он заметно вырос за последние годы, стал крепче, увереннее двигался среди знакомых людей, охотно занимался деревянными конструкциями, любил рассматривать работу плотников и мастеров. Но речь по-прежнему давалась ему тяжело. Одни слова он произносил достаточно ясно, другие заменял звуками или жестами. Слух позволял различать не всё, особенно когда говорили несколько человек или собеседник стоял спиной.

Иван давно научился понимать брата. Иногда достаточно было показать предмет или движение. Иногда приходилось терпеливо ждать, пока Юрий найдёт способ объяснить желаемое. Сейчас просьба казалась достаточно определённой.

— Кто тебе об этом сказал? — спросил Иван, приблизившись и стараясь, чтобы брат видел его лицо.

Юрий не сразу понял вопрос. Семён повторил медленнее, показывая знакомыми движениями, что речь идёт о человеке, который предложил женитьбу. Младший князь нахмурился. Затем указал на себя.

— Сам?

Юрий кивнул. Иван посмотрел на Семёна.

— А прежде говорил?

— Говорил, государь. Только я не сразу разобрал. Сначала думал, что он о твоей свадьбе вспоминает.

Юрий снова снял крышу деревянного дома. Теперь одну фигурку он поставил у двери, другую — возле окна. Потом соединил их руки. Иван почувствовал неожиданную нежность к брату. Он помнил, как тот сидел рядом с ним во время январских свадебных торжеств, как старательно следил за происходящим, как радовался праздничной одежде и большому застолью. Тогда Юрий несколько раз расспрашивал о невесте, показывая на Анастасию, на её украшения, на руки супругов.

Иван полагал, что младшему просто понравилось торжество. Теперь выходило, что брат запомнил не только обряд.

— А кого женой хочешь? — спросил царь.

Юрий задумался. Он не знал, как ответить. Затем взял деревянную фигурку, изображавшую женщину, и поставил её рядом с другой. Иван рассмеялся.

— Понятно. Жену хочешь, а какую — ещё не знаешь.

Юрий тоже улыбнулся. Ему было приятно, что старший брат наконец понял его просьбу. Семён осторожно заметил:

— Государь, может, он только об игре толкует?

Юрий услышал голос, хотя слов не разобрал. Повернулся и с заметным недовольством покачал головой. Иван перестал улыбаться.

— Не надо за него решать, Семён.

Служитель поклонился.

— Я ведь только спросил.

— Знаю.

Царь снова обратился к брату. Он показал знакомым движением, что понял просьбу, затем осторожно объяснил, что необходимо будет поговорить с митрополитом и боярами. Юрий слушал, насколько мог. Слово «митрополит» он узнал. Макария знал давно и относился к нему с доверием.

— Пойдём к владыке? — спросил Иван.

Юрий кивнул. Он уже собирался забрать дом, но Иван остановил его.

— Оставь пока.

Младший вопросительно поднял брови.

— Я ещё посмотрю.

Юрий согласился. Осторожно поправил крышу и направился к двери. Семён последовал за ним. Когда они вышли, Иван рассматривал деревянное жилище. Две маленькие фигурки стояли внутри, возле общей скамьи. На одной из стен Юрий сделал небольшое углубление, чтобы туда можно было поставить светильник. Дверь открывалась свободно, хотя петли были изготовлены из тонких кожаных полосок и держались не слишком прочно.

Царь поднял крышу и увидел, что под ней вырезаны маленькие поперечные балки. Брат продумал устройство дома гораздо тщательнее, чем казалось сначала. Иван осторожно поставил крышу обратно и позвал распорядителя.

— Завтра к митрополиту поедем. Я с братом.

Весть о намерении женить Юрия Васильевича быстро распространилась среди придворных. Одни приняли её спокойно. Брату государя надлежало иметь семью, а его женитьба могла укрепить связи царского дома с одним из знатных княжеских родов. Другие отнеслись к решению с удивлением. У Ивана и Анастасии ещё не было детей, а потому всякий вопрос о браке ближайшего царского родственника неизбежно приобретал государственное значение.

Юрий был младшим сыном Василия Третьего. По отцовскому завещанию за ним признавались удельные права, однако самостоятельно управлять назначенными землями он не мог. При нём находились люди, ведавшие хозяйственными делами, а наиболее важные распоряжения зависели от царя и центрального управления. Теперь предстояло определить, что изменится после женитьбы. Иван не ожидал, что обыкновенная семейная просьба вызовет столько разговоров.

В тот же день к нему явились двое бояр. Они осторожно напомнили, что заключение брака с братом государя возвысит род невесты и неизбежно повлечёт новые просьбы о назначениях, пожалованиях и доходах.

— Не каждому роду такую честь можно оказать, — заметил старший.

— Не каждый и просит, — ответил Иван.

— Просить станут, государь.

Царь посмотрел на собеседника.

— А если станут?

— Надобно заранее рассудить, кого к царскому дому приближать.

Собственная свадьба ещё стояла у Ивана перед глазами. После неё придворные стали иначе кланяться родственникам Анастасии; вместе с поздравлениями появились и новые просьбы. Одни встретили возвышение Захарьиных благосклонно, другие скрывали недоволь-

ство. Даже за свадебным столом находились люди, которым было важнее место соседа, чем счастье молодых супругов. Но сейчас Иван думал прежде всего о Юрии.

— Брат жениться хочет, — сказал он. — Разве для того надобно прежде все боярские счёты закончить?

Бояре поклонились. Спорить прямо никто не решился. Однако после их ухода царь почувствовал, что вопрос оказался сложнее, чем выглядел за утренним столом. Он позвал Анастасию. Жена пришла ближе к вечеру. Иван показал ей деревянный дом и рассказал о братниной просьбе.

Анастасия улыбнулась.

— Юра сам принёс?

— Сам.

Она взяла одну из фигурок.

— А ты согласился?

— Сказал, что к митрополиту пойдём.

— Значит, ещё не согласился.

Иван поднял голову.

— А что ты думаешь?

Анастасия не ответила сразу. Она хорошо помнила собственное замужество. Подготовка к свадьбе, разговоры родственников, переезд в царский дом — всё произошло за несколько недель, хотя последствия этих решений определяли её дальнейшую жизнь.

— Надо невесту такую найти, — сказала она, — чтобы ему с ней хорошо было.

— Для всякого жениха так.

— Для всякого. Только Юре труднее объяснить, чего он хочет.

Иван кивнул.

— Семён его понимает.

— Семён понимает многое. Но ведь жене с Юрой жить, а не Семёну.

Царь задумался. Анастасия осторожно вернула фигурку на место.

— И девушку надо спросить.

Иван усмехнулся.

— Спросим. Не силой же поведём.

Но жена не улыбнулась.

— Только чтобы она знала, за кого идёт.

Он посмотрел на неё внимательнее. В этих словах не было недоверия к Юрию. Анастасия говорила о другом: молодая княжна могла согласиться на брак с царским братом, представляя прежде всего богатство, почёт и близость к государю. А затем обнаружить, что обычная семейная жизнь потребует от неё терпения и особого внимания к мужу.

— Узнает, — сказал Иван.

Анастасия кивнула. Ей хотелось верить, что всё будет именно так.

Через несколько дней Иван вместе с братом отправился к митрополиту Макарию. Путь был знаком Юрию. Он не раз посещал владыку ещё в детстве. В прежние годы митрополит иногда показывал мальчикам книги, рассказывал о святых и церковных праздниках. Юрий лучше понимал изображения, чем длинные объяснения. Макарий знал это и никогда не требовал, чтобы младший князь отвечал быстро.

После июньского пожара митрополит ещё не вполне оправился от полученных повреждений. Он двигался осторожнее прежнего, тяжело переносил долгие службы и временами просил читать ему вслух. Увидев братьев, Макарий поднялся. Иван подошёл под благословение. Юрий повторил его движение. Митрополит усадил обоих.

Царь объяснил просьбу брата. Макарий выслушал спокойно. Затем повернулся к Юрию.

— Жениться хочешь, княже?

Юрий увидел движение губ, но не разобрал всего вопроса. Семён, стоявший неподалёку, осторожно помог объяснить. Младший князь кивнул. Макарий не торопился. Он знал, что Юрий лучше отвечает, когда собеседник не требует немедленной реакции.

— Жену в дом привести? — спросил он, сопровождая слова простым движением руки.

Юрий снова кивнул. Затем показал на Ивана, на себя и развёл руки, словно обозначая два разных места. Царь понял.

— Он, кажется, отдельно жить хочет.

Митрополит внимательно посмотрел на младшего князя. Юрий снова повторил движение. Потом указал на дверь, через которую они вошли, и на себя. Семён объяснил, что последние недели князь всё чаще просит показать ему отдельные помещения. Особенно заинтересовался одним из пустовавших дворцовых переходов, где прежде находились комнаты старших служителей.

— Он там свой дом представить хочет, — сказал Семён.

Макарий не стал говорить о том, возможно ли исполнить такое желание. Он обратился к Ивану.

— Женитьба доброе дело, государь. Только брату твоему не одним обрядом жить.

Царь согласился. Митрополит благословил намерение Юрия вступить в брак, после чего заговорили о порядке выбора невесты. Иван сообщил, что собирается велеть боярам и князьям представить дочерей, достигших брачного возраста. Макарий не возражал. Однако попросил прежде всего узнать, какие семьи готовы к такому союзу и насколько сами девушки понимают предстоящее положение. После разговора Юрий подошёл к небольшому столу, где лежала церковная книга в деревянном переплёте. Его привлекла искусная резьба на крышке.

Он осторожно провёл пальцами по изображению виноградной лозы. Макарий заметил.

— Нравится?

Юрий поднял голову. Митрополит показал на узор. Младший князь кивнул.

— Хорошая работа, — сказал владыка.

Затем попросил служителя принести другую книгу, переплёт которой был украшен более сложной резьбой. Юрий принялся рассматривать изображения. Иван наблюдал за братом. В обычном боярском разговоре Юрий почти всегда оказывался сторонним человеком. Его редко спрашивали о чём-либо, кроме здоровья и повседневных занятий. Здесь же митрополит позволял ему самому выбирать предмет разговора, пусть даже беседа состояла преимущественно из жестов и отдельных слов.

Царь подумал, что будущей жене придётся научиться тому же. И не был уверен, что всякая девушка из знатного рода захочет этому учиться.

В доме князя Дмитрия Фёдоровича Палецкого о предстоящем смотре невест заговорили вскоре после получения государева распоряжения. Князь вернулся домой поздно. Его ожидали жена, дочери и несколько родственниц, приехавших помочь с хозяйственными делами. После московских пожаров многие знатные семьи пересматривали расходы, переносили имущество из повреждённых помещений и готовились к зиме. Палецкие сохранили значительную часть своего хозяйства, но и у них хватало забот.

Дмитрий Фёдорович вошёл в большую комнату, снял верхний кафтан и попросил воды. Ульяна сидела возле матери. Перед ней лежало начатое шитьё. Девушка была ещё очень молода, но уже привыкла участвовать в домашних работах. Ей поручали следить за приготовлением белья, помогать при разборе тканей, обучаться ведению хозяйственных записей. Мать считала, что княжеская дочь должна знать не только молитвы, рукоделие и придворные обычаи, но и цену хлеба, ткани, воска и труда служителей.

Отец разговаривал с женой о хозяйстве. Затем сообщил, что царь намерен женить младшего брата. Мать Ульяны подняла голову.

— Юрия Васильевича?

— Его самого.

— А невесту уже выбрали?

— Нет. Государь велел представить княжеских и боярских дочерей.

Ульяна перестала шить. Отец заметил.

— И тебя повезём.

Девушка не сразу ответила. Она знала Юрия Васильевича по придворным церемониям, хотя никогда не разговаривала с ним близко. Видела во время царского венчания и свадьбы Ивана. Помнила высокого молодого князя, который сидел неподалёку от государя, редко вступал в разговор и часто обращался к сопровождавшему его служителю.

Ульяна слышала разные рассказы о младшем царском брате. Одни говорили, что он почти не слышит. Другие утверждали, будто не способен заниматься государственными делами. Третьи пересказывали грубые шутки придворных людей, которым казалось забавным отсутствие у князя обычной разговорной речи. Девушка не знала, чему верить.

— Матушка, — спросила она, когда отец вышел к служителям, — а он вправду не слышит?

Мать рассматривала её.

— Не всё слышит.

— А говорить умеет?

— Говорят, трудно ему.

Ульяна задумалась.

— Тогда как же с ним жить?

Мать не стала отвечать сразу. Она сама не имела близкого знакомства с Юрием Васильевичем.

— Научишься понимать, коли судьба так устроится.

Девушке не понравился ответ.

— А если не научусь?

— Не всякая жена сразу мужа понимает.

— Но другие хоть разговаривают.

Мать отложила шитьё.

— Ульяна, прежде надо увидеть человека. Не всё правда, что о нём говорят.

Девушка кивнула, но тревога не исчезла. Позднее к ней пришла одна из родственниц. Женщина уже знала о предстоящем смотре и принялась рассказывать, какой почёт ожидает ту, кого выберут в жёны царскому брату. Говорила о богатых одеждах, собственной прислуге, месте возле царицы, многочисленных родственниках, которые станут искать расположения новой княгини. Ульяна слушала. Наконец спросила:

— А сам князь какой?

Женщина запнулась.

— Государев брат. Чего же тебе ещё?

Девушка больше не расспрашивала. Ей стало ясно, что взрослые способны долго говорить о предстоящем браке, почти не интересуясь человеком, с которым ей, возможно, придётся провести всю жизнь.

Смотр невест устроили на государевом дворе. Для прибывших девушек подготовили отдельные помещения. Их сопровождали матери, родственницы и служительницы. Одни семьи держались уверенно, другие старались не обнаруживать волнения. Отцы ожидали известий в соседних палатах, разговаривали с придворными и осторожно выясняли, какие роды имеют наибольшие надежды. Ульяна приехала с матерью.

Ей приготовили праздничное платье из дорогой ткани, но девушка чувствовала себя в нём неловко. Рукава были шире привычных, тяжёлый пояс стеснял движение, головное украшение всё время казалось ей слишком высоким. Мать несколько раз поправляла одежду, пока

наконец не убедилась, что всё лежит как следует. В помещении находились и другие девушки. Некоторые уже встречались прежде на свадьбах и церковных торжествах. Они тихо переговаривались, рассматривали одежду друг друга, старались скрыть тревогу.

Одна из княжон спросила Ульяну:

— Ты князя Юрия видела?

— Видела.

— А разговаривала?

— Нет.

— Говорят, он почти ничего не понимает.

Ульяна почувствовала раздражение.

— Откуда ты знаешь?

— Слышала.

— Я тоже много чего слышала.

Собеседница отвернулась. Разговор прекратился, но Ульяна продолжала думать о сказанном. Ей не хотелось выходить замуж за человека, которого она не сумеет понять. Однако ещё меньше нравилось, что о нём рассуждают так, словно его вовсе нет рядом. Когда девушек начали выводить для представления, Ульяна почувствовала сильное волнение. В другой палате Иван ожидал брата.

Юрий был одет в праздничный кафтан. Семён заранее объяснил ему порядок встречи. Молодой князь знал, что придут девушки, среди которых ему предстоит выбрать невесту. Но длительные наставления утомили его. Несколько раз он пытался выйти из комнаты, затем возвращался к окну, где было больше света. Иван заметил его беспокойство.

— Устал?

Юрий посмотрел на него. Царь показал жестом, что можно немного отдохнуть. Младший кивнул.

— Никто тебя торопить не станет, — сказал Иван.

Семён передал смысл сказанного знакомыми движениями. Юрий благодарно коснулся руки брата. Когда всё было готово, молодых княжон начали представлять. Иван внимательно наблюдал за Юрием. Тот рассматривал девушек, иногда улыбался, но заметно смущался, когда к нему обращались с длинными приветствиями. Некоторые княжны пытались произносить слова громче, полагая, что это поможет. От неожиданного повышения голоса Юрий вздрагивал и отворачивался.

Семён несколько раз осторожно объяснял, что происходит. Ульяна ожидала своей очереди. Когда её подвели, она увидела перед собой двух братьев. Иван сидел спокойно, хотя чувствовалось, что и ему надоело повторение церемонии. Юрий находился немного в стороне. Он был выше, чем Ульяна запомнила по прежним встречам. Лицо его сохраняло юношескую мягкость, но взгляд был внимательным.

Девушка поклонилась. Иван назвал её.

— Княжна Ульяна, дочь Дмитрия Фёдоровича Палецкого.

Юрий посмотрел на неё. Ульяна не стала произносить длинного приветствия. Подняв голову, она осторожно улыбнулась. Молодой князь ответил улыбкой. Один из распорядителей начал объяснять, кто перед ним стоит, но Юрий поднял руку, показывая, что понял. Ульяна заметила движение.

Затем её повели дальше. Встреча заняла совсем немного времени. Она не могла узнать Юрия за несколько мгновений, как не мог и он узнать её. Но девушка увидела достаточно, чтобы усомниться в чужих насмешливых рассказах. Молодой князь следил за происходящим, различал знакомые лица, понимал движения окружающих. Когда распорядитель принялся объяснять ему то, что уже было ясно, в его лице появилось такое же раздражение, какое Ульяна иногда замечала у собственных братьев, если взрослые начинали повторять очевидное.

Это сходство неожиданно успокоило её. После смотра Иван спросил Юрия, кто ему понравился. Младший князь перебирал принесённые Семёном дощечки с обозначениями представленных семейств. Слуга заранее подготовил их, чтобы Юрию было легче различать имена. Юрий остановился на имени Палецких. Иван показал на него.

— Ульяна?

Младший кивнул. Затем поднял голову и попытался произнести имя. Получилось не вполне ясно, но Иван понял.

— Значит, её?

Юрий снова кивнул. Царь не стал требовать дальнейших объяснений. Вскоре после обсуждения с боярами решение было принято. Княжна Ульяна Дмитриевна Палецкая становилась невестой младшего царского брата.

Когда Дмитрий Фёдорович сообщил дочери о выборе, она не сразу поверила. Отец пришёл к жене после разговора с государевыми людьми. На лице его было выражение удовлетворения, которое он старался скрыть за обычной серьёзностью.

— Государь пожаловал, — произнёс он. — Тебя князю Юрию в жёны определили.

Мать перекрестилась. Ульяна стояла возле стола. В руках она держала небольшой моток нитей, который так и не успела убрать.

— Меня? — спросила она.

— Тебя.

Отец приблизился.

— Большая честь нашему дому.

Девушка поклонилась, как требовал обычай. Но радость, которую ожидали увидеть взрослые, не появилась. Мать заметила её смущение и попросила мужа оставить их ненадолго. Дмитрий Фёдорович нахмурился.

— О чём ещё говорить?

— Дай ей опомниться.

Князь согласился и вышел. Ульяна села. Мать подошла к ней.

— Боишься?

Девушка кивнула.

— Чего?

Ульяна долго подбирала слова.

— Он меня не знает.

— Узнает.

— И я его не знаю.

— Для того и жить вместе станете.

Девушка посмотрела на мать.

— А если он сердиться будет, что я его не понимаю?

Женщина осторожно коснулась её плеча.

— Тогда спросишь, чего хочет.

— Как?

Мать не ответила. Она понимала, что дочь задаёт вопрос, на который у неё самой нет готового ответа. В родительском доме Ульяна привыкла разговаривать с братьями, спорить с сестрой, делиться с матерью тревогами. Даже когда отец был строг, его распоряжения оставались понятными. Теперь ей предстояло вступить в чужую семью, где обычные слова могли оказаться недостаточными.

— Я научусь, — сказала Ульяна неожиданно.

Мать посмотрела на неё.

— Чему?

— Говорить с ним.

Она произнесла это без особой уверенности, скорее как решение, которое необходимо принять, чтобы перестать бояться. Мать обняла дочь. Но позднее, когда Ульяна осталась одна, тревога вернулась. Она подошла к сундуку, где лежали вещи, приготовленные для будущего приданого. Всё было знакомым: ткань, полотенца, небольшие украшения, икона, подаренная бабушкой. Ещё утром эти предметы принадлежали обыкновенной девушке из княжеского дома. Теперь их предстояло перенести во дворец царского брата.

Ульяна открыла крышку и долго смотрела на сложенные вещи. Затем достала небольшой кусок полотна, на котором училась вышивать сложный узор. Работа получалась неровной. Мать уже несколько раз предлагала заменить её более красивой, приготовленной мастерицами. Девушка всё же решила взять полотно с собой. Ей хотелось, чтобы в новом доме осталось хоть что-нибудь сделанное собственными руками.

После разговора с отцом Ульяна долго не могла заснуть. В соседней комнате женщины уже обсуждали ткани и свадебные дары, а ей хотелось знать совсем другое: как Юрий Васильевич поймёт, что она согласна с ним, если не услышит обычного ответа. Утром она попросила отца показать ей человека, который давно служит при князе. Дмитрий Фёдорович удивился, но согласился. Пришёл Семён, привычно сопровождавший Юрия.

— Князь любит, когда за него говорят? — спросила девушка.

— Нет, государыня. Только и сам не всегда может объяснить, чего хочет.

Семён показал несколько простых жестов: как Юрий просит подать вещь, как даёт понять, что устал, и как останавливает чужую руку, если не желает помощи. Ульяна повторила движения не сразу. Один раз перепутала; Семён сдержал улыбку и показал снова. Позднее она велела приготовить небольшой письменный лист с названиями вещей, которые князь особенно любит мастерить. Когда отец спросил, зачем это нужно, Ульяна ответила, что не хочет проводить первые дни брака, ожидая, пока слуги скажут ей, что думает муж. Дмитрий Фёдорович не нашёл, что возразить.

Подготовка свадьбы заняла несколько недель. Москва ещё не оправилась после пожаров. Некоторые дворцовые помещения приходилось заново украшать, другие приспосабливать для размещения приглашённых. Служители переносили мебель, проверяли запасы посуды, готовили ткани, предназначенные для торжественных покоев. В государевом хозяйстве и без того хватало работы. Теперь прибавились свадебные приготовления.

Матвей Лазарев несколько раз получал дополнительные распоряжения о расходах. Он относился к ним добросовестно, но иногда сердился, обнаруживая, что один и тот же предмет значится в двух разных перечнях.

— Здесь ковры для свадебного стола, — объяснял Лука.

— А здесь?

— Для покоев молодых.

— Почему одни и те же?

Лука сравнивал записи.

— Потому что их сначала туда положить велели, потом сюда.

— Так исправь.

— Исправлял уже.

Матвей вздохнул.

— Ещё раз исправь.

Однако не все трудности происходили из-за неверных записей. Главный вопрос касался будущего положения самого Юрия. Многие считали естественным, что после свадьбы младший царский брат получит отдельный двор и возможность самостоятельно распоряжаться частью своего хозяйства. Другие напоминали, что управление его уделом давно связано с государевыми людьми и что резкая перемена может вызвать новые сложности. Иван обсуждал это с несколькими боярами.

— Брату отдельные покои нужны, — сказал он.

С этим никто не спорил. Но когда речь зашла о собственном дворе, один из советников осторожно заметил, что сперва необходимо определить, кто будет отвечать за доходы, содержание служителей, хозяйственные распоряжения и все дела князя.

— Разве нельзя ему людей назначить? — спросил Иван.

— Можно. Только надобно знать, кому они подчиняться станут.

— Юрию.

Боярин помедлил.

— Государь, не всякое дело князь Юрий сможет сам разобрать.

Иван нахмурился.

— А кто говорит, что должен всё сам?

— Тогда люди его будут ходить к тебе.

Царь понял смысл возражения. Если Юрию предоставить отдельное хозяйство, но все важные распоряжения оставить за Иваном, возникнет ещё один большой двор, постоянно обращающийся к государю. Если передать управление назначенным людям, придётся решить, насколько свободно они смогут распоряжаться средствами и кому будут отвечать. Бояре предлагали пока сохранить прежний порядок. Иван согласился неохотно.

Он велел приготовить брату с молодой женой отдельные помещения в пределах царского двора, но не выделять самостоятельного хозяйства до дальнейшего решения. Семён узнал об этом от дворцового распорядителя. Когда он сообщил Юрию, младший князь сначала обрадовался. Отдельные комнаты означали новое пространство, где можно будет разместить собственные вещи, деревянные конструкции и книги с изображениями. Но вскоре понял, что речь идёт не о новом доме. Он несколько раз переспросил, показывая на выход из Кремля, на дворцовые стены и на себя.

Семён терпеливо объяснял. Юрий нахмурился. Затем ушёл к своим деревянным брускам и долго не позволял никому вмешиваться в работу. Он строил теперь не маленькую крепость, а целый двор с воротами, отдельным домом, хозяйственными постройками и колодцем. Все части располагались по порядку. Двор был окружён стеной, но внутри оставалось достаточно места для нескольких фигурок.

Когда Семён попытался помочь поставить ворота, Юрий осторожно отвёл его руку. Служитель понял и отступил. В тот вечер молодой князь работал до позднего часа.

Анастасия впервые поговорила с Ульяной без посторонних незадолго до свадьбы. Девушку привели в царские покои для примерки праздничной одежды и знакомства с некоторыми дворцовыми обычаями. Сначала вокруг находились служительницы, старшие родственницы и женщины, которым поручили подготовку свадебного обряда. Анастасия наблюдала за происходящим.

Ульяна старалась исполнять всё, что ей говорили, но заметно уставала от бесконечных наставлений. Одна женщина объясняла, как следует держать голову. Другая поправляла рукава. Третья напоминала, когда необходимо поклониться. Наконец царица попросила оставить их вдвоём. Ульяна растерялась.

Анастасия пригласила её сесть.

— Устала?

Девушка кивнула.

— Немного, государыня.

— Я перед своей свадьбой тоже устала. Всё казалось, что каждый знает, как мне следует стоять, кроме меня самой.

Ульяна осторожно улыбнулась. Некоторое время они говорили о приготовленных вещах, о родительском доме, о матери и сестрах. Постепенно девушка стала отвечать свободнее. Анастасия спросила:

— Юрия Васильевича видела после смотра?

— Нет.

— А до того?

— На государевой свадьбе.

Царица кивнула.

— Он человек добрый. Только не всегда может объяснить, что хочет.

Ульяна опустила руки на колени.

— Мне страшно, государыня.

Анастасия не стала уверять её, что бояться нечего.

— Чего больше всего?

— Что он меня не поймёт. Или я его.

Царица задумалась. Она сама ещё не вполне научилась разговаривать с Юрием. Иван показывал ей некоторые знакомые жесты, объяснял, как следует привлекать внимание брата, почему нельзя начинать длинный разговор, стоя у него за спиной, и почему лучше сначала показать предмет, о котором идёт речь. Но многое Анастасия продолжала узнавать постепенно.

— Его Семён хорошо понимает, — сказала она. — И Иван тоже.

Ульяна подняла голову.

— А мне через Семёна всё говорить?

Вопрос заставил царицу задуматься.

— Поначалу, может, и придётся.

Девушка огорчилась.

— Значит, мужу сама сказать ничего не смогу?

Анастасия посмотрела на неё.

— Сможешь. Только не сразу.

Ульяна провела пальцами по вышитому краю рукава.

— А он захочет меня понимать?

— Думаю, захочет.

— Почему?

Царица улыбнулась.

— Потому что сам тебя выбрал.

Девушка смутилась. Анастасия не стала рассказывать, как происходил смотр. Она знала, что за решением о браке стояли не только предпочтения Юрия, но и воля царя, интересы княжеских родов, многочисленные придворные расчёты. И всё же младший брат действительно выразил желание жениться и остановил выбор на Ульяне. Царице хотелось, чтобы девушка знала об этом. Перед уходом она предложила будущей княгине посмотреть приготовленные для молодых покои.

Ульяна согласилась. Они прошли по дворцовому переходу, миновали несколько дверей и остановились перед комнатами, которые готовили для Юрия. Здесь ещё пахло свежим деревом. Рабочие недавно заменили часть повреждённых деталей, поправили окна и поставили новые скамьи. Возле стены находился большой стол. На нём лежали деревянные бруски, несколько небольших инструментов и начатое сооружение.

Ульяна подошла ближе.

— Это он делает?

— Юрий.

Девушка осторожно коснулась деревянной детали.

— Красиво.

Анастасия улыбнулась.

— Он любит такую работу.

Ульяна несколько раз обошла стол, рассматривая сооружение. Потом заметила небольшую фигурку, поставленную внутри деревянного двора.

— А это кто?

— Не знаю.

Царица подошла. Фигурка изображала человека в длинной одежде. Рядом стояла другая, немного выше. Ульяна осторожно поставила их рядом. Затем быстро убрала руку, словно боялась, что сделала что-то недозволенное. Анастасия не стала её останавливать.

В этот момент в переходе послышались шаги. В комнату вошёл Юрий. Он остановился, увидев гостей. Семён, сопровождавший князя, собирался объяснить, кто находится в покоях, но Юрий уже узнал Анастасию. Затем посмотрел на Ульяну. Девушка поднялась.

Несколько мгновений никто не двигался. Наконец Юрий улыбнулся. Ульяна ответила. Он подошёл к столу, заметил переставленные фигурки и внимательно осмотрел их. Потом повернулся к девушке. Она смутилась.

— Это я поставила.

Юрий не расслышал. Анастасия показала, что фигурки переставила Ульяна. Молодой князь кивнул. Затем взял одну из них и перенёс в соседнее помещение деревянного дома. Другую оставил возле двери. После этого показал Ульяне, как открывается крыша.

Девушка приблизилась. Юрий осторожно снял верхнюю часть сооружения и протянул ей. Ульяна взяла крышу обеими руками. Она оказалась удивительно лёгкой. Тонкие деревянные планки были соединены так аккуратно, что держались почти без дополнительных креплений.

— Ты сам? — спросила девушка.

Юрий увидел, что она обращается к нему, но вопрос понял не сразу. Анастасия повторила знакомым жестом. Младший князь кивнул. Ульяна провела пальцами по соединению.

— Хорошо сделал.

Эти слова он тоже разобрал лишь отчасти. Однако выражение её лица оказалось достаточно понятным. Юрий улыбнулся. Потом протянул руку к крыше, но девушка ещё рассматривала её. Он подождал. Когда Ульяна заметила его движение, осторожно вернула деталь.

Юрий поставил её на место. В комнате снова стало тихо. Анастасия увидела, что оба уже не так напряжены, как несколько минут назад. Она сказала, что им пора возвращаться. Ульяна поклонилась. Юрий проводил её до двери.

Перед уходом девушка обернулась и показала на деревянный дом.

— Потом ещё покажешь?

Юрий не расслышал слов. Но увидел её движение и кивнул. Когда женщины ушли, он вернулся к столу. Семён спросил, понравилась ли ему встреча. Юрий улыбнулся, затем показал на дверь, через которую вышла Ульяна. Служитель понял.

— Скоро опять придёт.

Младший князь кивнул. Он рассматривал деревянные фигурки, затем переставил их так, как они стояли до прихода гостей.

К третьему ноября приготовления завершили. С утра над Кремлём стоял колокольный звон. В Успенском соборе готовились к венчанию. Дворцовые служители проверяли порядок свадебного поезда, распоряжались размещением приглашённых, следили за одеждой молодых и украшением помещений.

День выдался холодным, но ясным. На некоторых участках улиц ещё сохранялась грязь после осенних дождей, однако возле главных кремлёвских переходов землю подсыпали и выровняли. По двору двигались люди в праздничных кафтанах, женщины несли ткани, слуги переносили приготовленные блюда. Юрий проснулся раньше обычного. Семён нашёл его уже одетым в нижнюю рубаху. Молодой князь стоял возле окна и наблюдал, как во дворе готовят лошадей.

Когда служитель подошёл, Юрий повернулся. Он был взволнован, но не испуган. Семён показал приготовленную одежду. Князь подошёл к скамье, где лежал праздничный кафтан. Ткань была тяжёлой, украшенной дорогим шитьём. Рукава оказались длиннее привычных. Юрий несколько раз попытался поднять руки и нахмурился.

— Сейчас поправят, — сказал Семён.

Он позвал портного. Тот начал объяснять, почему рукава должны лежать именно так, как положено свадебному обычаю. Юрий не понимал слов, но видел, что человек не собирается изменять одежду. Тогда он сам поднял руку и показал, что тяжёлый край мешает движению. Портной замялся. Семён помог объяснить.

После короткого спора рукав немного поправили. Юрий снова попробовал поднять руку. Теперь стало удобнее. Он удовлетворённо кивнул. Семён улыбнулся. В прежние годы подобное затруднение могло закончиться раздражением служителей и долгими попытками заставить князя терпеть неудобство. Теперь некоторые люди уже научились сначала выяснять причину.

Когда Юрия окончательно одели, пришёл Иван. Царь был в праздничном кафтане, но без тяжёлых украшений, которые намеревался надеть перед выходом. Он выглядел моложе, чем во время государственных совещаний: лицо было оживлённым, движения быстрыми.

— Ну что, жених? — спросил он.

Юрий улыбнулся. Иван подошёл ближе и показал знакомым жестом, что сегодня большой день. Брат кивнул. Затем неожиданно взял Ивана за руку и повёл к столу, где стоял деревянный дом. Сооружение было закончено. Юрий добавил маленькие ворота, укрепил крышу, поставил возле стены скамью и сделал отдельную полку для двух фигурок.

Иван внимательно осмотрел работу.

— Хорошо вышло.

Юрий показал на фигурки, затем на себя. Царь понял.

— Для тебя с Ульяной?

Младший кивнул. Иван осторожно поставил фигурки рядом. Потом показал брату, что дом можно будет перенести в новые покои. Юрий обрадовался. Он уже начал объяснять, где хочет поставить деревянное сооружение, когда в дверь вошёл распорядитель и сообщил, что пора готовиться к выходу. Иван повернулся к брату.

— Пойдём.

Юрий осторожно поправил крышу домика и последовал за ним.

Ульяна тем временем сидела в окружении женщин. Мать несколько раз проверяла её одежду. Служительницы поправляли головной убор, укладывали складки праздничного платья, следили, чтобы тяжёлые украшения не мешали движению. Девушка почти не разговаривала. Ей казалось, что всё происходит слишком быстро. Ещё недавно она жила в родительском доме и занималась привычными делами. Теперь вокруг находились чужие люди, называвшие её княгиней, хотя венчание ещё не состоялось.

Мать заметила, что дочь побледнела.

— Ульяна, не дурно тебе?

Девушка покачала головой.

— Нет, матушка.

— Воды принести?

— Не надо.

Служительница поправила край рукава. Ульяна осторожно убрала руку.

— Я сама.

Женщина отступила. Мать посмотрела на дочь с неожиданным вниманием. Впервые за последние недели ей стало ясно, что та не просто боится свадьбы. Она старается сохранить хотя бы небольшую возможность самостоятельно распоряжаться собой среди людей, которые уже привыкли определять каждый её шаг.

— Оставьте нас, — попросила мать.

Служительницы вышли. Ульяна с облегчением вздохнула. Мать подошла к ней и поправила выбившуюся прядь волос.

— Послушай меня.

Девушка подняла голову.

— Ты теперь в другой дом идёшь. Там свои порядки. Многое будет непривычным. Но не думай, что должна всё терпеть молча.

Ульяна удивилась.

— А как же?

— Спрашивай, коли не понимаешь. И говори, если что не так.

— А если сердиться станут?

Мать осторожно взяла её за руки.

— Не всякое неудовольствие беда.

Девушка смотрела на неё.

— Я ведь его почти не знаю.

— Узнаешь.

— Он мне дом показывал.

Мать улыбнулась.

— Какой?

Ульяна рассказала о деревянном сооружении. Женщина слушала с интересом. Она прежде тоже слышала о необычных занятиях Юрия Васильевича, но не представляла, что тот способен так тщательно работать с деревом.

— Значит, руки у него умелые, — сказала она.

Ульяна кивнула.

— И он не сердился, когда я фигурки переставила.

Мать осторожно поправила дочери пояс.

— Вот и хорошо.

В дверь постучали. Пришло время выходить. Ульяна поднялась. На мгновение у неё закружилась голова, но она удержалась, сделала несколько шагов и остановилась перед матерью. Та благословила дочь. Затем женщины снова вошли и начали приготовления к свадебному шествию.

В Успенском соборе было прохладно. Несмотря на множество людей, каменные стены сохраняли осенний холод. Под сводами стоял запах ладана и воска. Свет проникал через окна высоко над головами присутствующих, ложился на праздничные одежды, золотое шитьё, оклады икон. Юрий вошёл в сопровождении назначенных людей. Он сразу почувствовал необычность происходящего. Вокруг было много движения. Люди кланялись, переступали с места на место, поправляли одежды. Звучало пение, но слова сливались для него в неясный протяжный шум.

Семён находился поблизости. Однако теперь он не мог постоянно стоять рядом с князем. Порядок церемонии определял, где должен находиться каждый участник. Юрий несколько раз оглядывался. Иван заметил это. Он приблизился к брату и осторожно коснулся его руки, привлекая внимание.

Юрий повернулся. Царь показал, что всё идёт как следует. Младший кивнул. Вскоре привели Ульяну. Она двигалась медленно, стараясь не наступить на длинный край платья. Тяжёлый головной убор заставлял держаться особенно прямо. Когда девушка подошла к назначенному месту, сердце у неё билось так сильно, что она почти перестала замечать окружающих.

Юрий увидел её и улыбнулся. Ульяна ответила. Венчальный обряд начался. Священнослужители произносили положенные молитвы. Молодые стояли рядом. Юрий внимательно следил за движениями духовных лиц, стараясь вовремя исполнять то, что требовалось. Ино-

гда он опаздывал на мгновение, но Иван или находившийся поблизости служитель осторожно подсказывали.

Ульяна заметила, как напряжённо князь следит за окружающими. Ей самой было трудно. Она ещё не привыкла к тяжести праздничной одежды, долгое стояние утомляло, а волнение мешало сосредоточиться. Когда Юрий однажды не понял, что следует сделать, один из сопровождавших резко шагнул к нему. Ульяна увидела движение и непроизвольно повернулась. Служитель уже собирался взять князя за руку, но девушка осторожно показала Юрию нужное направление.

Он понял сразу. Служитель остановился. Юрий посмотрел на Ульяну. Она смутилась, но не отвела глаз. Обряд продолжился. Для окружающих это было почти незаметное мгновение. Большинство присутствующих следило за молитвами и положенными действиями. Однако Иван, стоявший неподалёку, увидел происходящее.

Ему понравилось, что Ульяна не стала ждать, пока кто-нибудь другой объяснит брату необходимое. Когда молодые обменялись установленными обрядом знаками согласия и священнослужитель завершил венчание, Юрий выглядел утомлённым. Он не мог передать словами всего, что чувствовал, но внимательно смотрел на молодую жену. Ульяна тоже была бледна. Выйдя из собора, они впервые оказались рядом без непосредственного участия священнослужителей. Юрий осторожно протянул ей руку.

Девушка взяла её. Они направились к дворцовым помещениям, где ожидали свадебные торжества.

Большой свадебный стол устроили на государевом дворе. В помещениях, приготовленных для гостей, горели многочисленные свечи. Столы покрыли дорогими тканями. Слуги приносили блюда, расставляли сосуды, следили за порядком подачи. Приглашённые занимали места согласно установленному свадебному разряду. Среди них находились представители старейших княжеских родов, родственники жениха и невесты, бояре и придворные.

Особенно заметно было присутствие родни Анастасии. Захарьины-Юрьевы получили почётные обязанности, а некоторые их родственники участвовали в сопровождении молодых. Для Дмитрия Фёдоровича Палецкого день был торжественным и тревожным одновременно. Каждый почётный поклон прибавлял Дмитрию Фёдоровичу уверенности; каждый слишком долгий взгляд напоминал, как внимательно двор следит за новыми родственниками царского дома. Несколько раз князь замечал взгляды, в которых любопытство смешивалось с завистью.

Ему приходилось тщательно следить за собственными словами. Один из бояр, поздравляя Палецкого, заметил:

— Высоко нынче твой дом поднялся, князь Дмитрий.

Фраза могла прозвучать как искренняя похвала. Но собеседник произнёс её с таким выражением, что Палецкий почувствовал скрытую насмешку.

— По государевой милости, — ответил он.

— Милость великая.

— И ответственность немалая.

Боярин усмехнулся.

— Ответственность, говоришь?

— Дочь я замуж отдал, не товар продал.

Собеседник перестал улыбаться. Палецкий поклонился и отошёл. Ему не хотелось начинать ссору в день свадьбы дочери. Между тем торжество продолжалось. Юрий сидел рядом с Ульяной. Перед ними сменяли блюда, подносили напитки, произносили поздравления. Люди постоянно приближались к столу, кланялись, обращались к молодым с положенными словами.

Поначалу князь старался отвечать. Но вскоре устал. Его окружало слишком много лиц. Одни говорили громко, другие почти шептали. Приходилось непрерывно поворачивать голову,

следить за движениями губ, угадывать, обращаются ли к нему или разговаривают между собой. Ульяна заметила, что муж всё реже улыбается.

Он несколько раз коснулся края стола, затем перестал есть и начал рассматривать лежавший перед ним нож. Девушка осторожно придвинулась.

— Устал?

Юрий повернулся. Он не разобрал слова, но увидел вопрос на её лице. Ульяна вспомнила движения, которыми пользовался Семён. Она показала, что спрашивает о его самочувствии. Юрий кивнул. Затем указал на дверь.

Девушка поняла не сразу. Он повторил движение. Она оглянулась, пытаясь найти Семёна. Тот находился у другого края помещения, разговаривая с одним из служителей. Ульяна снова повернулась к мужу.

— Выйти хочешь?

Юрий кивнул. Девушка растерялась. Она знала, что покинуть праздничный стол без разрешения нельзя. Свадебный порядок предусматривал определённые действия, и любое отступление могло вызвать пересуды. Она посмотрела в сторону Ивана. Царь разговаривал с одним из бояр.

Ульяна осторожно привлекла его внимание. Иван заметил её движение, извинился перед собеседником и подошёл.

— Что случилось?

— Юрий Васильевич устал.

Царь посмотрел на брата. Юрий сразу показал на дверь. Иван понял.

— Немного отдохнуть хочешь?

Младший кивнул. Царь велел Семёну проводить его в соседнюю комнату, где можно было посидеть в тишине. Но Юрий не поднялся. Он посмотрел на Ульяну и протянул ей руку. Иван остановился. Несколько мгновений он разглядывал брата, затем улыбнулся.

— Вместе пойдёте?

Юрий кивнул. Ульяна покраснела. Царь велел приготовить для молодых соседнее помещение и разрешил им ненадолго удалиться. Некоторые гости обратили внимание на происходящее. Один из распорядителей попытался напомнить, что по свадебному порядку молодым ещё следовало оставаться за столом. Иван выслушал.

— Вернутся, когда отдохнут.

Распорядитель поклонился. Юрий поднялся, взял Ульяну за руку и направился к выходу. Семён последовал за ними, но держался немного позади.

В небольшой комнате было тихо. Здесь не звучало пение, не гремела посуда, не раздавались громкие поздравления. На столе стояли два светильника. Возле стены находилась скамья, покрытая мягкой тканью. Юрий сел с явным облегчением. Ульяна остановилась неподалёку.

Она впервые осталась с мужем почти наедине. Семён находился возле двери, готовый помочь, но не вмешивался. Девушка осторожно сняла с руки тяжёлое украшение, мешавшее ей двигаться. Юрий заметил. Он показал на украшение и вопросительно поднял брови.

— Тяжёлое, — сказала Ульяна.

Молодой князь не расслышал. Тогда она положила украшение ему на ладонь. Юрий осторожно взвесил его. Потом улыбнулся и вернул. Ульяна тоже улыбнулась. Некоторое время они сидели спокойно.

Затем Юрий увидел на столе небольшую деревянную шкатулку. Он поднялся, подошёл к ней, осмотрел крышку. Замок оказался устроен необычно: маленький железный язычок входил в прорезь, скрытую под резной накладкой. Молодой князь заинтересовался. Он осторожно открыл шкатулку, затем закрыл и повторил движение. Ульяна наблюдала.

— Любишь такие вещи?

Юрий повернулся. Она показала на шкатулку. Он кивнул. Затем подвёл её ближе и продемонстрировал устройство замка. Девушка попыталась открыть его сама. Сначала не получилось. Юрий осторожно показал, куда следует нажать.

Она повторила движение. Крышка открылась. Ульяна рассмеялась. Юрий тоже улыбнулся. Впервые за весь день они разговаривали без необходимости исполнять установленный обряд. Семён наблюдал издали.

Ему было приятно, что молодой князь чувствует себя спокойно. Но ещё больше он радовался, что Ульяна не пытается заставить мужа отвечать словами на каждый вопрос. Через некоторое время девушка подошла к скамье, где лежала её праздничная одежда. Она осторожно поправила пояс, затем снова повернулась к Юрию.

— Пойдём обратно?

Молодой князь понял движение руки. Однако вместо того чтобы направиться к двери, он приблизился к Ульяне и осторожно поправил съехавший край её рукава. Девушка смутилась. Он показал, что теперь всё лежит правильно. Она благодарно улыбнулась. После этого они вместе вернулись к свадебному столу.

Торжество продолжалось до вечера. За окнами рано стемнело. В Кремле зажгли дополнительные светильники. Гости постепенно расходились по приготовленным помещениям, некоторые задерживались за разговорами, другие отправлялись домой. Ульяна устала настолько, что к концу дня почти не различала последовательности происходящего. Перед глазами смешивались лица родственников, золотое шитьё, свет свечей, церковные своды.

Когда её наконец проводили в приготовленные для молодых покои, она почувствовала облегчение. Здесь всё было новым. Большая кровать стояла у стены. Рядом находились сундуки с приданым, несколько скамей, стол, покрытый тканью. В углу перед образами горела лампада. На полках лежали вещи, привезённые из дома Палецких.

Ульяна сразу узнала собственный сундук. Она подошла к нему, коснулась крышки и неожиданно почувствовала сильную тоску по матери. Ей хотелось вернуться хотя бы на один вечер в прежнюю комнату, где всё было знакомым: окно, возле которого она шила, старый стол, материнский голос, шаги служительниц. Теперь вместо этого вокруг находились люди царского двора. Одна из женщин спросила, требуется ли помощь с одеждой. Ульяна согласилась.

Когда тяжёлые праздничные украшения сняли, она наконец смогла свободно поднять руки. От непривычного напряжения болели плечи. Женщины подготовили всё необходимое и вышли. Юрий находился в соседнем помещении. Семён помогал ему сменить праздничный кафтан. Молодой князь был сильно утомлён, но не желал сразу ложиться. Он несколько раз показывал на дверь, ведущую в новые покои.

Семён понял.

— Сейчас пойдёшь.

Когда одежду сменили, он проводил Юрия. Молодые супруги встретились возле стола. Ульяна увидела, что муж держит деревянный дом. Тот самый, который показывал ей прежде. Юрий осторожно поставил сооружение на свободное место. Девушка приблизилась.

Теперь на деревянном дворе появились новые детали: маленький колодец, воротца и скамья у входа.

— Ты его сюда принёс?

Юрий кивнул. Ульяна улыбнулась. Она осторожно подняла крышу и увидела две фигурки. Они стояли рядом в большой комнате. Девушка провела пальцем по маленькой стене. Юрий показал, как открываются ворота.

Потом указал на настоящий дверной проём, ведущий из покоев в переход, и снова на деревянные ворота. Ульяна поняла, что он хочет показать сходство.

— Наш дом?

Юрий не расслышал слов, но уловил жест, которым она обозначила их обоих. Он кивнул. Девушка рассматривала сооружение. Затем сняла с пояса небольшой кусочек узкой ткани, оставшийся от праздничного украшения, и осторожно положила его возле деревянной скамьи. Юрий вопросительно посмотрел. Ульяна показала, что из ткани можно сделать покрывало.

Он обрадовался. Они вместе принялись укладывать материю. Когда работа была закончена, Юрий осторожно закрыл крышу домика. Ульяна почувствовала, что впервые за весь день перестала бояться мужа. Она ещё не знала, как устроится их совместная жизнь. Не знала, сумеет ли понимать его желания и сможет ли сама объяснять свои. Но теперь перед ней находился не загадочный царский брат, о котором говорили придворные, а молодой человек, любивший работать с деревом, радовавшийся удачным вещам и умевший внимательно следить за чужими движениями.

Он тоже рассматривал её с интересом. Ульяна показала на деревянный дом, затем на себя и на Юрия. Тот улыбнулся. Они сидели возле стола. В соседнем помещении Семён закончил приготовления и спросил, требуется ли что-нибудь ещё. Юрий повернулся к нему, затем посмотрел на Ульяну.

Девушка покачала головой.

— Не надо.

Семён понял по её движению и выражению лица. Он поклонился и вышел. За дверью постепенно стихли шаги.

На следующий день Иван пришёл поздравить молодых. Юрий встретил брата с радостью. Ульяна поклонилась, затем пригласила царя сесть. Иван заметил деревянный дом на столе.

— Перенесли?

Юрий кивнул. Царь приблизился и увидел маленькое покрывало, сделанное из праздничной ткани.

— Это кто придумал?

Ульяна смутилась.

— Я, государь.

Иван улыбнулся.

— Хорошо придумала.

Говорили о вчерашнем торжестве. Ульяна рассказала, что устала от тяжёлой одежды. Юрий показывал брату новую шкатулку, устройство которой заинтересовало его во время свадьбы. Потом Иван велел позвать распорядителя. Он хотел узнать, всё ли приготовлено для молодых. Человек явился с перечнем помещений и назначенных служителей. Объяснил, какие комнаты переданы Юрию, какие — Ульяне, где разместятся сопровождающие, кто станет отвечать за одежду, пищу и хозяйственные расходы.

Иван слушал. Затем спросил:

— А ключи?

Распорядитель удивился.

— Какие, государь?

— От этих покоев.

— У старших служителей.

— Все?

— Как положено.

Царь немного подумал.

— А у княгини?

Распорядитель помедлил.

— Коли велишь, выдадим.

Иван повернулся к Ульяне.

— Тебе ключи нужны?

Девушка не ожидала вопроса. Она посмотрела на мужа, затем на царя.

— Нужны, государь.

— Какие?

Ульяна объяснила, что хотела бы сама распоряжаться сундуками с собственными вещами и комнатой, где предстоит заниматься шитьём. Иван кивнул.

— Пусть выдадут.

Распорядитель поклонился. Затем царь обратился к брату. Юрий внимательно наблюдал за происходящим. Он не разбирал разговора, но понял, что речь идёт о ключах. Иван показал ему один из них, затем указал на дверь. Младший князь улыбнулся.

Он осторожно взял ключ и попробовал открыть небольшой замок на сундуке. Получилось не сразу. Тогда Юрий осмотрел устройство, повернул ключ другой стороной, и крышка поддалась. Иван рассмеялся.

— Вот теперь хозяин.

Юрий поднял голову. Он понял смысл не всех слов, но радость брата была очевидна. Вскоре царь ушёл. Анастасия пришла позже. Она принесла Ульяне небольшой подарок — ткань для шитья и украшенную игольницу. Молодая княгиня обрадовалась. Она давно хотела иметь собственные принадлежности, которые не пришлось бы каждый раз просить у служительниц.

Они сели возле окна. Юрий занимался деревянными деталями на соседнем столе. Анастасия наблюдала за ним, затем спросила Ульяну:

— Как первая ночь?

Девушка покраснела.

— Хорошо, государыня.

Царица не стала расспрашивать. Она рассказала, что Иван утром был в необычно хорошем настроении. Уже успел принять несколько докладов, а затем неожиданно попросил приготовить для брата дополнительные деревянные заготовки. Ульяна улыбнулась.

— Ему это нравится.

— Нравится.

Они немного поговорили о новом хозяйстве. Ульяна призналась, что не вполне понимает, кому теперь должна поручать распоряжения. Одни служители говорят, что следует обращаться к царским людям. Другие — что у князя Юрия есть собственные. Третьи ссылаются на прежние порядки. Анастасия внимательно выслушала.

— Я сперва тоже путалась, — сказала она.

— А теперь?

Царица улыбнулась.

— Теперь знаю, кого надо спросить. Только не всегда отвечают сразу.

Ульяна рассмеялась. Затем спросила:

— А мне можно самой людей выбирать?

Анастасия не ответила сразу. Она знала, что Иван оставил Юрия с женой жить при царском дворе. Это означало, что значительная часть их хозяйственных дел продолжит зависеть от общих распорядителей.

— Некоторые дела сможешь решать сама, — сказала она. — Другие придётся согласовывать.

— С кем?

— Поначалу с теми, кто уже служит при князе. Потом разберётесь.

Ульяна задумалась. Ей хотелось иметь собственное хозяйство, пусть небольшое. Но теперь становилось ясно, что замужество не обязательно принесло ей больше самостоятельности, чем было в родительском доме. Впрочем, рядом находился Юрий. Он поднял голову, заме-

тил, что женщины разговаривают, и подошёл к ним с маленькой деревянной деталью. Ульяна взяла её.

— Что это?

Князь показал на стол, где стоял дом. Анастасия объяснила, что он, вероятно, хочет добавить новую часть к сооружению. Юрий покачал головой. Обе женщины удивились. Он снова взял деталь, приложил её к дверному проёму настоящей комнаты, затем показал на деревянный дом. Ульяна поняла первой.

— Петля?

Юрий улыбнулся. Он действительно пытался показать устройство дверной петли, которое хотел повторить в маленькой постройке. Анастасия рассмеялась.

— Вот видишь, уже понимаешь.

Ульяна смутилась, но улыбнулась. Юрий вернулся к столу и принялся работать. Женщины наблюдали за ним. Затем Анастасия поднялась. Ей предстояли собственные дела, и она не хотела задерживаться. Перед уходом Ульяна проводила её до двери.

— Государыня, — сказала она тихо, — а Семён всегда при нём будет?

Анастасия посмотрела на неё.

— Пока служит.

— Он ведь Юрия Васильевича лучше всех понимает.

— Кроме Ивана, пожалуй.

Ульяна кивнула.

— Я не хочу, чтобы он всё время за нас говорил.

Царица задумалась.

— Так учись сама.

Девушка выпрямилась.

— Буду.

Анастасия улыбнулась и ушла.

Через несколько дней новый порядок жизни начал обнаруживать свои трудности. Юрий привык, что Семён сопровождает его на прогулках, помогает во время больших церковных служб и объясняет распоряжения придворных. Теперь рядом появилась Ульяна, которая тоже старалась участвовать в его повседневных занятиях. Поначалу это вызывало неловкость. Однажды молодой князь собирался выйти во двор. Семён уже приготовил тёплый кафтан, но Ульяна заметила, что на улице сыро, и попросила взять другую обувь.

Юрий не понял её слов. Семён начал объяснять, показывая на сапоги. Князь нахмурился. Он уже надел приготовленную обувь и не хотел переодеваться. Ульяна решила помочь сама. Она подошла, взяла сапог и показала, что его следует заменить.

Юрий резко отдёрнул руку. Девушка растерялась. Семён поспешил вмешаться.

— Княгиня, он не любит, когда без предупреждения вещи меняют.

Ульяна почувствовала обиду.

— Я ведь для его добра.

Семён поклонился.

— Ведомо мне.

Юрий наблюдал за ними. Он не понимал разговора, но видел раздражение молодой жены и тревогу служителя. Он снял сапог, поставил его на пол и направился к столу. Ульяна стояла неподвижно. Ей хотелось расплакаться. Казалось, что всякая попытка позаботиться о муже вызывает сопротивление, а Семён всегда оказывается человеком, который знает лучше.

Однако спустя некоторое время она подошла к Юрию. Он сидел возле деревянного дома. Ульяна села рядом, дождалась, пока князь обратит на неё внимание, и осторожно показала на окно. За ним шёл мелкий холодный дождь. Затем показала на обувь, которую он собирался надеть. Юрий посмотрел в окно.

Потом на сапоги. Он задумался. Через несколько мгновений поднялся, подошёл к скамье и выбрал другую пару. Ульяна почувствовала облегчение. Она не стала звать Семёна. Когда Юрий был готов, он сам подошёл к жене и показал на дверь.

— Идём? — спросила она.

Он кивнул. Они вышли вместе. На дворе стояла холодная осенняя погода. Рабочие переносили доски, служители вели лошадей, возле ворот ожидали телеги с припасами. Юрий направился к небольшому навесу, где плотники занимались починкой деревянных деталей. Ульяна последовала за ним.

Она ещё не знала, что именно хочет посмотреть муж. Но теперь не торопилась спрашивать. Возле навеса Юрий остановился и начал внимательно наблюдать за работой. Плотник подгонял две доски. Соединение никак не получалось достаточно плотным. Мастер несколько раз поправлял край, примерял, снова снимал.

Юрий приблизился. Плотник узнал князя и поклонился. Молодой человек показал на одну из досок, затем на место соединения. Работник сначала не понял. Семён уже собирался объяснить, но Ульяна остановила его.

— Подожди.

Юрий снова показал нужное движение. Плотник попробовал сделать так, как он предлагал. На этот раз соединение получилось ровнее. Мастер удивился.

— Верно ведь.

Юрий улыбнулся. Ульяна наблюдала за ним. Она впервые увидела, как муж не просто рассматривает чужую работу, а замечает ошибку и предлагает исправление. Ей стало ясно, почему он так любит деревянные сооружения. Они подчинялись понятным ему правилам. Здесь можно было увидеть причину неудачи, изменить положение детали и добиться результата.

Возвращаясь в покои, Ульяна сама взяла мужа за руку. Юрий повернулся и улыбнулся. Семён шёл позади. Он заметил это движение и не стал приближаться. Впереди у молодых супругов оставалось множество трудностей. Предстояло привыкнуть к чужим привычкам, научиться понимать раздражение, усталость и радость друг друга. Ульяна ещё не знала, сможет ли когда-нибудь разговаривать с мужем настолько свободно, насколько ей хотелось.

Но теперь у них появилось нечто собственное. Небольшие комнаты в большом царском дворце, несколько общих вещей, привычные занятия и первые воспоминания, принадлежавшие только им. Когда они вернулись, Юрий подошёл к деревянному дому и снял крышу. Ульяна села рядом. На столе лежали новые детали, принесённые из мастерской. Среди них находились тонкие планки, небольшой кусочек кожи и две металлические скобы.

Юрий выбрал одну из планок и показал жене, где собирается её поставить. Ульяна поняла. Она взяла другую деталь и осторожно приложила её к соседней стене. Молодой князь рассматривал её предложение. Затем передвинул собственную планку, освобождая место. Они продолжили работу вместе.

Она ещё утром получила письмо от матери: дома готовились к семейному празднику, на котором Ульяны впервые не будет. Прежде такие дни казались ей привычными и даже скучными. Здесь, рядом с Юрием, она вдруг ощутила их отсутствие. Муж внимательно рассматривал соединение маленьких стенок и не мог догадаться, отчего у неё на минуту изменилось лицо. Ульяна могла бы позвать Семёна, велеть объяснить своё настроение, попросить мужа оставить работу. Вместо этого она сама придвинула планку, на которую Юрий указывал, и закончила домик вместе с ним. Она хотела поговорить о письме, когда у них будет время и никто не станет говорить за неё.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ
ЛЁД НА ВОЛГЕ

Москва — Владимир — Нижний Новгород — Волга.

Ноябрь 1547 — март 1548 года.

Первый снег выпал в Москве в конце ноября, но пролежал недолго. К полудню потемневшие крыши начали капать, на улицах выступила грязь, а к вечеру от белого покрова остались лишь небольшие полосы возле заборов и на северных скатах кровель. На следующий день снова подморозило. Образовавшаяся корка льда затрудняла движение телег, лошади скользили, возчики ругались и подкладывали под колёса жерди, чтобы удержать повозки на спусках. Во дворе, где готовили государев артиллерийский наряд, подобная погода вызывала особенно много хлопот.

Большие пушки нельзя было просто поставить на сани и отправить в дорогу. Для каждой требовалось приготовить прочные полозья, проверить деревянные крепления, подобрать упряжь и рассчитать, сколько лошадей понадобится на ровном месте и сколько — для подъёма по обледенелому склону. Кроме самих орудий следовало перевезти железные и каменные ядра, порох, фитили, принадлежности для чистки и заряжания, запасные оси, верёвки, доски и инструменты. Всё это занимало место, требовало людей и увеличивало тяжесть обоза.

Мастер пушкарского дела Мирон Степанович стоял возле большого орудия, установленного на толстых деревянных подкладках, и наблюдал, как двое плотников укрепляют поперечную балку.

— Не туда гвоздь бьёшь, — сказал он.

Молодой плотник остановился.

— А куда?

Мирон подошёл ближе и показал место, где железная скоба должна была охватывать дерево.

— Сюда. Коли сани на ухабе поведёт, эта балка всю тяжесть примет.

Плотник принялся переделывать соединение. Мирон не торопил. Он хорошо знал, как дорого обходится спешка при подготовке тяжёлого наряда. Пушка могла выдержать сильнейший выстрел и остаться невредимой, но стоило плохо закрепить её на санях, как при первом крутом спуске многопудовая тяжесть ломала дерево, рвала верёвки и калечила людей.

Мастер служил при государевых орудиях много лет. Он участвовал в походах ещё при Василии Третьем, видел осады, знал, как трудно вести артиллерию по лесным дорогам и через реки. Теперь ему поручили наблюдать за несколькими большими пищалями, предназначенными для предстоящего похода на Казань. Рядом работал его молодой помощник Игнат.

Парню недавно исполнилось двадцать лет. Он происходил из семьи московского ремесленника, с детства привык к тяжёлой работе и несколько лет назад поступил в пушкарское дело. В стрельбе Игнат был ещё неопытен, зато обладал хорошей памятью и быстро учился обращаться с инструментами. Сейчас он проверял верёвки. Каждую приходилось расправлять, осматривать на изломах, затем снова свивать и укладывать. Сырость портила волокна, а некоторые связки пролежали под дождём слишком долго.

— Эту отложи, — велел Мирон.

Игнат поднял голову.

— Почему?

— В середине гнилая.

— Снаружи крепкая.

— Вот внутри и посмотри.

Молодой человек развернул верёвку. Несколько волокон действительно оказались почерневшими. Он попытался разорвать их пальцами, и те легко отделились. Игнат смутился.

— Не заметил.

— Коли бы заметил, я бы не говорил.

Мирон взял другую связку и принялся проверять её сам. Вокруг продолжалась работа. Плотники строгали дерево, кузнецы подгоняли железные крепления, конюхи осматривали упряжь. Возле ворот стояли несколько повозок с мешками зерна и бочками припасов. Люди

спорили о том, сколько груза можно положить на одни сани, чтобы не надорвать лошадей. Всё было рассчитано на крепкую зимнюю дорогу.

Но настоящей зимы пока не было. Днём колёса вязли в грязи. Ночью земля схватывалась морозом, а утром снова оттаивала. Временами шёл дождь, превращавший городские дворы в болото. Мирон смотрел на небо всё чаще. Он не любил обсуждать погоду. Слишком много людей считали себя способными предсказать мороз по направлению ветра или поведению птиц. Но теперь даже старые возчики, обычно уверенно рассуждавшие о зимнем пути, признавались, что ничего не понимают.

Игнат подошёл к мастеру.

— А если снег не ляжет?

— Ляжет.

— Когда?

Мирон поправил рукав.

— Когда выпадет.

Молодой пушкарь усмехнулся.

— Так ведь поход назначен.

— Поход назначен, а снегу никто не приказывал.

Игнат снова взялся за верёвки. Он ещё не знал, насколько важными окажутся слова старого мастера.

В царском дворце приготовления к походу начались раньше, чем Иван объявил о своём окончательном решении. Из пограничных городов поступали известия о положении на востоке. Казанский хан Сафа-Гирей продолжал удерживать власть, отношения с Москвой оставались враждебными. В Казани существовали разные группировки знати: одни стремились сохранить прежние связи с Крымом, другие допускали возможность нового соглашения с русским государем. Но ни одна из сторон не располагала достаточной силой, чтобы надолго прекратить борьбу.

В Москве внимательно следили за происходящим. Военные набеги, захват людей в плен, разорение пограничных селений и опасность для волжской торговли уже много лет определяли отношения между двумя государствами. Иван помнил рассказы о татарских нападениях ещё с детства. Теперь ему предстояло принимать решения самому. На большом совещании бояр и воевод обсуждали устройство будущей кампании.

Князь Дмитрий Фёдорович Бельский говорил о необходимости собрать достаточную рать, обеспечить её артиллерией и заранее определить, где должны соединиться отдельные полки. Особое значение имел поход Шах-Али, бывшего казанского хана, находившегося на московской службе. Его татарские отряды должны были действовать совместно с русскими силами. Иван слушал внимательно. Перед ним лежала роспись полков, подготовленная государевыми дьяками. В ней перечислялись воеводы, места сбора и направления движения.

— Из Владимира когда выступить сможем? — спросил царь.

Бельский назвал предполагаемый срок.

— А наряд?

Один из воевод, отвечавших за артиллерию, объяснил, что большие орудия ещё готовят к дороге.

— Сколько осталось?

— Крепления проверить, государь. И коней недостаёт.

— Откуда взять?

Назвали несколько мест, где можно было собрать необходимое количество тягловых животных. Иван посмотрел на список.

— Почему прежде не приготовили?

Бельский осторожно вмешался:

— Готовили, государь. Только дороги нынче не зимние.

— Морозы придут.

— Придут. Да когда — неведомо.

Молодому царю не понравилась неопределённость. Он хотел идти на Казань не с небольшим отрядом, способным лишь потревожить противника, а с большой ратью, которая могла бы добиться настоящего результата. Для этого требовались артиллерия, запас продовольствия, надёжное снабжение и согласованное движение всех полков. За каждым требованием о пушках или зерне следовал новый срок доставки. Иван перечитывал распоряжения и всё чаще требовал не обещания, а числа уже приготовленных возов.

То недоставало лошадей. То выяснялось, что часть припасов доставлена не туда. То воеводы спорили о порядке движения полков. То поступали сведения о непроходимой дороге. Царь всё чаще возвращался к одному вопросу: не превращается ли осторожность его советников в нежелание начинать поход? После совещания он задержал Бельского.

— Дмитрий Фёдорович, ты сам идти хочешь?

Князь удивился.

— Государь, служба моя.

— Я не про службу спрашиваю.

Бельский смотрел на молодого царя.

— Казанское дело надобно решать. Только рать должна дойти туда, куда её ведут.

— Дойдёт.

— Дай Бог.

Иван нахмурился.

— Ты всё о дороге.

— Потому что по ней прежде войска идти надобно, а потом уже с неприятелем биться.

Царь хотел возразить, но сдержался. Он знал Бельского как опытного воеводу и не сомневался в его верности. Однако подобные ответы раздражали. Ивану казалось, что старшие постоянно напоминают о препятствиях, словно опасаются его молодости больше, чем самого неприятеля. Бельский поклонился и вышел. Царь остался возле стола.

На разложенной росписи всё выглядело достаточно ясно. Полки должны были двигаться определёнными дорогами, соединиться в назначенных местах, получить припасы и продолжить путь. Труднее всего оказалось добиться, чтобы каждый человек, каждая лошадь и каждое орудие действительно оказались там, где значились на бумаге.

Анастасия узнала об окончательном решении мужа выступить в поход от него самого. Иван пришёл к ней вечером. Она занималась разбором зимней одежды, предназначенной для дворцовых служительниц. После пожаров часть вещей пришлось заменить, а некоторые ткани ещё сохраняли запах дыма, несмотря на многократную стирку. Царица сидела возле большого сундука. На столе лежали меховые рукавицы, несколько тёплых покрывал и новая шерстяная ткань.

Увидев мужа, она поднялась.

— Ужинать будешь?

— Позднее.

Иван снял верхний кафтан и сел возле печи. Наблюдал, как жена разбирает одежду. Затем сообщил, что скоро отправится на восток. Анастасия перестала складывать ткань.

— Надолго?

— Как дело пойдёт.

— А куда?

— На Казань.

Она села напротив. Известие не было неожиданным. О предстоящем походе говорили уже несколько недель. Но до этого Анастасия не знала, намерен ли Иван лично возглавить войско.

— Ты сам поедешь?

— Сам.

Царица опустила руки на колени. Она помнила, как тревожилась летом, когда Иван хотел ехать к горящей Москве. Теперь опасность казалась иной. Между Москвой и Казанью лежали большие расстояния, множество рек, лесов и незнакомых дорог. Предстояла настоящая война.

— А войско готово? — спросила она.

Иван усмехнулся.

— Все спрашивают одно.

— Потому что важное.

Он рассказал о задержке артиллерии, о тягловых лошадях и неустойчивой погоде. Анастасия слушала. Затем спросила:

— Тёплые вещи у тебя приготовлены?

Иван поднял голову.

— Приготовлены.

— Покажи потом.

— Зачем?

— Чтобы знать, что не забудут.

Он улыбнулся.

— Там люди есть, которые этим занимаются.

— Знаю. Только у них много другого.

Она вернулась к сундуку. Иван наблюдал за ней. Ему хотелось, чтобы жена сказала что-нибудь о самом походе. Возможно, попросила остаться или, наоборот, уверила, что он непременно добьётся успеха. Но Анастасия не стала произносить ни того ни другого. Вместо этого она принялась проверять меховую опушку дорожного кафтана, лежавшего отдельно.

— Этот возьмёшь?

— Возьму.

— Здесь шов слабый.

Она показала место возле воротника. Иван посмотрел.

— Починят.

— Починю.

Он усмехнулся.

— Ты царица, а всё шьёшь сама.

Анастасия подняла голову.

— Не всё. Только что умею.

Она продолжила работу. Позднее Иван рассказал о маршруте, о сборе войска во Владимире, о назначенных воеводах. Жена внимательно слушала, хотя не все названия мест были ей знакомы. Когда он закончил, она спросила:

— Письма присылать будешь?

— Буду.

— Не только когда дело окончится.

Иван кивнул. Он ещё не представлял, насколько трудно окажется поддерживать постоянную связь с Москвой во время зимнего похода.

В декабре государь покинул столицу. Вместе с ним отправились придворные, служилые люди и часть военного сопровождения. Основные полки собирались во Владимире и других назначенных местах. Артиллерийский наряд двигался значительно медленнее. Путь до Владимира оказался тяжелее, чем ожидали. Снега было мало. В низинах стояла вода. На лесных

дорогах грязь доходила лошадям почти до колен. Там, где ночью подмораживало, колёса и полозья скользили по неровной корке льда. Утром она разрушалась, и обоз снова вяз.

На одном из участков тяжёлые сани с пушкой остановились посреди размытой дороги. Лошади натянули постромки, но не смогли сдвинуть груз. Передние полозья ушли в глубокую колею. Несколько работников попытались подложить под них доски, однако дерево сразу погрузилось в грязь. Мирон подошёл к возчикам.

— Останавливай коней.

— Так и стоим, — сердито ответил старший.

— Не рви упряжь.

Возчик махнул рукой.

— А что делать?

Мирон осмотрел дорогу. С одной стороны поднимался невысокий склон, покрытый редким лесом. С другой тянулась низина. Объехать препятствие было почти невозможно.

— Разгружать придётся.

Игнат посмотрел на пушку.

— Как разгружать?

— Не её. Что вокруг лежит.

С саней сняли запасное дерево, инструменты, несколько тяжёлых связок железа. Затем подвели дополнительных лошадей и принялись осторожно вытягивать груз. Работа заняла несколько часов. Один из коней поскользнулся и упал. Животное долго не могло подняться, пока люди не ослабили упряжь и не расчистили место под копытами. Возчик выругался, ударил ладонью по саням, но опустил руку, едва взглянул на повалившуюся лошадь: без неё тяжёлый груз останется посреди дороги.

К вечеру пушку всё-таки удалось вытащить. Однако впереди оставалось ещё много таких участков. Игнат шёл рядом с санями, усталый, мокрый, с заледеневшими краями рукавов.

— Вот тебе и зимняя дорога, — сказал он.

Мирон не ответил. Он внимательно слушал скрип полозьев. После долгой остановки одно из креплений ослабло. При каждом толчке тяжёлая пушка немного смещалась. Мастер велел остановить сани ещё раз. Возчики заговорили сердито. Уже темнело, до ближайшего места ночлега оставалось несколько вёрст.

Но Мирон настоял на проверке. Когда сняли верхнюю верёвку, обнаружили надломленную деревянную поперечину. Игнат посмотрел на мастера.

— Ещё немного — и сломалась бы.

Мирон кивнул.

— Вот потому и смотрим.

Ночевать пришлось возле небольшой деревни. Местные жители помогли поставить лошадей под навесы, принесли воду и предложили горячую пищу. Взамен ратники расплатились частью имевшихся денег и припасов. Однако не всё обошлось без споров. Один из служилых людей потребовал больше сена, чем хозяин мог дать, и пригрозил пожаловаться старшему. Старик, владевший двором, рассердился.

— У меня свои кони стоят. Коли весь корм отдам, чем их до весны держать?

Служилый человек велел ему не спорить. Мирон вмешался.

— Сколько сена есть?

Хозяин назвал количество. Мастер быстро прикинул расход.

— Половину возьмём. Остальное пусть у него останется.

— А нам хватит? — спросил служилый.

— На ночь хватит. Завтра другое место искать будем.

Человек недовольно отвернулся. Игнат помог перенести корм. Позднее, сидя у печи в тесной избе, он слушал разговор хозяина с женой. Старики жаловались на необычную зиму.

Озимые посевы оставались без достаточного снежного покрова, дров уходило много, а на дорогах постоянно появлялись новые обозы, требовавшие кормов и ночлега. Игнат раньше почти не задумывался, что означает для деревни проход большого войска.

Теперь он увидел: ещё до встречи с неприятелем поход меняет жизнь людей, мимо домов которых движутся полки.

Во Владимир Иван прибыл в декабре. Город встретил его обычными почестями. Но за торжественным порядком скрывалась напряжённая работа. Воеводы проверяли полковые росписи, дьяки сверяли списки служилых людей, конюхи разыскивали недостающих лошадей. На дворах размещали прибывшие отряды. Хлеб, овёс и сено расходились быстрее, чем предполагали первоначальные расчёты.

Особенно тревожили известия об артиллерии. Большой наряд отставал. Иван несколько раз требовал объяснить причину. Ему докладывали о размытых дорогах, задержках при переправах, падеже лошадей, повреждении саней. Одни сведения поступали своевременно, другие запаздывали. Иногда орудие, которое по последней записи уже должно было находиться возле города, всё ещё стояло за несколько переходов от него.

В один из дней царь велел привести человека, только что прибывшего с артиллерийским обозом. Это оказался Игнат. Он не ожидал, что его вызовут к государю. Старший распорядитель объяснил, что требуется подтвердить сведения о состоянии дороги и причине задержки нескольких орудий. Молодой пушкарь вошёл в палату, поклонился и остановился у двери. Иван сидел за столом. Рядом находились два воеводы и дьяк.

— Ты с нарядом шёл? — спросил царь.

— Шёл, государь.

— Где пушки оставили?

Игнат назвал место.

— Почему дальше не привели?

Молодой человек почувствовал, как пересохло во рту.

— Дорога плохая.

— Это я уже слышал. Чем плохая?

Игнат начал объяснять. Сначала говорил неуверенно, затем подробнее рассказал о размытой колее, сломанных полозьях, лошадях, которых приходилось менять, и тяжёлых креплениях, повреждавшихся на ухабах. Иван слушал.

— А по другой дороге нельзя?

— Пробовали искать. Там низина, государь. Сани глубже сядут.

— Мороз будет — пройдут.

— Коли мороз будет крепкий, пройдут.

Царь поднял голову. Ответ прозвучал почти как возражение. Игнат испугался.

— Я не спорю, государь. Только мастер наш велел сказать, как есть.

— Как зовут мастера?

— Мирон Степанович.

Иван велел записать имя. Затем спросил, сколько орудий можно доставить в ближайшие дни. Игнат назвал то, что знал, и честно признался, что за остальные не отвечает. Царю это понравилось больше, чем уверенные обещания некоторых служителей. Он отпустил пушкаря и велел ускорить подготовку дороги, где это возможно, не повреждая самих орудий. Игнат вышел с облегчением.

На дворе его ожидал Мирон.

— Что говорил?

Молодой человек пересказал разговор. Старый мастер усмехнулся.

— И правильно. Нечего обещать за всю артиллерию.

— Царь сердился.

— Было бы отчего радоваться.

Мирон поправил пояс.

— Пойдём. Нам ещё сани смотреть.

Игнат последовал за ним. Он впервые увидел государя так близко. Иван оказался моложе, чем представлялось по торжественным изображениям и рассказам. На лице ещё сохранялись юношеские черты, но в движениях чувствовалась привычка требовать немедленного ответа. Игнат не знал, понравился ли царю его доклад. Гораздо важнее было другое: до Владимира удалось довести лишь часть работы, а путь предстоял ещё долгий.

Восьмого января 1548 года государь выступил из Владимира в направлении Нижнего Новгорода. Большая рать двигалась несколькими путями. Полки должны были соединяться в назначенных местах. Часть воевод направлялась через Муром, другие силы шли с царём. Отдельно двигались татарские отряды Шах-Али. Порядок движения неоднократно приходилось изменять.

Там, где предполагали найти крепкую зимнюю дорогу, стояла вода. На некоторых участках снег исчезал почти полностью. В лесах сохранялись обледеневшие тропы, но открытые места превращались в грязь. Лошадей берегли. Если конь начинал хромать, его старались заменить прежде, чем животное окончательно выбьется из сил. Однако запасных было недостаточно. Некоторые служилые люди вели с собой по нескольку лошадей, другие с трудом могли обеспечить кормом одну.

Возчики постоянно жаловались на нехватку овса. Воеводы требовали продолжать движение. На дневных остановках разжигали костры, сушили одежду, проверяли оружие. Люди спали тесно, часто прямо возле припасов, укрываясь всем, что удавалось найти. Промокшие сапоги за ночь не высыхали. Утром приходилось снова надевать холодную кожу.

В одном из отрядов заболел молодой служилый человек. Его звали Пахом Лунёв. Он происходил из небогатой семьи, имевшей небольшой поместный надел неподалёку от Мурома. На службу Пахом вышел впервые с собственной лошадью и оружием, приобретённым отцом после нескольких лет хозяйственной экономии. Первые дни похода он старался держаться бодро. Помогал старшим товарищам, не жаловался на холод и охотно участвовал в общих работах.

Но после нескольких ночёвок в сырой одежде у него начался жар. Сначала Пахом скрывал болезнь. Он опасался, что его оставят в чужом городе, а затем запишут как человека, не выдержавшего службы. На очередном переходе молодой всадник едва удержался в седле. Сосед по ряду, немолодой служилый человек по имени Тихон, заметил это и приблизился.

— Ты чего белый такой?

— Ничего.

— Руку дай.

Пахом попытался отмахнуться, но Тихон взял его за запястье. Кожа была горячей.

— Слезай.

— Не надо.

— Слезай, говорю.

Тихон помог ему спуститься на землю. Пахом пошатнулся. Несколько человек остановились. Старший над отрядом сначала рассердился: из-за одного больного задерживалось движение. Но, увидев состояние юноши, велел посадить его на повозку с припасами. Там уже лежали двое заболевших.

Пахом устроился между мешками и закрыл глаза. Ему было стыдно. Он слышал, как другие продолжали путь верхом, и представлял, что отец скажет, когда узнает о его болезни. Тихон подошёл к повозке.

— Коня твоего поведу.

Пахом попытался возразить.

— Я сам...

— Не сам. Лежи.

Старший служилый человек взял повод. Ему тоже было трудно. Собственная лошадь шла устало, а теперь приходилось вести ещё одну. Но бросить Пахома он не мог. Вечером больного оставили под присмотром людей, которым поручили заботу об отставших. Тихон передал им небольшую сумму денег и попросил, если юноша оправится, помочь ему добраться до следующего места сбора.

Затем вернулся к своему отряду. Наутро выяснилось, что часть людей уже ушла дальше. Тихону пришлось догонять полк, ведя двух лошадей. Он ругался всю дорогу, но повод Пахомовой кобылы из руки не выпускал.

Двадцать шестого января Иван прибыл в Нижний Новгород. Город стоял над великими реками, и царь хорошо видел, насколько необычной оказалась зима. Волга была покрыта льдом, но возле берегов появлялись тёмные полосы воды. На поверхности лежал мокрый снег, местами образовались лужи. Там, где по реке ездили местные жители, движение продолжалось, однако тяжёлые грузы требовали особой осторожности.

Нижегородские люди рассказывали, что подобную погоду помнят не всякую зиму. Мороз приходил на несколько дней, затем снова теплело. Лёд успевал схватиться, но не везде становился достаточно толстым. В городе готовили дальнейшее движение. Пушкарские мастера проверяли наряд. Возчики чинили сани. Воеводы осматривали пути, расспрашивали местных проводников и составляли новые распоряжения.

Иван несколько раз выезжал смотреть приготовления. Его особенно интересовали большие пушки. Возле одного орудия он увидел Мирона Степановича и Игната. Мастер проверял железные крепления, которыми тяжёлый ствол удерживался на санях. Молодой помощник стоял с инструментами. Царь остановился.

— Это твой мастер? — спросил он Игната.

Пушкарь сразу узнал государя.

— Он самый.

Мирон поклонился. Иван приблизился к орудию. Большая пушка лежала на толстых деревянных брусьях. Полозья были усилены железом. С боков находились дополнительные крепления, предназначенные удерживать тяжесть при неровном движении.

— Крепко поставили? — спросил царь.

— Крепко, государь.

— По льду пойдёт?

Мирон посмотрел на него.

— Коли лёд выдержит.

Иван нахмурился.

— А как узнать?

Мастер объяснил, что необходимо осматривать дорогу, проверять толщину льда в опасных местах, вести тяжёлые сани отдельно и не позволять нескольким большим грузам двигаться слишком близко друг к другу.

— Так и сделайте.

— Сделаем.

Царь обошёл орудие.

— А если лёд треснет?

Мирон не сразу ответил.

— Тогда прежде людей спасать надобно.

Иван повернулся.

— А пушку?

— Коли можно, и пушку.

Иван положил ладонь на холодный металл. Изготовленное в Москве орудие прошло сотни вёрст; теперь несколько слабых полозьев могли лишить войско того, ради чего столько людей тащили его через грязь и снег.

— Не потеряйте, — сказал Иван.

Мирон поклонился. После ухода государя Игнат молчал. Затем спросил:

— А коли всё-таки провалится?

Мирон осмотрел верёвку.

— Тогда посмотрим, кто рядом живой останется.

Молодой пушкарь не нашёл ответа. Он начал понимать, что даже самая тщательная подготовка не исключает опасности.

Вечером того же дня Иван принимал воевод. Разговор касался дальнейшего движения к Казани. Бельский докладывал о положении полков. Из Мещеры шли силы Шах-Али, которым предстояло соединиться с русской ратью на назначенном направлении. Отдельные воеводы уже получили новые распоряжения. Но тяжёлый наряд оставался главным затруднением.

Один из присутствовавших предложил подождать более крепкого мороза. Другой возразил, что продолжительная задержка истощит запасы и даст противнику время подготовиться. Иван выслушал обе стороны.

— Сколько ещё ждать можно? — спросил он.

Ответить оказалось трудно. Мороз могли принести ближайшие ночи. А могли снова начаться оттепели.

— Мы не можем всю зиму в Нижнем стоять, — сказал царь.

Бельский согласился.

— Не можем, государь.

— Так пойдём.

Воеводы начали обсуждать порядок движения. Решили использовать волжский путь для тяжёлых грузов, а где возможно — вести часть конницы береговыми дорогами. Местных проводников обязали проверять опасные участки. Иван требовал, чтобы полки не расходились слишком далеко друг от друга. Однако Бельский объяснил, что при движении большой рати неизбежно возникнут промежутки между отдельными отрядами. Если заставить всех идти одной дорогой, сани и повозки будут задерживать конницу, а людям не хватит места для ночлега.

Царь выслушал. Он уже не спорил с каждым замечанием. За последние недели стало ясно, что военные распоряжения нельзя отдавать, не принимая во внимание возможности их исполнения. Но внутренне Иван всё ещё надеялся, что с выходом из Нижнего Новгорода главные трудности останутся позади.

Второго февраля войско начало движение вниз по Волге. Утро выдалось холоднее предыдущего. Ночью поверхность реки немного схватило морозом. Ветер дул с востока, и люди говорили, что погода наконец исправляется. Первые сани прошли благополучно. Проводники двигались впереди, проверяя опасные места. За ними следовали возчики с лёгкими грузами. Тяжёлый наряд выпускали постепенно, оставляя между орудиями достаточные промежутки.

По обе стороны реки поднимались заснеженные берега. На склонах виднелись тёмные деревья. Иногда встречались деревни, откуда выходили жители посмотреть на огромное войско. Игнат шёл возле саней с большой пушкой. Мирон находился впереди, рядом со старшим возчиком. Он внимательно следил за льдом.

На первый взгляд дорога казалась надёжной. Поверхность была ровной, лишь местами покрытой мокрым снегом. Но в некоторых местах проступала вода, и приходилось обходить тёмные участки. Лошади двигались осторожно. Сани скрипели. Несколько раз останавливались, чтобы поправить упряжь.

К вечеру достигли места ночлега возле Ельни. Люди были утомлены, но настроение оставалось сравнительно хорошим. Первый переход по реке оказался трудным, однако наряд удалось провести. Мирон осмотрел крепления и велел укрыть часть инструментов. Игнат помог поставить лошадей, затем подошёл к берегу. Вдали над рекой темнело небо. Ветер ослабел. Воздух стал необычно влажным.

Молодой пушкарь поднял лицо. На щёку упала капля. Он подумал, что с дерева сорвалась растаявшая снежинка. Но через несколько мгновений упала другая. Игнат посмотрел на небо. Начинался дождь.

Ночью стало теплее. Сначала мокрый снег тихо шуршал по крышам временных укрытий. Затем он сменился дождём. Вода стекала с пологов, проникала в одежду, собиралась в углублениях льда. К рассвету поверхность Волги потемнела. Возчики выходили к саням, проверяли упряжь, пытались очистить полозья. Лошади стояли с опущенными головами. Мокрая шерсть на их боках слиплась.

Мирон почти не спал. Ещё ночью он несколько раз ходил к реке, прислушивался к звукам льда и проверял, не появилась ли вода возле тяжёлых саней. Теперь его опасения усилились.

— Надо с берега идти, — сказал он старшему возчику.

Тот покачал головой.

— Там лес и овраги. Пушку не проведём.

— Здесь хуже будет.

— Может, к полудню подморозит.

Мирон посмотрел на небо. С востока тянулись низкие серые облака. Вскоре поступило распоряжение продолжать движение с особой осторожностью. Люди начали выводить лошадей. Игнат помогал закрепить верёвки. Он заметил, что вода уже покрыла часть льда возле саней.

— Мастер, — позвал он.

Мирон подошёл. Молодой пушкарь показал на тёмную полосу. Старик присел, осмотрел поверхность и осторожно ударил по ней деревянным шестом. Лёд выдержал. Но под прозрачным верхним слоем виднелись многочисленные трещины.

— Не нравится мне это, — сказал Мирон.

Он велел двигаться медленно. Впереди уже шли другие сани. Лошади ступали осторожно, иногда скользили. Люди старались держаться ближе к берегу, но не везде это было возможно. К полудню дождь усилился. По льду потекла вода.

Тяжёлые полозья оставляли за собой тёмные полосы. В некоторых местах снег исчез полностью, и под ногами открывалась гладкая, скользкая поверхность. Мирон велел Игнату идти немного в стороне от саней.

— Не подходи близко.

— А верёвки?

— Коли понадобится, позову.

Молодой человек послушался. Через некоторое время впереди раздался крик. Один из возчиков остановил лошадей. Сани с грузом неожиданно накренились. Передний полоз ушёл в небольшую трещину, которая быстро расширялась под тяжестью дерева и железа. Люди бросились к повозке.

— Коней отводи!

Возчик попытался освободить упряжь. Лошади забеспокоились, одна рванулась вперёд. Сани наклонились сильнее. Раздался сухой треск. Игнат остановился. Он видел, как под тяжёлым грузом лёд ломается не сразу, а постепенно, словно огромное деревянное сооружение медленно проваливается в скрытую яму. Затем вода внезапно хлынула через трещину.

Люди закричали. Двое успели отскочить. Третий поскользнулся и упал. Мирон бросился вперёд.

— Назад! От саней!

Но возчик всё ещё пытался освободить последнюю лошадь. Животное билось, натягивая постромки. Передние ноги уже оказались в воде. Игнат увидел, что возчик не успевает. Он схватил лежавший рядом топор и бросился к упряжи. Мирон закричал ему что-то вслед.

Молодой пушкарь не расслышал. Он ударил по натянутому ремню. Лезвие скользнуло. Со второго удара ремень поддался. Лошадь рванулась. Игнат отступил, но нога попала в воду. Лёд под ним обломился, и он провалился по пояс.

Холод ударил так сильно, что молодой человек на мгновение потерял способность двигаться. Он попытался выбраться, но мокрая одежда тянула вниз. Возчик схватил его за рукав. Мирон подбежал с длинным шестом.

— Держись!

Игнат вцепился в дерево. Его вытащили на более крепкий лёд. Тем временем тяжёлые сани окончательно разрушили край полыньи. Груз ушёл в воду. Несколько деревянных частей ещё некоторое время держались на поверхности, затем исчезли. Лошадь удалось вывести к берегу.

Но одного из работников не досчитались. Люди несколько минут искали его возле полыньи. Звали по имени, пытались заглянуть под ледяные обломки, опускали шесты в воду. Ответа не было. Мирон стоял рядом, тяжело дыша. Он знал погибшего. Человек служил возчиком уже несколько лет, имел жену и двух детей неподалёку от Владимира. Ещё вчера вечером рассказывал о том, что младший сын научился ходить и теперь не даёт матери покоя.

Старый мастер осторожно снял шапку. Но долго оставаться возле полыньи было опасно. Лёд продолжал трескаться. Мирон велел людям отходить.

У кромки пролома Мирон приказал Игнату отрезать оборванный постромок от вмерзшей в лёд повозки. Игнат замешкался: ремень был цел почти до самой пряжки и ещё мог пригодиться. Внизу слышалось тяжёлое дыхание лошади, выбившейся из сил. Мирон сам взял нож.

— Постромок потом сошьёшь. Коня сейчас вытянуть надо.

Он перерезал натянутую кожу, и несколько человек вместе потянули животное за петлю, закреплённую выше груди. Лошадь скользила, падала на колени, но наконец выбралась на настил. Игнат стоял рядом, сжимая обрезок ремня. Он хотел сохранить имущество, за которое пришлось бы отвечать перед начальником, и едва не потерял животное. Когда Мирон велел записать повреждённую упряжь, юноша неожиданно сам назвал её своей ошибкой. Вечером он долго сушил обрезки возле огня, пытаясь понять, как из них сделать новый постромок.

Потери не ограничились одними санями. В разных местах реки происходило почти то же самое. Где-то проваливалась повозка с припасами. Где-то под лёд уходили тяжёлые пищали. Люди пытались вытягивать грузы верёвками, подводили лошадей, подкладывали доски. Иногда удавалось спасти имущество. Но нередко приходилось выбирать между железом и человеческой жизнью.

Особенно опасными оказались полыньи, скрытые под водой. Поверхность Волги выглядела почти ровной. Вода заполняла трещины, и человек не всегда мог определить, где под ногами крепкий лёд, а где открылась глубокая промоина. Несколько ратников погибли, пытаясь перейти такие участки. Других успели вытащить, но мокрая одежда быстро превращалась в тяжёлую ледяную оболочку. Людей уводили к берегу, растирали, согревали возле костров, снимали с них промокшие кафтаны и сапоги.

Игната доставили к ближайшему укрытию. Он сильно дрожал. Пальцы почти не слушались, губы посинели. Мирон помог снять с него мокрую одежду и укрыл несколькими тёплыми вещами. Возчик принёс горячей воды.

— Пей понемногу, — сказал старик.

Игнат попытался взять сосуд, но руки дрожали настолько, что он едва не пролил всё содержимое. Мирон поддержал его.

— Зачем полез?

Молодой пушкарь долго не мог ответить. Наконец произнёс:

— Конь...

— Видел я коня.

— Утонул бы.

Мирон посмотрел на него.

— А ты?

Игнат опустил голову. Старик не стал продолжать. Он понимал, что молодой человек действовал почти не рассуждая. В такой опасности иногда невозможно заранее решить, какое движение окажется правильным. Но Мирон слишком хорошо знал цену подобной смелости. У огня лежал ещё один спасённый работник. Ему повредило ногу, когда сани накренились и тяжёлое дерево ударило по голени. Мужчина стонал, пытаясь найти удобное положение.

Несколько человек возились возле него. Вокруг стоял запах мокрой шерсти, дыма и горячей древесины. Игнат закрыл глаза. Он слышал, как Мирон разговаривает с возчиками, выясняя, какие грузы удалось спасти. Одна большая пушка исчезла под водой. Другая стояла на повреждённых санях. Её ещё можно было вывести на берег, если лёд выдержит.

Мирон велел оставить молодых людей у огня и снова отправился к реке. Работа продолжалась до темноты.

Иван узнал о бедствии, когда находился возле стоянки своего сопровождения. Первый гонец сообщил о повреждённых санях. Второй — о нескольких утонувших орудиях. Затем пришли вести о погибших людях. Царь сначала не поверил, что потери столь велики. Он потребовал привести старших над артиллерией.

Воеводы объяснили, что река стала опасной на большом протяжении. Продолжать движение тяжёлого наряда без новых морозов невозможно. Иван вышел из помещения. Снаружи шёл дождь. Перед ним лежал широкий волжский простор, почти лишённый снега. На поверхности реки темнели лужи. Вдали виднелись неподвижные сани и небольшие группы людей, осторожно двигавшихся к берегу.

Царь долго смотрел. Он представлял этот путь иначе. Зимой Волга должна была стать удобной дорогой, по которой можно было перевезти тяжёлые орудия к Казани. Теперь сама река превращалась в препятствие.

— Сколько пушек потеряли? — спросил он.

Ему назвали предварительное число.

— А людей?

Точного ответа не было. Некоторых ещё разыскивали. Других увели к берегу, но сведения о них не успели поступить. Иван почувствовал, как поднимается гнев.

— Почему раньше не остановили?

Один из воевод объяснил, что накануне лёд держал тяжёлые сани, а утром опасность не казалась столь великой.

— Разве не видели воду?

— Видели, государь. Но не везде лёд был слаб.

— Так зачем повели?

Воевода не ответил. Иван понял, что тот может сослаться на распоряжение продолжать поход. Это раздражало ещё сильнее. Царь резко отвернулся. Он хотел найти виновного. Человека, чья небрежность объяснила бы гибель пушек и людей. Но чем подробнее слушал доклады, тем яснее становилось, что отдельные ошибки не могут объяснить всё произошедшее.

Морозы действительно были слабыми. Дороги действительно размокали. Лёд действительно разрушался под тяжёлыми грузами. При этом некоторые возчики нарушали указания, слишком близко подводили сани друг к другу, пытались срезать путь. Были и такие, кто проявил настоящую осторожность, но всё равно потерял груз. Иван вернулся в помещение.

Он велел принести карту и полковую роспись. На бумаге Волга оставалась широкой линией, соединявшей Нижний Новгород с землями Казанского ханства. Но теперь царь уже не воспринимал её как простую дорогу.

В течение следующих дней войско ожидало перемены погоды. Местность возле Работки стала местом вынужденной остановки. Люди старались устроиться на более надёжных участках берега. Разводили костры, сушили одежду, чинили повреждённые сани. Проводники осматривали лёд, но каждый новый дождь уничтожал надежду на быстрое продолжение движения. В некоторых местах вода прибывала.

Мирон вместе с другими мастерами пытался определить, какие орудия ещё можно спасти. Одно удалось вытянуть из опасного места. Для этого потребовались дополнительные верёвки, несколько лошадей и множество людей. Работали почти целый день. Когда тяжёлый ствол наконец оказался на берегу, все почувствовали облегчение, но сил радоваться уже не осталось. Другое орудие ушло глубже.

Мирон осмотрел полынью и понял, что достать его сейчас невозможно.

— До весны останется, — сказал он.

Игнат стоял рядом. Он уже оправился после падения в воду, но продолжал чувствовать боль в пояснице и сильную слабость. Мирон запрещал ему тяжёлую работу, поэтому молодой пушкарь занимался инструментами и помогал у костров.

— А весной найдём? — спросил он.

Старик посмотрел на реку.

— Может, и найдём.

— А достанем?

— Не знаю.

Игнат больше не спрашивал. Недалеко находилась семья местного рыбака, пришедшего посмотреть на стоянку войска. Мужчина знал реку с детства и несколько раз помогал искать безопасные проходы. Он слушал разговор пушкарей, затем произнёс:

— Волга много чего забирает.

Мирон повернулся.

— А возвращает?

Рыбак пожал плечами.

— Бывает.

Он указал на дальний берег.

— Там прошлой весной целую лодку вынесло. Хозяина не нашли, а лодку нашли.

Игнат невольно представил погибшего возчика. Тот тоже исчез под водой. Молодой человек не знал, найдут ли его тело, сможет ли кто-нибудь передать семье известие о смерти и кто теперь станет кормить детей. Он спросил Мирона:

— А жене его скажут?

Старик кивнул.

— Должны.

— Кто?

Мирон задумался.

— По службе известят.

Игнат вспомнил, сколько бумаг и записей составляли во время похода. Иногда из-за одной неверной строки задерживалась выдача корма или жалованья. Теперь от такой записи зависело, узнает ли женщина о судьбе мужа.

— Я имя его помню, — сказал он.

— И я помню.

— А вдруг запишут неправильно?

Мирон посмотрел на молодого помощника.

— Тогда сам скажешь.

Игнат кивнул. Позднее он разыскал человека, ведавшего учётом погибших и пропавших, и попросил проверить запись о возчике. В списке фамильное прозвание действительно было записано неверно. Молодой пушкарь настоял, чтобы его исправили. Ему показалось, что это слишком малое дело после пережитого бедствия. Но другого он сделать не мог.

Иван между тем всё чаще собирал воевод. Положение становилось тяжёлым. Большой наряд понёс потери. Оставшиеся орудия невозможно было быстро провести по льду. Запасы расходовались, люди болели, лошади слабели от плохого корма и тяжёлых переходов. Однако значительная часть войска сохраняла боеспособность.

Бельский предлагал продолжить движение теми силами, которые могли идти дальше, и соединиться с полками Шах-Али. При этом следовало учитывать, что без тяжёлой артиллерии возможности осады Казани будут существенно ограничены. Иван внимательно слушал.

— Значит, к городу дойти можем?

— Можем.

— А взять?

Бельский не стал обещать.

— Коли обстоятельства позволят, будем действовать. Только без наряда крепкую стену ломать трудно.

Царь провёл рукой по краю стола.

— Я сам пойду с полками.

Воеводы переглянулись. Один осторожно заметил, что дальнейшее движение государя по ненадёжной дороге увеличит риск для всей рати. Иван нахмурился.

— Ратные люди идут, а мне нельзя?

Бельский ответил спокойно:

— Государь, рать без тебя может исполнить назначенное. А коли с тобой беда случится, всем государством она обернётся.

Иван отвернулся. Ему не нравился подобный довод. С детства окружающие часто ссылались на его особое положение, чтобы ограничить самостоятельность. Теперь он был царём и командовал походом, но снова слышал, что обязан оставаться в стороне от опасности.

— Значит, я только в Москве сидеть должен? — спросил он.

— Нет, государь. Но здесь надобно решить, где твоё присутствие больше пользы принесёт.

Разговор затянулся. Одни воеводы полагали, что следует ждать укрепления льда. Другие считали, что дальнейшая задержка сделает положение ещё хуже. Третьи опасались, что без тяжёлых пушек поход не достигнет намеченной цели. Иван видел, что никто не предлагает простого решения. Он несколько раз выходил из помещения, чтобы посмотреть на реку.

Вода продолжала стоять поверх льда. Вечером пришёл новый доклад о потерях. Среди погибших оказалось несколько людей, служивших при артиллерийском наряде. Часть лошадей также погибла. Повреждённые сани приходилось разбирать на дерево, чтобы использовать его для ремонта других. Иван долго рассматривал список.

— Их семьи известны? — спросил он.

Дьяк ответил, что сведения собирают. Царь велел проверить имена и передать известия родственникам. Затем попросил оставить его с Бельским. Когда остальные вышли, Иван заговорил уже спокойнее:

— Дмитрий Фёдорович, коли я назад пойду, люди скажут, что испугался.

Князь не стал отрицать.

— Скажут, государь.

— И неприятель скажет.

— И неприятель.

Иван посмотрел на него.

— А ты что скажешь?

Бельский помедлил.

— Я скажу, что войско надобно сохранить и дело не бросать.

Молодой царь приблизился к столу.

— Но ты ведь сам пойдёшь?

— Пойду.

— Без больших пушек?

— С тем, что останется.

Иван долго молчал. Затем спросил:

— А коли под Казанью окажется, что взять её нельзя?

— Тогда будем смотреть по месту. Напрасно людей под стенами класть не станем.

Царь посмотрел на воеводу. Ему хотелось услышать обещание победы. Но Бельский не мог его дать.

— Ладно, — сказал Иван наконец. — Готовь полки.

Он ещё не объявил решения об окончательном возвращении, но впервые признал, что дальнейший поход без него возможен.

На следующий день Игнат снова увидел царя. Иван приехал осматривать повреждённый наряд. Вместе с ним находились воеводы и несколько служителей. Мирон показал спасённые орудия, объяснил, какие крепления необходимо заменить и какие грузы уже невозможно вернуть. Царь слушал. Затем заметил Игната.

— Ты ведь во Владимире был?

Молодой пушкарь поклонился.

— Был, государь.

— И здесь с санями шёл?

— Шёл.

Иван увидел перевязанную руку.

— Что с тобой?

Игнат рассказал о падении в воду. Царь спросил, удалось ли спасти груз.

— Нет, государь.

— А коня?

— Коня спасли.

Иван посмотрел на него внимательнее.

— Значит, за конём полез?

Игнат смутился.

— Он в упряжи запутался.

Мирон вмешался:

— Государь, Игнат ремень перерубил. Сам едва не утонул.

Царь молчал.

— Зачем рискнул?

Молодой пушкарь не сразу нашёл ответ. Он действительно не обдумывал поступок. Увидел животное, пытавшееся выбраться из воды, и бросился помогать.

— Жалко стало, — сказал он наконец.

Иван неожиданно спросил:

— А пушки не жалко?

Игнат побледнел.

— Жалко, государь.

— Так почему пушку не спасал?

Мирон уже собирался вступиться за помощника, но молодой человек ответил сам:

— Пушка железная. А конь живой.

Воеводы замолчали. Иван почувствовал раздражение. Ответ можно было принять за дерзость, хотя Игнат произнёс его без всякого намерения спорить с государем. Царь посмотрел на повреждённые сани, затем на спасённую лошадь, стоявшую неподалёку. Животное всё ещё хромало после происшествия. Иван вспомнил, сколько раз во время подготовки похода ему докладывали о цене коней, железа и пороха. В полковых росписях лошади значились числом. Пушки тоже.

Но человек, стоявший перед ним, видел в тонущем животном не казённое имущество.

— Как тебя зовут?

— Игнат, государь.

— А мастера?

— Мирон Степанович.

Иван повернулся к старому пушкарю.

— Береги людей. И оставшийся наряд.

Мирон поклонился. Царь направился дальше. Игнат стоял неподвижно. Когда государево сопровождение удалилось, он повернулся к мастеру.

— Я что, худо сказал?

Мирон усмехнулся.

— Сказал, как думал.

— Так ведь царь рассердился.

— Может, и рассердился.

Старый пушкарь взял инструмент.

— А теперь работай. Нам ещё верёвки сушить.

Десятого февраля Иван вернулся в Нижний Новгород. Решение далось ему тяжело. Он не отказался от похода целиком. Основные силы под начальством воевод продолжили движение к Казани. Им предстояло соединиться с татарскими отрядами Шах-Али и действовать по обстоятельствам. Но сам царь должен был возвращаться.

В Нижнем Новгороде его встретили без прежнего торжественного оживления. Люди уже слышали о бедствии на Волге. В городе говорили о погибших, утонувших пушках, тяжёлом положении войска. Одни считали случившееся наказанием за человеческую гордыню. Другие винили воевод, не пожелавших дождаться крепкого мороза. Третьи утверждали, будто государю следовало вовсе не выступать зимой.

Иван знал об этих разговорах. Они причиняли ему досаду, но не столько из-за насмешек, сколько из-за собственной беспомощности перед случившимся. Он несколько раз просил представить точные сведения о потерях. Списки оставались неполными. Некоторые люди отстали, другие находились в разных отрядах, третьи погибли там, где ещё не удалось собрать свидетельства. Даже число утраченных орудий приходилось уточнять.

Царь велел не прекращать проверку. Вечером пришёл гонец с новыми известиями о движении полков. Бельский продолжал поход. Иван внимательно выслушал доклад, задал несколько вопросов и отпустил посланного. Когда дверь закрылась, он подошёл к окну. За стенами города лежала Волга.

В одной из первых ведомостей Иван увидел имя человека, которого ещё недавно спрашивал о крепости переправы. Против имени не стояло ни отметки о гибели, ни записи о возвращении. Царь потребовал выяснить судьбу ратника прежде, чем переходить к другим донесениям. Посланный объяснил, что его могли оставить с обозом больных; другой утверждал, будто видел человека у проруби. Ни один не был уверен. Иван едва удержался, чтобы не назвать нерадивыми всех, кто отвечал за переправу. Но тогда пришлось бы обвинить и себя: он также торопил движение тяжёлого наряда. Царь велел продолжить поиски, а в ведомости не ставить

смерть вместо неизвестности. Имя оставили без окончательной отметки. Это не уменьшило тревоги о человеке и не сняло с государя его собственной доли решения.

Теперь он знал, какой опасной может оказаться река, если рассчитывать только на её зимний покров. В прежние годы ему рассказывали о великих походах отца и деда. В этих рассказах войска двигались по назначенным дорогам, воеводы исполняли приказы, а государственные решения приводили к победам или поражениям. Теперь Иван видел, сколько малых обстоятельств скрывается за подобными словами. Сломанная ось, промокшая верёвка, больная лошадь, неверно выбранный участок льда — каждая такая мелочь могла остановить движение огромного войска.

Он велел подать бумагу. Хотел составить распоряжение о дальнейшей доставке припасов и сохранении оставшегося наряда. Но прежде чем начать, попросил привести человека, ведавшего списками погибших. Ему требовалось знать, сколько семей останется без кормильцев после неудачного перехода. Ответа пока не было.

Полки Бельского продолжили движение на восток. Они шли тяжело, но сохраняли порядок. Силы Шах-Али двигались своим направлением. В назначенных местах войска соединялись, обменивались сведениями и продолжали наступление. К середине февраля русские и союзные отряды достигли района устья Цивиля. Дальнейший путь вёл к Казани.

Пахом Лунёв, оправившийся после болезни, снова находился при своём отряде. Тихон встретил его без особой радости.

— Живой?

— Живой.

— Так садись на коня.

Пахом улыбнулся. Его кобыла заметно похудела, но оставалась исправной. Тихон несколько недель заботился о ней, иногда ругая себя за дополнительную обузу. Теперь он с облегчением передал повод хозяину.

— Береги. Второй раз я её таскать не стану.

Пахом поблагодарил. Они продолжили путь вместе. Впереди двигались полки. На горизонте появлялись дымки поселений, лесные полосы, низкие холмы. Местные жители нередко уходили при приближении войска, уводя скот и забирая имущество. Некоторые селения стояли пустыми.

Пахом впервые оказался так далеко от дома. Он ожидал увидеть неприятеля почти сразу, но большую часть времени приходилось просто ехать, искать корм, устраиваться на ночлег и выполнять распоряжения старших. Однажды отряд подошёл к небольшому поселению, жители которого покинули дворы. Несколько служилых людей принялись искать припасы. В одной из изб обнаружили мешки зерна и домашнюю утварь. Пахом стоял возле двери.

Внутри находилась детская деревянная игрушка — маленькая лошадка с грубо вырезанной головой. Он поднял её. Дерево было гладким от долгого употребления. Тихон подошёл сзади.

— Что нашёл?

Пахом показал. Старший служилый человек посмотрел на игрушку.

— Оставь.

— Я и не собирался брать.

— Вот и положи.

Пахом вернул лошадку на место. В этот момент из соседнего помещения вышел один из ратников с мешком зерна. Тихон спросил, кому велено брать припасы. Человек сослался на распоряжение старшего. Тихон не стал спорить при всех, но позднее уточнил, действительно ли разрешено использовать найденное имущество. Войску требовалось продовольствие. При этом каждый подобный случай означал, что для хозяев, когда они вернутся, зима станет ещё тяжелее.

Пахом не произносил об этом длинных рассуждений. Он просто запомнил оставленную деревянную лошадку.

Под Казанью русские полки вступили в столкновение с ханскими силами. На Арском поле произошёл бой. Передовые отряды сумели потеснить противника, и часть казанских воинов отступила к городу. Пахом участвовал в движении полка, но почти не видел общего хода сражения. Ему запомнились отдельные мгновения. Как перед началом столкновения лошади начали беспокойно переступать с ноги на ногу. Как над строем поднялись копья. Как один из старших воинов проверил ремень на собственном щите. Как неожиданно громко прозвучал приказ двигаться вперёд.

Потом всё смешалось. Перед ним оказались всадники. Кто-то закричал. Пахом увидел человека в чужой одежде, пытавшегося развернуть лошадь. Рядом упал русский служилый. Пахом хотел помочь, но движение строя увлекло его дальше.

Он не мог понять, кто побеждает. Только позднее, когда отряд остановился, выяснилось, что неприятель отступил. Люди начали искать товарищей. Тихон вернулся с повреждённым щитом. На лице его была длинная царапина.

— Цел? — спросил он Пахома.

Тот кивнул.

— Конь?

— Цел.

— Хорошо.

Тихон присел на землю и принялся осматривать повреждённое снаряжение. Пахом всё ещё чувствовал сильное сердцебиение. Ему казалось, что после такого столкновения человек должен испытывать радость победы. Но вместо радости он ощущал усталость и странную пустоту. Недалеко лежал раненый служилый. Ему перевязывали руку.

Пахом узнал его. Это был молодой человек, с которым они несколько дней назад вместе искали корм для лошадей. Теперь тот с трудом сдерживал стоны. Пахом подошёл, принёс воды и помог поправить подстилку. Больше ничем помочь не мог.

Под стенами Казани войско простояло несколько дней. Город был хорошо укреплён. Даже после успешного столкновения в поле он оставался опасным противником. Для серьёзной осады требовались тяжёлые орудия, достаточные запасы пороха и возможность продолжительное время удерживать позиции. Всего этого у русской рати не хватало. Воеводы осматривали укрепления, обсуждали возможные действия. Однако положение становилось всё менее благоприятным.

Приближалась весенняя распутица. Дороги портились, кормов недоставало, люди уставали. После семидневного стояния у города было принято решение отходить. Пахом узнал об этом от старшего над отрядом. Сначала не поверил.

— Так ведь дошли.

Тихон поправлял седло.

— Дошли.

— И обратно?

— Обратно.

— А Казань?

Старший служилый человек посмотрел на городские стены, видневшиеся вдали.

— Стоит.

Пахом хотел возразить. Он вспомнил долгий путь, болезнь, погибших товарищей, холодные ночёвки, тяжёлое движение по размокшим дорогам. Получалось, что всё это не принесло той победы, ради которой они выступили из дома. Тихон понял его настроение.

— Коли стены крепкие, а ломать нечем, что делать станешь?

Пахом не ответил.

— Людей положишь?

Молодой человек отвернулся. Они начали готовиться к обратному пути. Позднее Пахом ещё раз увидел стены Казани. Город оставался на прежнем месте. Над ним поднимался дым. Где-то там жили люди, которые тоже пережили зиму, готовились к весне и, вероятно, радовались уходу неприятеля.

Пахом поправил повод. Его кобыла шагнула вслед за остальными.

Известие о возвращении воевод пришло к Ивану уже после его собственного отхода. Царь выслушал подробности. Русские полки дошли до Казани. В поле удалось потеснить ханские силы. Но город не был взят. Недостаток тяжёлой артиллерии и приближение весенней распутицы не позволили продолжить осаду.

Иван потребовал изложить обстоятельства письменно. Ему хотелось знать, сколько людей погибло, какие припасы израсходованы, что удалось сохранить и какие ошибки были допущены. Некоторые бояре предлагали считать поход полезным уже потому, что войско достигло Казани и показало силу русского государства. Другие осторожно говорили о необходимости более тщательной подготовки следующего военного предприятия. Иван слушал обе стороны. Ему не хотелось ни оправдывать неудачу, ни превращать её в причину бессмысленных наказаний.

Однажды в разговоре с Бельским он спросил:

— Коли бы наряд весь дошёл, взяли бы город?

Князь не стал отвечать сразу.

— Может, государь. Только город крепкий, и неприятель не слаб.

— Значит, и с пушками могли не взять?

— Могли.

Иван нахмурился.

— Ты никогда победы не обещаешь.

Бельский спокойно посмотрел на него.

— Победу обещать легче, чем добыть.

Царь ничего не ответил. Он вспомнил Волгу, трескавшийся лёд, мокрые сани, людей, пытавшихся спасти тяжёлые орудия. Вспомнил молодого пушкаря, бросившегося освобождать тонущую лошадь. Вспомнил списки погибших, которые всё ещё приходилось уточнять. Теперь за словами «поход не удался» стояло множество человеческих судеб. Иван велел продолжить разбор военных расходов и потерь.

Работа предстояла долгая.

В начале марта царь вернулся в Москву. Город уже готовился к весне. На солнечных сторонах улиц снег почти исчез. По утрам ещё подмораживало, но днём вода стекала с крыш, а на дорогах появлялись глубокие колеи. После московских пожаров прошло меньше года. Во многих местах всё ещё продолжалось восстановление. Новые дома стояли рядом с пустыми дворами. На торгу снова становилось людно, хотя некоторые торговые места оставались незанятыми. Кузнецы, плотники, каменщики и возчики работали почти без перерыва.

Иван ехал через город, стараясь разглядеть перемены. На одном из дворов поднимали большую деревянную стену. Несколько человек одновременно натягивали верёвки, помогая поставить тяжёлую балку. Другие поддерживали её снизу. Царь невольно вспомнил артиллерийские сани. Там тоже требовались десятки рук, прочные верёвки и точный расчёт.

Но здесь работа шла на сухой земле. Иван остановил коня ненадолго, затем продолжил путь. Во дворце его встретила Анастасия. Она ждала мужа с самого утра. Известие о его приближении пришло заранее, но точного часа возвращения никто не знал. Царица несколько раз выходила к окну, прислушивалась к шагам служителей и спрашивала, не появился ли новый гонец.

Когда Иван вошёл, она подошла к нему прежде, чем он успел снять верхний кафтан. Он обнял жену. Некоторое время они стояли молча. Потом Анастасия отступила и внимательно осмотрела его лицо.

— Похудел.

Иван улыбнулся.

— Дорога была трудная.

— Знаю.

Она коснулась его руки. Пальцы были холодными.

— Замёрз?

— Уже нет.

Анастасия велела принести горячей воды и еды. Затем помогла снять тяжёлую дорожную одежду. Иван рассказывал о походе не сразу. Сначала говорил о дороге, о Нижнем Новгороде, о погоде. Потом упомянул гибель артиллерии. Анастасия слушала внимательно.

— Людей много погибло? — спросила она.

— Есть погибшие.

— А семьи их знают?

Иван посмотрел на неё.

— Известят.

Она кивнула. Царь рассказал о продолжении похода Бельским и о том, что войско дошло до Казани.

— Но города не взяли, — закончил он.

Анастасия не стала уверять, что всё равно достигнута большая победа. Она знала, что мужу подобные слова сейчас неприятны.

— Ты сам цел, — сказала она.

Иван поднял голову.

— А другие нет.

Царица ничего не ответила. Он сел возле печи. Наблюдал, как огонь освещает камни и железную дверцу. За окном раздавались голоса дворцовых служителей. Где-то далеко звонил колокол.

— Я ведь думал, — произнёс Иван наконец, — что коли всё приготовить, рать дойдёт.

Анастасия села рядом.

— А не дошла?

— Дошла. Только без того, что нужно было.

Он рассказал подробнее о повреждённых санях, об утонувших пушках, о том, как вода скрывала трещины во льду. Жена слушала. Когда Иван закончил, она спросила:

— А можно было иначе пойти?

— Может, и можно. Только другой дороги для такого наряда не приготовили.

— Значит, теперь узнаете.

Иван повернулся к ней.

— Что узнаем?

— Где можно пройти. А где нельзя.

Он задумался. Её слова были простыми, но не звучали как утешение. Она не обещала, что новая попытка непременно окажется удачной. Лишь напоминала о том, что пережитое можно использовать.

— Узнаем, — повторил Иван.

После этого разговор перешёл к дворцовым делам. Анастасия рассказала о Юрии и Ульяне. Молодые супруги постепенно привыкали друг к другу. Юрий продолжал заниматься деревянными сооружениями, а Ульяна уже научилась понимать многие его жесты. Иногда они

ссорились из-за мелочей, но чаще находили общий язык без вмешательства Семёна. Иван улыбнулся.

— Надо к ним сходить.

— Завтра. Сегодня отдохни.

Он не стал спорить. Позднее, за ужином, Анастасия рассказала о восстановлении некоторых московских домов и о женщинах, которым удалось найти работу. Иван слушал. Ему было приятно узнавать, что за время его отсутствия жизнь не остановилась. Однако уже на следующий день пришлось снова заниматься государственными делами.

Матвей Лазарев явился с несколькими книгами. В них находились сведения о расходах на поход, о прибывших и отставших служилых людях, о потерянных орудиях и припасах. Иван велел начать с артиллерии. Дьяк развернул список. Некоторые строки были помечены как окончательные. Против других оставались вопросы. Часть имущества ещё могла находиться у возвращавшихся отрядов.

— А люди? — спросил царь.

Матвей представил другой перечень. Здесь значились погибшие, пропавшие и оставленные по болезни. Иван внимательно читал. На одном имени остановился.

— Этот кто?

Матвей назвал возчика, погибшего возле Работки.

— Семья есть?

— Жена и дети.

— Где живут?

Дьяк назвал место. Иван вспомнил молодого пушкаря, с которым разговаривал возле повреждённого наряда.

— Кто имя подтвердил?

Матвей показал запись, составленную со слов товарищей погибшего. Среди свидетелей значились Мирон Степанович и Игнат. Царь кивнул.

— Верно.

Он велел проверить, получили ли родственники известие, и представить сведения о том, какое содержание или помощь возможно назначить семье по обстоятельствам службы. Матвей записал распоряжение. Затем они перешли к другим именам. Работа заняла почти всё утро. Когда дьяк ушёл, Иван попросил принести роспись полков. Он снова развернул её на столе.

Теперь в ней появились новые пометы. Некоторые имена были зачёркнуты. Возле других стояли отметки о ранениях, болезни или возвращении. Часть назначенных мест сбора оказалась изменена уже во время движения. Иван начал внимательно сравнивать первоначальные распоряжения с тем, как поход проходил в действительности. Ему хотелось понять не только почему не удалось взять Казань, но и почему дорога от Москвы до Волги оказалась настолько трудной.

Он велел позвать людей, отвечавших за подготовку саней и доставку артиллерии, а также нескольких опытных возчиков. На этот раз собирался расспрашивать их не о том, кто виноват в задержках, а о том, как именно двигались грузы, где ломались крепления и какие участки дороги были опаснее других.

Тем временем Мирон и Игнат возвращались к привычной работе. Большая часть спасённого наряда нуждалась в осмотре. Приходилось заменять повреждённые деревянные части, проверять металлические крепления, приводить в порядок инструменты. Некоторые вещи после долгого пребывания в воде пришли в негодность. Игнат работал медленнее прежнего. После падения в Волгу он ещё долго чувствовал боль в пояснице. Мирон запрещал ему поднимать тяжёлые грузы, хотя молодой пушкарь сердился и пытался доказать, что вполне здоров.

Однажды мастер застал его возле большого железного крепления. Игнат собирался поднять его без помощи.

— Оставь, — сказал Мирон.

— Я могу.

— Знаю, что можешь.

— Так зачем?

— Чтобы завтра тоже мог.

Молодой человек усмехнулся и позвал товарища. Они подняли железо вдвоём. Позднее, когда работа закончилась, Игнат спросил, будут ли снова готовить поход на Казань. Мирон задумался.

— Государю решать.

— А ты пойдёшь?

— Коли назначат.

— И я пойду.

Старый мастер посмотрел на него.

— Сначала вылечись.

Игнат кивнул. Они продолжили разбирать инструменты. Возле стены лежала новая связка крепких верёвок. Мирон сам проверил каждую, расправил, осмотрел волокна и велел хранить под навесом, где их не достанет сырость. Игнат помог развесить связки. Затем взял одну из старых верёвок, спасённых после волжского бедствия. Она была жёсткой, местами потемнела и уже не годилась для тяжёлой работы.

Молодой пушкарь собирался выбросить её. Но Мирон остановил.

— Не всю.

Он отрезал несколько крепких частей.

— Для малой работы сгодится.

Остальное велел убрать. Игнат принялся разбирать волокна. За воротами постепенно таял снег. По двору текла вода. Вдали слышались удары кузнечных молотов, скрип телег и голоса людей, возвращавшихся с работы. Весна приближалась.

Мирон проверил последнее крепление и положил инструмент на место.

— Завтра начнём с новых саней, — сказал он.

Игнат поднял голову.

— Сейчас?

— А когда же?

Молодой человек посмотрел на приготовленное дерево. Ещё недавно ему казалось, что после такой неудачи люди долго не захотят вспоминать о пушках и зимней дороге. Но мастер уже выбирал сухие брусья, проверял полозья и составлял список необходимых железных частей. Игнат подошёл ближе.

— Эти крепче сделаем?

Мирон провёл ладонью по дереву.

— Постараемся.

Затем показал, где следует выбрать паз и как расположить железную полосу, чтобы она не перерезала дерево при сильном натяжении. Игнат внимательно следил за его рукой. На этот раз он не торопился. Он хотел понять каждое движение прежде, чем взять инструмент. Мирон передал ему мерку. Игнат приложил мерку к сухому брусу и наметил углём место для паза. Мирон проверил линию, но не стал брать инструмент из его рук. Младший работник сам выбрал дерево, снял первую стружку и приложил железную полосу. Она легла неровно; пришлось снять ещё немного древесины.

Когда полоса вошла без усилия, Игнат показал соединение мастеру. Тот только попросил не забивать крепление до окончательной примерки. Молодой человек отложил молот и снова проверил меркой обе стороны. За стеной мастерской возчик уже распрягал лошадь, а на вер-

стаке лежали детали для следующих саней. Мирон пододвинул к Игнату новый брус. На этот раз молодой работник сам попросил сначала показать, где пройдёт тяжёлый канат.

ГЛАВА ПЯТАЯ
ГОЛОС ИЗ БЛАГОВЕЩЕНСКОГО СОБОРА

Москва. Март — май 1548 года.

Весна пришла в Москву с запахом сырого дерева. Солнце уже пригревало кремлёвские стены, с крыш падали тяжёлые капли, а в узких проходах между зданиями ещё лежал потемневший снег. По утрам землю схватывало морозом, зато к полудню она превращалась в вязкую грязь. Рабочие переносили доски по настилам, чтобы не утопать по щиколотку. Возчики ругались на ухабах, лошади тяжело вытягивали нагруженные телеги из размокших колей. В Благовещенском соборе пахло известью, древесной стружкой и свежим клеем.

Здесь уже давно шло восстановление внутреннего убранства, повреждённого во время прошлогоднего пожара. В некоторых местах сохранялись следы копоти. Часть настенной живописи погибла, другие изображения пострадали настолько, что требовали длительной работы. Для иконостаса готовили новые доски, золото, краски и деревянные детали. Одновременно мастера проверяли сохранившиеся древние иконы, стараясь определить, какие из них можно вновь поместить в храме. Работа требовала не только умения, но и осторожности.

Огонь уничтожил многое. Однако не всякий образ, почерневший от дыма, следовало считать погибшим. Иногда под слоем копоти сохранялась старая живопись, которую можно было очистить, не повредив. В других случаях доска выглядела целой, но жар уже ослабил деревянные соединения, и при малейшем движении по поверхности начинали расходиться трещины. Иконник Данила Терентьевич стоял возле длинного стола, на котором лежала новая доска. Она была тщательно выстругана, укреплена с оборотной стороны и покрыта первым слоем грунта.

Мастер провёл пальцем по поверхности. Затем остановился. Возле края появилась тонкая трещина.

— Федот, подойди.

Молодой ученик отложил кисть.

— Что случилось?

Данила показал повреждение.

— Вчера этого не было.

Федот наклонился.

— Может, клей плохо держит?

— Клей добрый.

— Тогда отчего?

Мастер осторожно приподнял доску, осмотрел её с оборота и положил обратно.

— Дерево сырое.

Федот удивился.

— Мы ведь его сушили.

— Недолго.

— Сколько велели, столько и держали.

Данила нахмурился. Он помнил, как принимал новую партию липовых досок. Древесину привезли зимой, уверяя, что она заготовлена давно и вполне пригодна для работы. На вид дерево действительно казалось хорошим. Но теперь, когда в мастерской стало теплее, отдельные доски начали изменять форму. Одна слегка выгнулась. На другой выступила небольшая трещина. Третья повела себя так, что подготовленный грунт отделился возле края.

— Эту отложи, — сказал Данила.

Федот взял доску.

— А вместо неё?

— Другую приготовим.

— Других почти не осталось.

Мастер подошёл к штабелю. Доски лежали на деревянных подкладках, между которыми оставляли небольшие промежутки для воздуха. Данила осторожно проверил верхние, затем попросил снять ещё несколько. На одной он обнаружил едва заметный изгиб.

— И эта нехороша.

Федот тревожно оглянулся. В мастерской работали ещё четверо человек. Один растирал краски, другой готовил грунт, двое занимались деревянными деталями будущего иконостаса. Работа была рассчитана на определённый срок. За неё уже получили часть платы, которую пришлось потратить на содержание мастерской, покупку материалов и жалованье помощникам. Теперь выходило, что несколько недель труда могут оказаться напрасными.

— А если всё-таки написать? — спросил ученик.

Данила повернулся к нему.

— Что написать?

— Образ. Доска ведь не развалилась.

Мастер взял повреждённую заготовку и поставил её на ребро.

— Сегодня напишем. Летом дерево досохнет, пойдёт трещина через лицо. Кто тогда отвечать станет?

Федот промолчал. Он знал ответ. Отвечать придётся мастеру. Данила много лет занимался иконным письмом. Прежде работал в Новгороде, затем перебрался в Москву. Умел готовить краски, выбирать доски, подбирать мастеров для больших работ. Он хорошо знал, что иконописание требует особенного терпения. Нельзя было заставить дерево сохнуть быстрее одним распоряжением, как нельзя было приказать краске закрепиться прежде, чем она действительно просохнет.

Однако заказчикам подобные обстоятельства часто казались лишь оправданием задержек. Данила велел ученику разыскать священника Сильвестра.

— Скажи, чтобы пришёл. И доски все приготовь для осмотра.

Федот поспешил к выходу. Мастер остался возле стола. Через открытое окно доносился стук молотков. На соседнем участке плотники поднимали деревянную конструкцию, а дальше, возле соборной стены, работали люди, готовившие основание для новых лесов. Данила закрыл окно. Весенний воздух был ещё слишком сырой.

Сильвестр пришёл после полудня. Он служил священником Благовещенского собора уже несколько лет. Иван знал его по богослужениям, но прежде не уделял особого внимания. При государевом дворе находилось немало духовных лиц, и молодой царь далеко не со всеми разговаривал вне церковных служб. Сильвестр отличался от многих прежде всего деятельностью.

Он был выходцем из Новгорода, где занимался книжным и иконным делом, хорошо знал ремесленные работы и привык лично проверять исполнение поручений. В Москве его знакомство с митрополитом Макарием открыло возможность участвовать в больших церковных трудах. После пожара он оказался среди тех, кому пришлось заниматься восстановлением пострадавших кремлёвских храмов. Сильвестр не любил беспорядка. В мастерской он сразу заметил, что часть досок отложена отдельно.

— Что произошло?

Данила показал повреждения. Священник осмотрел одну заготовку, затем другую. Попросил принести нож и осторожно проверил край дерева возле трещины.

— Когда привезли?

Мастер назвал время.

— Кто принимал?

— Я принимал.

— Сырость тогда заметил?

Данила помедлил.

— Не заметил.

Сильвестр повернулся к нему.

— А теперь?

— Теперь вижу.

Священник придержал приготовленный упрёк. Доски уже приняли, часть денег выплатили; теперь новый спор мог лишь задержать работу, но не исправить порченое дерево.

— Сколько таких?

Данила показал приготовленную древесину. Сильвестр велел осмотреть всю партию. Работа заняла немало времени. Некоторые доски действительно оказались пригодными. Другие вызывали сомнение. Несколько пришлось признать совершенно неподходящими для больших образов.

Священник долго рассматривал результаты.

— Кто дерево привозил?

Мастер назвал торгового человека.

— Позвать его.

Федот отправился искать поставщика. Когда ученик вышел, Данила осторожно спросил:

— А срок?

Сильвестр повернулся.

— Какой срок?

— Что государевы люди назначили.

Священник нахмурился. Он хорошо знал, сколько ожиданий связано с восстановлением Благовещенского собора. Для царя это был не просто один из кремлёвских храмов. Здесь совершались богослужения, связанные с жизнью государевой семьи. Здесь Иван молился ещё ребёнком. Здесь сохранялись изображения, знакомые нескольким поколениям московских государей.

После пожара храм следовало восстановить достойно. Но именно это требовало времени.

— Писать на дурной доске не станем, — сказал Сильвестр.

Данила облегчённо вздохнул.

— А государевым людям кто объяснит?

— Я объясню.

Мастер поклонился. Сильвестр подошёл к окну. Во дворе двое работников поднимали тяжёлую балку. Один стоял на лесах, другой подавал дерево снизу. Верёвка скрипела, балка медленно поворачивалась. Священник наблюдал за ними.

Затем заметил, что верхнее крепление лесов держится недостаточно надёжно.

— Кто здесь старший? — спросил он.

Данила назвал плотника. Сильвестр велел его позвать. Через несколько минут работа остановилась. Плотник выслушал замечание, проверил крепление и согласился добавить поперечную связь.

— Давно бы надобно, — сказал Сильвестр.

Плотник не возразил, хотя по лицу было видно, что вмешательство ему неприятно. Священник вернулся к иконникам. Уже стемнело, когда он закончил осмотр. Перед уходом велел не приступать к письму на сомнительных досках, пока не будет найден подходящий материал. Данила согласился. Но после ухода священника долго стоял возле отложенных заготовок.

На столе лежали две записи: сколько ещё должны рабочим и сколько будет стоить новый лес. Сильвестр провёл под ними черту, но свободных денег от этого не прибавилось. Сколько времени займёт всё это, никто не знал.

В царском дворце весна началась с разбора расходов на неудавшийся Казанский поход. Иван уже несколько недель находился в Москве. Отдохнуть после возвращения почти не удалось. Продолжали поступать сведения о потерянных орудиях, израсходованных припасах и

служилых людях, которые ещё не прибыли к своим местам. Особенно раздражала царя неполнота записей.

В одной книге значилось, что несколько орудий утрачены на Волге. В другой против тех же пушек стояли пометы о возвращении. При проверке выяснилось, что часть записей относилась к различным орудиям, похожим по размеру и назначению. Матвей Лазарев вместе с Лукой пытался привести сведения в порядок. Иногда работа занимала целый день. Иван требовал точности.

Он уже не надеялся получить один окончательный список, который объяснит все обстоятельства похода. Но теперь хотел знать, почему такие сведения вообще оказываются столь ненадёжными. Однажды утром Матвей принёс исправленную роспись артиллерии.

— Государь, ещё два орудия нашлись.

Иван поднял голову.

— Где?

Дьяк назвал место.

— Почему прежде утраченными считались?

— В другую запись попали. Их с повреждённым обозом отправили, а отметку не перенесли.

Царь отложил грамоту.

— Значит, люди не знают, что сами везут.

Матвей возразил:

— Люди знают. Только не все книги вместе идут.

— Так пусть вместе идут.

— В походе не всегда возможно. Одни при наряде, другие при полках.

Иван раздражённо взял исправленную роспись. Ему уже надоели подобные объяснения. В последние месяцы он всё чаще обнаруживал, что любое государево распоряжение распадается на множество частных действий, которыми невозможно управлять непосредственно из одной комнаты. Воевода отвечает за полк. Пушкарь — за орудие. Возчик — за доставку. Дьяк — за запись. Но когда что-нибудь происходит не так, виновного начинают искать среди всех сразу.

— Надобно устроить иначе, — сказал царь.

Матвей поклонился. Он слышал эти слова не впервые. Однако теперь Иван не ограничился недовольством. Велел представить сведения о том, кто именно ведёт учёт артиллерии, в каких местах составляются записи и кто отвечает за передачу имущества между военными распорядителями. Матвей начал объяснять существующий порядок. Иван слушал, иногда прерывая вопросами.

Работа затянулась. Только ближе к полудню царю сообщили, что прибыл священник Сильвестр с просьбой о разговоре. Иван сначала хотел отложить встречу. Но затем вспомнил, что в Благовещенском соборе продолжаются восстановительные работы.

— Пусть войдёт.

Сильвестр появился без особой торжественности. На нём была тёмная одежда, на которой возле рукава сохранился след известковой пыли. Он поклонился государю и дождался разрешения говорить.

— Что у тебя? — спросил Иван.

Священник сообщил о повреждённых досках, задержке изготовления новых икон и необходимости заменить часть материала. Царь слушал внимательно, но постепенно начал хмуриться.

— Доски когда привезли?

— Зимой.

— А теперь весна.

— Потому и увидели, государь, что дерево сырое. Тепло пришло, его повело.

— Прежде не заметили?

— Не всё можно было заметить.

Иван положил перед собой лист.

— Кто принимал?

Сильвестр назвал Данилу.

— Значит, мастер ошибся.

— Ошибся, государь.

— А теперь просит новые деньги?

Священник ответил, что речь идёт прежде всего о замене негодного материала. Иван почувствовал знакомое раздражение. После Казанского похода он уже слишком часто слышал, что всё было приготовлено правильно, но затем обнаружились обстоятельства, которых никто не предусмотрел.

— Везде одно и то же, — сказал он. — На Волге лёд виноват, здесь дерево. А люди за что отвечают?

Сильвестр не сразу ответил.

— За то, что могут сделать.

Иван поднял голову.

— А чего не могут?

— Дурную доску доброй сделать.

Царь нахмурился. Ответ прозвучал слишком просто.

— Ты мне о ремесле говорить пришёл?

— И о ремесле тоже.

— Я знаю, что доска должна быть сухая.

— Значит, велишь взять сухую.

Иван отодвинул бумаги.

— Ты не понял. Я спрашиваю, отчего прежде не позаботились.

Сильвестр объяснил обстоятельства поставки. Он не пытался скрывать, что иконники должны были тщательнее проверить материал, а люди, принимавшие дерево, могли проявить большую осторожность. Но теперь, когда недостаток обнаружился, продолжать работу на негодных досках было нельзя. Иван выслушал.

— Проверить поставщика, — распорядился он. — И мастера тоже. Если деньги взял за хорошее дерево, а привёз плохое, пусть отвечает.

Сильвестр согласился. Затем осторожно добавил:

— Только иконников до разбирательства без работы оставлять не следует.

Иван резко повернулся.

— А кто велит оставлять?

— Ещё не велишь, государь. Но люди, которые ведают расходами, уже не хотят выдавать новые материалы, пока не выяснят, кто виноват.

— Так правильно делают.

— Не всё правильно.

Царь смотрел на священника с явным неудовольствием. Сильвестр продолжил:

— Если проверка затянется, мастера разойдутся. Одни в Новгород вернутся, другие другую работу возьмут. Собрать их снова будет труднее.

— А если теперь ещё денег дать, кто поручится, что снова не испортят?

— Я не прошу без счёта давать. Прошу отделить то, что уже испорчено, от того, что ещё можно сделать.

Иван помолчал. Ему не нравилось, что священник говорит так уверенно. Но предложение было разумным.

— Пусть Матвей разберёт, — сказал он.

Сильвестр поклонился. Он мог бы закончить разговор на этом. Однако заметил лежавшую возле царя роспись погибших в походе. Иван увидел направление его взгляда.

— Что?

— Служилые люди?

— Погибшие.

Священник не стал расспрашивать. Но царь неожиданно сам заговорил о Волге. Рассказал, как под тяжёлыми санями ломался лёд, как люди пытались спасти пушки, как воеводы спорили о продолжении движения. Сильвестр слушал. Когда Иван закончил, священник спросил:

— А прежде выхода кто дорогу проверял?

Царь нахмурился.

— Проверяли.

— Кто именно?

Иван назвал людей, отвечавших за движение наряда.

— И что сказали?

— Что можно идти.

— А когда оттепель началась?

— Тогда уже в пути были.

Сильвестр немного помолчал.

— Значит, надо узнать, кто первым опасность заметил.

Иван поднял голову. Он не ожидал такого ответа. Обычно духовные лица, услышав о неудаче похода, начинали говорить о необходимости молитвы, смирения и покаяния. Сильвестр же спрашивал о людях, проверявших дорогу.

— Зачем? — спросил царь.

— Чтобы понять, отчего не остановились.

Иван откинулся на спинку кресла.

— Остановись мы раньше, сказали бы, что испугались.

— Кто бы сказал?

— Многие.

— А кто их имена знает?

Царь раздражённо усмехнулся.

— Ты думаешь, государю безразлично, что люди о нём говорят?

— Не думаю.

Сильвестр произнёс это спокойно. Затем добавил:

— Только те, кто погиб, уже ничего не скажут.

Иван резко поднялся. Матвей, находившийся возле другого края стола, перестал перебирать бумаги. Священник понял, что сказал больше, чем следовало бы говорить человеку его положения. Но отступать не стал.

— Государь, прости, коли не к месту слово пришлось.

Иван подошёл к окну. За ним виднелись кремлёвские дворы, где продолжали работать плотники. Несколько человек переносили тяжёлые доски. Один остановился, чтобы поправить верёвку на связке. Царь наблюдал за ними. Потом повернулся.

— Ты хочешь сказать, что я людей погубил?

Сильвестр ответил не сразу.

— Я не знаю всех обстоятельств похода.

— Тогда зачем говоришь?

— Потому что ты сам спросил, отчего люди не исполнили твою волю. А я думаю, что не всякую беду можно объяснить непослушанием.

Иван почувствовал, как горячая злость поднимается к лицу. Ему хотелось прекратить разговор. Он уже собирался велеть священнику уйти, но заметил, что тот не пытается ни оправдаться лестью, ни спорить о собственном достоинстве. Сильвестр стоял неподвижно.

— Ступай, — сказал Иван наконец. — По соборному делу Матвей распорядится.

Священник поклонился и вышел. Царь вернулся к столу. Матвей осторожно продолжил работу. Однако Иван больше не мог сосредоточиться на записях. Он несколько раз перечитал одну и ту же строку, затем отложил лист.

— На сегодня довольно.

Дьяк поклонился и собрал бумаги. Когда дверь закрылась, царь прошёл по комнате. Его раздражал Сильвестр. Не столько из-за сказанных слов, сколько из-за того, что священник не побоялся произнести их перед самим государем. Иван уже сталкивался с подобным прежде. Макарий нередко возражал ему, но митрополит был старшим церковным владыкой, человеком, которого уважали ещё при Василии Третьем. Его право наставлять царя казалось естественным.

Сильвестр же оставался обыкновенным священником государевой церкви. И всё-таки он говорил так, словно считал возможным спорить с царём не только о молитвах, но и о государственных распоряжениях. Ивану это не нравилось. Однако вечером он велел разыскать человека, составлявшего сведения о переходе артиллерии по Волге. Ему захотелось узнать, действительно ли кто-нибудь предупреждал об опасности прежде, чем начали проваливаться тяжёлые сани.

Данила тем временем столкнулся с новой бедой. Поставщик досок явился лишь через несколько дней. Его звали Нечай Савельев. Он занимался торговлей древесиной, доставлял строительный лес и заготовки для разных московских мастерских. После пожара спрос на дерево вырос настолько, что торговец постоянно разъезжал между складами и пристанями. В мастерскую он пришёл недовольный.

— Что за жалобы на меня?

Данила показал повреждённые доски. Нечай осмотрел их.

— Дерево хорошее было.

— Было, может, хорошее. Теперь трескается.

— Потому что сушить не умеете.

Данила нахмурился.

— Я сколько лет с деревом работаю.

— А я сколько лет его продаю.

Оба замолчали. Сильвестр, присутствовавший при разговоре, попросил торговца показать, из какой партии взяты доски и когда их заготовили. Нечай ответил не сразу. Он утверждал, что древесина выдержана достаточно долго. Но когда начали сравнивать отдельные заготовки, выяснилось, что в одну поставку попали доски разного происхождения. Часть действительно была сухой. Другие заготовили значительно позже.

— Кто смешал? — спросил Сильвестр.

Торговец развёл руками.

— На складе люди работали. Я каждой доски не держал.

— А деньги за все взял одинаковые.

— По уговору взял.

Священник велел принести запись о поставке. Нечай заметно занервничал. Он не считал себя злодеем. Древесина была куплена за настоящие деньги, доставлена в Москву, выгружена и передана мастерам. Он действительно не проверял каждую доску. Но теперь от него требовали возместить ущерб за материал, который уже несколько месяцев находился у иконников.

— Почему прежде не жаловались? — спросил он.

Данила объяснил, что недостатки проявились после изменения погоды.

— Значит, у вас испортилось.

— Оно не от погоды стало сырым, — возразил мастер. — Сырость в дереве прежде была.

Нечай сердито поправил пояс.

— А мне откуда знать, как вы его хранили?

Разговор снова зашёл в тупик. Сильвестр велел принести несколько досок из той же партии, которые ещё не использовали. На одной из них действительно обнаружились признаки недостаточной просушки. Однако священник понимал, что доказать виновность поставщика будет трудно. Мастер принял дерево, расписался в получении, часть материала уже пошла в работу.

— Не будем теперь кричать, — сказал он. — Надо решить, что делать с оставшимся.

Нечай предложил заменить часть досок, но потребовал доплаты за перевозку. Данила возмутился.

— За твою ошибку ещё платить?

— Я не признавал ошибки.

Сильвестр остановил спор. Он предложил отобрать негодные доски, сравнить их с остатками поставки и представить дело на проверку. До решения вопроса торговец должен был доставить другую древесину, действительно пригодную для работы. Если выяснится, что виноват поставщик, расходы лягут на него. Если материал испортили после приёмки, придётся разбирать ответственность мастеров. Нечай согласился неохотно.

Данила тоже остался недоволен. Каждый рассчитывал получить немедленное решение в свою пользу. Но священник не пожелал назначать виновного прежде проверки. После ухода торговца мастер подошёл к Сильвестру.

— А государь что сказал?

— Разобрать велел.

— Значит, работать пока не можем?

— На добрых досках работайте.

— Их мало.

Священник посмотрел на приготовленные краски, деревянные детали, инструменты.

— Займитесь тем, что можно сделать без новых досок.

Данила поклонился. Однако когда Сильвестр ушёл, мастер сердито бросил на стол кусок ветоши. Федот поднял голову.

— Что?

— Ничего.

— Тогда зачем сердишься?

Данила повернулся к ученику.

— Потому что всякий велит работать, а как — никто не знает.

Федот хотел ответить, но сдержался. Он сам уже несколько дней занимался вспомогательными работами, не имея возможности продолжать письмо. Денег ему платили мало, а дома ожидали мать и младшая сестра.

— Мастер, — спросил он, — а жалованье нынче будет?

Данила посмотрел на юношу.

— Будет, коли получим.

— А когда?

— Не знаю.

Федот опустил инструмент. Несколько минут он продолжал работать, затем осторожно сказал:

— Меня к другому мастеру звали.

Данила поднял голову.

— К кому?

Ученик назвал имя.

— И что обещал?

— Плату. И работу постоянную.

Мастер почувствовал обиду. Он сам обучал Федота, несколько лет кормил его, показывал, как готовить краски и работать с тонкой кистью. Теперь, когда мастерская переживала трудности, ученик собирался уйти.

— Так иди, — резко сказал Данила.

Федот побледнел.

— Я ведь не сказал, что уйду.

— А чего сказал?

— Спросил только.

Мастер отвернулся. Вечером, когда остальные работники разошлись, он обнаружил, что Федот всё ещё находится возле стола. Юноша осторожно растирал краску.

— Почему не ушёл? — спросил Данила.

— Завтра понадобится.

Мастер помолчал. Затем подошёл к сундуку, где хранились деньги, и достал небольшую сумму.

— Возьми. Остальное после.

Федот не сразу протянул руку.

— А тебе?

— Мне тоже надо. Только ты ведь не ради меня работаешь.

Юноша принял деньги. На следующий день он пришёл раньше обычного.

Сильвестр узнал о разговоре Данилы с учеником от одного из работников. Это известие встревожило его сильнее, чем спор с поставщиком. Он хорошо знал ремесленные мастерские. Ещё в Новгороде приходилось содержать учеников, нанимать мастеров, покупать материалы, искать заказчиков. Если работа останавливалась, люди начинали расходиться. Вернуть их затем было трудно.

Священник отправился к митрополиту Макарию. Владыка находился в помещении, где ему читали церковные книги. После пожара здоровье его восстановилось не полностью. Он быстрее уставал, чем прежде, иногда испытывал боль и не мог долго заниматься чтением собственными глазами. Увидев Сильвестра, митрополит велел отложить книгу.

— Что у тебя?

Священник рассказал о восстановлении собора, о плохих досках и задержке работы. Макарий слушал внимательно.

— Государь знает?

— Знает.

— Что сказал?

— Разобрать велел.

Митрополит кивнул. Сильвестр помедлил.

— Сердится он.

— На кого?

— На мастеров. На меня тоже.

Макарий немного улыбнулся.

— Ты, верно, говорил неосторожно.

Священник не стал отрицать. Он рассказал о разговоре с Иваном, в том числе о вопросах, связанных с Казанским походом. Митрополит выслушал до конца.

— Отчего ты решил говорить о Волге, когда пришёл по соборному делу?

Сильвестр задумался.

— Сам государь заговорил.

— А ты?

— Ответил.

— Как ответил?

Священник повторил свои слова. Макарий нахмурился.

— Ты не знаешь всех обстоятельств похода.

— Так и сказал.

— Но государь мог услышать другое.

Сильвестр промолчал. Митрополит продолжил:

— Когда человеку и без того тяжело, не всякое верное слово следует произносить так, будто ты уже вынес суд.

Священник поднял голову.

— А если он сам хочет виновных искать?

— Тогда надобно помочь ему разобраться, а не назначать другого виновного вместо прежних.

Сильвестр размышлял. Он не считал себя неправым. Но теперь признавал, что его слова могли прозвучать как прямое обвинение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.